

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь



Москва 2011

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
http: //www.msps.su

*Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

*А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертез (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)*

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Верстка: *Валерия Козак*

Фото: *О. Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество», Фонда Ч.С. Мотта,
Шведского агентства международного сотрудничества для развития (SIDA),
группы компаний «Рольф».*

Содержание

№ 1 (54) 2011

К читателю	5
Семинар	
<i>Собственность и свобода</i>	7
<i>Ричард Пайнс</i>	
<i>Дискуссия</i>	12
<i>Заметки с семинара</i>	21
<i>Сергей Гогин</i>	
Тема номера	
<i>Современная российская модернизация: гражданский и нравственный вызовы</i>	25
<i>Александр Согомонов</i>	
Культура и политика	
<i>Культурные предпосылки демократической системы</i>	35
<i>Андрей Zubov</i>	
<i>О синтезе традиционных китайских ценностей и ценностей либеральной демократии</i>	47
<i>Хайфонг Лай</i>	
Точка зрения	
<i>Высшая школа: реформировать, не теряя времени</i>	61
<i>Сергей Гуриев</i>	
<i>Кремниевая долина: понимаем ли мы, что это такое?</i>	67
<i>Евгения Шамис</i>	
Гражданское общество	
<i>Круглый стол: язык гражданского общества (Нижний Новгород)</i>	74
<i>Цемент нашего времени</i>	85
<i>Максим Труделобов</i>	
Горизонты понимания	
<i>Политический концепт сетевого управления. Очерк методологии</i>	93
<i>Сергей Большаков</i>	

Интервью

Россия – Польша: осмысление прошлого и диалог

Наталья Балакирева

Алексей Макаркин

102

Книги

Уходящее племя

Андрей Захаров

110

Региональное книжное обозрение

Дмитрий Грушевский

112

Контрапункт

Владимир Рыжков

114

Nota bene

Мастерство политического портрета

Игорь Сапко

119

*В оформлении этого номера использованы работы авторов
из Бельгии, Германии, США, Франции*

К читателю

*Чувство собственного достоинства —
вот загадочный инструмент:
созидается он столетиями,
а утрачивается в момент...*

Булат Окуджава



*Юрий Сенокосов,
главный редактор журнала
«Общая тетрадь»*

О гражданском обществе в России говорят в последнее время часто, но смысл этого термина остается неясным, как и ответ на вопрос, почему так важно и необходимо развитие его институтов. Поэтому Школа решила начать реализацию проекта «Энциклопедия гражданской жизни», которая включает в себя проведение художественных выставок в столицах российских регионов на тему «Мера вещей: образ человека в русском искусстве», обсуждение с учителями средних школ концепции гражданского воспитания и создание «Гражданской энциклопедии». Это информационный ресурс на основе публикуемых на школьном сайте <http://www.msps.su/> статей, которые дают представление о современных словах и понятиях, используемых для характеристики и описания гражданского общества, публичной политики и разнообразных практик гражданского, социального и гуманитарного активизма.

Возрождение духа энциклопедизма, поддержание культуры рациональной, аргументированной дискуссии между конкурирующими, но договороспособными действующими лицами российского общества, по мнению инициаторов интернет-проекта, являются одним из условий развития динамичного, творческого, независимого гражданского общества. Цель энциклопедии — формирование адекватного языка для современного русскоязычного пространства, в том числе в рамках обсуждения проблематики гражданского общества на круглых столах в регионах.

Вторая составляющая проекта: разработка совместно с учителями средних школ концепции гражданского воспитания школьников, а также организация для педагогов тренингов с участием европейских экспертов для знакомства с их опытом, выражаясь словами известного российского педагога С. Соловейчика, «воспитания общением», «воспитания сотрудничеством», «воспитания сотворчеством». То есть, другими словами, с опытом развития у детей чувства ответственности, справедливости, солидарности. На этой основе мы рассчитываем подготовить проект закона о внесении предмета «воспитание гражданина» в учебные программы начальных классов средней школы.

Вся русская культура (литература, поэзия, публицистика, живопись, музыка) с конца XVIII века была пронизана, как известно, страстным гражданским чувством. Перевести это сохраняющееся и в наши дни чувство на язык рационального анализа и более глубокого понимания общественных проблем — возможно, если мы будем публично обсуждать такие темы, как язык гражданского общества, права человека, воспитание гражданина, не забывая о достоинстве и вести себя достойно в жизни.

Проект уже запущен и реализуется. Город Пермь, претендующий на звание культурной столицы Европы, руководство Пермского края встретили с интересом наше предложение о проведении в Пермской государственной художественной галерее выставки «Мера вещей: образ человека в русском искусстве» и обсуждении названных тем на публичных площадках Пермского государственного университета, филиала Высшей школы экономики, гимназии № 11 им. С.П. Дягилева.

Девиз Школы: «Гражданскому обществу — гражданское просвещение!». В регионы мы едем не с готовыми ответами, а с вопросами. Выступая в качестве партнеров, мы не только надеемся, но и уверены, что наш диалог с участниками публичных площадок будет продуктивным.

Собственность и свобода*

Многие десятилетия я посвятил изучению истории России. Когда в 1946 году, будучи уже аспирантом, я приехал в Гарвард и после защиты докторской диссертации в 1950 году читал курс по истории России, меня спрашивали: почему Россия? А Россия потому, что основные этапы ее исторического пути тесно связаны с Европой, это европейская страна, хотя ее социально-политическое устройство существенно отличалось от западноевропейского демократического. Посмотрите на историю России. Был длительный период автократического, даже деспотического режима правления. Напомню в этой связи о периоде царствования Александра II 1862–1863 годов, когда уже после отмены крепостного права его спросили, пойдет ли он на конституционные реформы. Александр ответил, что сделает это, если его убедят, что это не приведет к распаду Российской империи. С тех пор прошло почти 150 лет.

Пару лет назад президент Медведев сказал, что парламентская демократия это катастрофа для России. В чем же дело? Почему страна, несмотря на столетия развития государственности, пережившая автократизм, все равно не имеет системы необходимых гражданских прав? Я думаю, причина в том, что в России нет действующего института частной собственности. Чем более я углублялся в эту тему, тем более убеждался, что именно частная собственность лежит в основе западных демократических институтов и гражданских прав.

Кстати говоря, не все это правильно понимают. Если вы обратитесь к истории западных стран, то обнаружите, что термины и понятия, связанные с собственностью, в названиях книг, как правило, не упоми-



*Ричард Пайпс,
американский историк*

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 11 декабря 2010 г.

наются. Термин «собственность» применительно к эволюции американской государственности также отсутствует. Посмотрите на индекс, то есть на предметный указатель исторической литературы. Там на латинскую букву «P» есть такие понятия, как прогресс (progress), запрет (prohibition) и т.д., а там, где должен быть термин «собственность» (property), сразу идет термин «проституция» (prostitution).

Но в последние десятилетия все большее внимание уделяется именно роли частной собственности в экономических процессах. Очень интересную монографию на эту тему написал Дуглас Норт*, а мой коллега Дэвид Ландес отмечает, насколько западное демократическое общество развилось и окрепло благодаря защите института собственности. Но при этом не многие обращали внимание на роль частной собственности в укреплении свобод.

Очевидный факт состоит в том, что частная собственность определяет некоторые пределы государственной власти. Или государство владеет всей страной, или граждане владеют страной. В советское время все принадлежало государству. И граждане зависели от государства. Трудно было выступать против, критиковать, потому что следовали санкции, наказания. Поэтому, если говорить о частной собственности, то ее просто не было. А демократическое общество возникает тогда, когда граждане наделены правами частной собственности.

Факт состоит в том, что речь идет не только о самом институте частной собственности, который слабо развит в незападных цивилизациях. Но и тема свободы и термин «свобода»

мало развиты. Мозес Финдли, историк античности, в частности, пишет, что невозможно перевести термин «свобода» (freedom) на современные восточные языки. Например, когда японцы впервые прочли современные социально-политические исследования, они не смогли адекватно перевести понятие «freedom» и перевели его как «воля». А воля — это беспредельная свобода. Это касается и Кореи, и Китая. В мусульманских странах свои проблемы. Первыми стали писать о свободе, примерно в Средние века, местные социологи в Османской империи. И надо отметить, что в этот период отношения между Западом и этой империей были довольно сложными. Никакого взаимопроникновения культур не было, не было единых институций. Между тем идеи собственности и свободы в основном восходят к истории Греции. В литературе на эту тему, начиная с Древней Греции, прослеживаются три основные темы: политический, этический и экономический аспекты общественной жизни. Первый аспект: частная собственность порождает неравенство в обществе, что, в свою очередь, порождает социальные бунты, революции. Второй аспект: с моральной точки зрения собственность законна и справедлива, потому что каждый имеет право пользоваться плодами своего труда. Но много и тех, кто не прилагает никакого труда, чтобы приобрести богатство. Например, оно достается им по наследству. Экономический аспект: многие настаивают, что собственность — это самый эффективный способ создать дополнительное богатство. Оппоненты утверждают, что экономическая актив-

* См.: Дуглас Норт. Понимание процесса экономических изменений. Пер. с англ. Кирилла Мартынова, Николая Эдельмана. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.

ность, нацеленная на частную выгоду, приведет к ненужной конкуренции. Маркс, в частности, писал, что сторонники частной собственности считают, что она повышает самооценку, то есть определяет достоинство. С другой стороны, она же может породить жадность.

Во времена Платона бытовала идея идеально-го государства без права на частную собственность или существенного ограничения этого права, где все люди жили бы в условиях справедливости и свободы. Такого рода идеи были распространены и в более поздние времена западной цивилизации и даже реализовывались довольно широко в значительной части мира, но показали свою несостоятельность.

Вообще собственность как таковая, осознанно или нет, существовала всегда. В моральном смысле это сам факт физического владения вещами, собственностью. А вот термин «property» обладает уже правовым содержанием. Он означает, что собственностью можно распоряжаться: например, продать ее или передать другому. В западной цивилизации понятия собственности и владения ею хорошо разработаны. Впервые где-то в начале XX века английский орнитолог определил, что некоторые птицы ведут себя зимой нормально, а весной становятся очень воинственными. И когда они выют гнездо, то начинают «столбить» территорию. И это очень важно, потому что если этой территории не будет, то им придется далеко летать за пищей для птенцов. В мире более крупных животных, например оленей, самцы чаще дерутся друг с другом не столько за самок, сколько тоже за территорию.

Инстинкт собственности проявляется и у детей. Они часто используют слова «мой», «мое». Исследования, которые проводили английские психологи, показали, что большинство конфликтов происходит из-за собственности, то есть «моего» карандаша, игрушки и т.д. И что дети не понимают, что такое

Собственность – это не только средство обогащения, но и средство защиты от государства

частная собственность, не понимают, как можно жить в свободном мире. Уильям Джеймс, американский профессор психологии, более 100 лет назад в своем знаменитом труде, в частности, писал о воздействии частной собственности на развитие человека. По его словам, на первом плане в развитии человека всегда стоит ощущение «я», «мое», «мне» и т.д. Именно оно играет огромную роль в развитии человека, начиная с младенчества. При этом, когда мы говорим о самоощущении, речь, естественно, идет не только о собственном теле, но и о среде обитания: семья, имущество, жилище, репутация и т.д. Все это воспринимается не только эмоционально, но и психологически, определяет социальный статус человека.

Первый раз я приехал в Советский Союз в 1957 году. Меня поразило тогда отсутствие ощущения личности в людях, которых я встречал. Мне казалось, что это связано с тем, что у них нет собственности.

Если же говорить о собственности в исторической перспективе, где-то до XVIII века, то речь, конечно, идет прежде всего о земле. До буржуазных революций общества были в основном сельскохозяйственными, поэтому зе-



Луиза Невельсон. Дом мечты II. 1972

мля была основным источником благосостояния. В Месопотамии и Египте, например, не было личной собственности на землю, она полностью принадлежала верховной власти либо храмам. Впервые, мне кажется, собственность на землю появилась только в Древнем Израиле. В Библии есть заповедь «не укради». На самом деле речь здесь идет о том, что нельзя посягать на собственность, которой в те времена была именно земля как главный источник суще-

ствования. Однако есть в Библии и другое положение, что в каждый 50-й год земля, которая была отчуждена, куплена, взята за долги и т.п., должна вернуться к первоначальному владельцу. То есть это еще не была собственность в полном смысле слова.

В Древней Греции только тот человек, у которого в собственности была земля, мог быть гражданином. И только граждане могли владеть землей. У нас есть множество свиде-

тельств того, как происходили сделки с собственностью и в Древнем Риме. Там очень широко было развито право, в том числе и право на землю. Со временем Запад перенял это право, включая право на земельную собственность.

Во влиянии частной собственности на формирование свобод и гражданских прав можно убедиться на примере двух государств, находящихся как бы на разных полюсах: Англии и России. С одной стороны, демократия и гражданские права, с другой — Россия, которая длительное время была автократией. В Англии земля стала частной собственностью уже в XIII веке, а может быть, даже раньше. Теоретически король обладал тогда полной поддержкой суда, армии и флота. У него были особые права на земельную собственность. Но в Средние века палата общин, представленная в основном землевладельцами, начала захватывать все больше и больше власти в обмен на налоги. Более того, главной причиной английской революции XVII века и казни короля Карла I было нарушение права неприкосновенности частной собственности. В конце концов, когда началась война против Наполеона, Георг III уже не был абсолютным правителем, фактическое управление страной перешло к премьер-министру и его кабинету. Таким образом, все свидетельствует о том, что английские гражданские права держатся в исключительной степени на правах собственности.

В России все было совсем по-другому. Здесь поначалу частная собственность на землю в каких-то формах все же существовала, однако в период монгольского ига хан владел всем. В Европе же все было построено по-другому, там была совсем другая философия. Сенека в свое время ска-

зал, что король правит, а его вассалы владеют.

Когда иго было сброшено, Москва стала во главе России, но традиции сохранились — столь велико было влияние монголов на Россию. Хотя многие историки его отрицают, в частности Ключевский и Соловьев. Но мне кажется, что они не правы, и могу сказать почему. Царь в России владел в действительности всем, земля лишь условно принадлежала помещикам — они пользовались ею, но не могли распоряжаться по своему усмотрению. Соответственно и институт собственности не получил развития. Царю не нужен был парламент, чтобы договариваться с подданными, в том числе по налогам. Петр I ввел налог на соль, потому что ему нужно было содержать армию и флот, и его платили. Отсутствие иных форм собственности, кроме верховной, было основой российского деспотизма. Режим абсолютно ничем не был ограничен, главенствовало представление о том, что на первом месте государство, а не люди. До некоторой степени такой подход сохраняется и сейчас.

Правда, сейчас у вас есть частная собственность, но я не стал бы серьезно воспринимать право на нее. Две недели назад я читал в газете о том, что собираются рассматривать закон, согласно которому фермеры, владеющие землей, но не обрабатывающие ее или часто ее перепродающие, будут лишены этой собственности. Но тогда это не собственность. России необходимо наконец установить частную собственность как неотъемлемое право. И если государство нарушает это право, у людей должны быть все возможности, чтобы его отстоять. Тогда у вас появится гражданское общество, которого до этого не было.

Дискуссия

Максим Новиков, главный редактор Информационно-аналитического портала «Другая Тверь», г. Тверь:

— Г-жа Немировская, представляя вас, говорила, что при советской власти запрещали читать книги Пайпса. Нас в университете заставляли читать книги Пайпса, потому что преподаватели были поклонниками именно ваших книг. Так получилось, что изучение опричнины, Ивана Грозного и последующих преобразований в России прошло у нас под знаком ваших книг. Было организовано множество дебатов. Так что по вашим книгам я познакомился с историей России, о чем не жалею.

Вы говорили о частной собственности как основе гражданского общества. В России в 1992 году была проведена приватизация, которая вызывает много вопросов. Может ли приватизация считаться основой для создания частной собственности и, как следствие, может ли из этого вырасти гражданское общество? Или же мы прошли эту черту неправильно, и у нас теперь нет шанса построить гражданское общество? Спасибо.

Ричард Пайпс:

— Спасибо за то, что вы сказали о моих книгах. Все время, пока существовало советское государство, я был его недругом. Была даже издана брошюра «Мистер Пайпс фальсифицирует историю». Но я к этому привык.

Что касается приватизации 1992 года, то я должен сказать, что это очень плохо было сделано. Мы знаем, что олигархи украли очень много производственной собственности. Что с этим теперь делать, я не знаю, это вопрос экономистов и юристов. Но что-то нужно сделать, чтобы частная собственность была распределена на весь народ. Нужно, чтобы каждый гражданин России имел какую-то собственность, связанную со средствами производства. Сейчас это не так. Несколько миллионов людей ее имеют, а все другие нет. Нужно провести какую-то крупную реформу. Это очень трудно сделать, но это необходимо.

Евгений Ефремов, инженер ООО «ЧОП «Русич», Калужская область:

— Прокомментируйте, пожалуйста, мнение: гражданское общество начинается не с защиты собственных интересов, а с защиты общественных ценностей.

Ричард Пайпс:

— Чтобы возникло общественное сознание, начинать надо с сознания гражданина. Когда я был в советской России, меня поразило, что,

кажется, никто не знал, какие права вообще существуют. Если вы хотите создать общество прав, надо создать условия, при которых свои права осознает отдельно взятый человек.

Виктория Белявская, консультант по работе и продвижению в социальных медиа, Тюменская область:

— Я живу в Сибири и довольно долго жила в США. И в США меня всегда поражало, насколько это развитая территория, сколь высоко уважение к собственности и человеку. Когда вернулась в Сибирь, меня удивило, раньше я этого не замечала, что все живут в маленьких квартирках и не хотят развивать свою территорию, хотя у нее огромные ресурсы. Как вы это объясните?

Ричард Пайпс:

— Если бы у меня была другая лекция, то я бы много сказал по этому поводу. Что меня всегда поражало в России, так это то, что российское общество не политизировано и не социализировано. Если посмотреть на социологические опросы, посвященные ценностям, то на первом месте будут семья, дети и то узкое сообщество, в котором человек живет. А если спросить у американцев, то все будет наоборот. Когда я приехал сюда впервые, то увидел покрытую снегом территорию, множество селений, между которыми не видно никаких дорог. А если вы летите над Америкой, когда выпал снег, то вы увидите множество дорог, они расчищаются. Уже в этом большое отличие. Это разные уклады и стили жизни. Российской ментальности свойственно то, что люди не чувствуют себя частью целого. А большинство людей, которые их окружают, это их враги. Изучая русский менталитет, в Петербурге проводили опрос и пришли к выводу, что русские живут словно в окопах. Это ужасно так думать, но так есть. И президент Медведев несколько лет назад сказал, что Россия окружена врагами. Хочется спросить, что такого вы сделали, что все стали вашими врагами? Получается, что русские ни на кого не могут положиться. И это очень сильно отличается от положения в Америке. В Америке, если нарушаются права одной группы, то все чувствуют, что нарушаются и их права. Какое-то время назад в штате Коннектикут произошел такой случай. Речь идет об отчуждении собственности местных граждан. Американские власти имеют право отчуждать собственность в некоторых случаях. Например, им нужно построить железную дорогу, и для этого, конечно, нужна земля. При этом выплачивается компенсация тому, кто этой землей владеет. Так вот, пару лет назад в Коннектикуте были земли, где жили бедные и не платили больших налогов. И власти решили обустроить территорию так, чтобы на ней возникло нечто более достойное. Но это было неправильно. И вся страна выступила против этого, то есть каждый воспринял эту историю как посягательство на собственные права. Не думаю, что если в России будут нарушены права какого-то гражданина, то вся страна поднимется и выступит против этого. В России отсутствует публичное чувство солидарно-

сти, гражданское общество, вы не чувствуете ответственности друг перед другом.

Юрий Гончаров, *начальник аналитического отдела комитета информационной политики области, г. Вологда:*

— С одной стороны, в начале сессии было заявлено, что все ваши работы посвящены тому, что ничто заранее не предопределено. С другой стороны, прозвучало, что слово «свобода» не переводится на восточные языки. Получается, что есть некая культурная обусловленность, которая свойственна и России. В конце 80-х и начале 90-х годов казалось, что нам мешает наше тоталитарное прошлое. Потом стало понятно, что все гораздо глубже. Историк Киянов в одной из своих статей писал, что тоталитаризм в России идет от Ивана Грозного. Потом копали еще глубже — эпоха монгольского завоевания, византийское наследие. Хотелось бы понять, если Россия тысячелетия так живет, может быть, это и есть ее сермяжная правда?

Нам говорят, что нужно преодолеть наш культурный опыт. Россия неоднократно пыталась это сделать, но все возвращалось на круги своя. Вопрос: насколько история объективна и как можно преодолеть обусловленность?

Ричард Пайпс:

— Конечно, преодолеть тысячелетнюю историю очень трудно, но возможно. Это сделала, например, Япония после Второй мировой войны. Так что преодолеть можно. Но самое важное в том, чтобы ваше государство зависело от вас, а не вы от государства. Этого никогда не было в России, и чтобы этого достичь, нужно, чтобы были права собственности и права личности. Нужно, чтобы государство с этим считалось. И это ваше дело. Ваше и ваших детей.

Ирина Айданова, *пресс-секретарь председателя думы г. Пыть-Яха, Ханты-Мансийский автономный округ:*

— На протяжении многих лет советской истории граждан убеждали, что иметь собственность стыдно и незаконно. В 90-е годы люди стали приватизировать свое жилье, и это единственная собственность, которую они имеют. Но, к сожалению, расходы на содержание жилья все время увеличиваются, и в нашем регионе среди людей небогатых встал вопрос о деприватизации. Люди пытаются отказаться от частной собственности, потому что они больше теряют, чем приобретают. Как вы считаете, это специально делается? Государство хочет показать этим, что люди ему чем-то обязаны, как-то от него зависят? И еще: кому должны принадлежать права на полезные ресурсы?

Ричард Пайпс:

— Не знаю, сознательно ли это делает государство. Но хочу сказать, что существует два вида собственности. Та, что может использоваться в производстве, и та, которая не может. Квартиры и машины не могут



использоваться в производстве. А вот земля может. И полезные ископаемые могут помочь в производстве все большего и большего блага. А в квартирах, о которых вы говорите, вы просто живете. То есть люди должны приобретать такую собственность, которую смогут использовать в производстве.

Я понимаю, что зарплаты здесь достаточно маленькие, но и налоги не такие большие, как в других государствах. Это не 40%, как в Европе. Не думаю, что налоги имеют какое-то карательное свойство. Возможно, это просто инструмент для того, чтобы собственность не накапливалась у людей. Как бы то ни было, должно быть понимание, что собственность — это не только средство обогащения, но и средство защиты от государства. Такой менталитет отсутствует в вашей стране.

Павел Сиротин, корреспондент газеты «Молодой коммунар», Воронежская область:

— Я делал доклад по вашей книге «Собственность и свобода» в клубе предпринимателей. И ряд наших воронежских коллег сказали мне, что даже если человек имеет собственность, он, к сожалению, может быть несвободен в России. Вы говорите о том, что появление собственности приводит к тому, что человек борется за свои права. Но мне не удалось, к сожалению, убедить в этом аудиторию.

Ричард Пайпс:

— Есть, конечно, традиционное объяснение. В старой России власть имущие, то есть дворянство и купцы, были очень консервативными. Их не очень волновали гражданские права и свободы, поскольку они

понимали, что их собственность зависит от властей. Это связано с тем, что права собственности были сосредоточены у узкого круга граждан. Большинство населения состояло из крестьян, которые никакой собственностью не обладали и не боролись ни за какие права. Если права чрезвычайно сконцентрированы, они не способствуют идеям свободы. А вот когда они становятся общим достоянием, то играют роль инструмента борьбы. Ваши олигархи не являются демократами, а единственный, кто им был, сейчас находится в тюрьме. Я не говорю, что вам надо слепо следовать нашему опыту, но чем права шире, тем больше возможностей.

Илья Савченко, преподаватель, Государственный университет управления, Москва:

— Вы говорите о собственности как основном инструменте формирования гражданского общества. Однако в России не то чтобы вовсе не давали собственности, ее не очень-то хотели брать, так как за десятилетия была полностью разрушена соответствующая культура. Отсюда всегда было проще убеждать, чем бороться за что-то, не находя поддержки. Способствует ли собственность формированию общих интересов?

Ричард Пайпс:

— Я убежден, что да. В США любое нарушение прав собственности, как я говорил, вызывает широкие протесты. Показательный пример — обязательная медицинская страховка, которую должен иметь каждый гражданин США. Если у вас ее нет, то вы сами должны оплачивать услуги. Это вызывает большие протесты, поскольку деньги это наша собственность, а нас пытаются заставить ею распоряжаться не так, как мы хотим. В результате законы изменились, и отчисления на медицинские услуги перестали быть обязательными.

Вероника Круглашева, медиа-эксперт комитета «Равенство возможностей», Украина:

— Собственность дарит человеку свободу, но тут, мне кажется, кроется опасность. Человек может стать чрезмерно зависимым от своей собственности, которая становится доминантой, вступает в противоречие с принципом солидарности. Как можно минимизировать эту опасность?

Ричард Пайпс:

— Нет никаких сомнений в том, что собственность может пробуждать алчность, жажду наживы. Но в большинстве случаев этого все же не происходит. Несомненно, что собственность также повышает самооценку. Хочу добавить, что в английском языке понятие «собственность» имеет более широкое содержание, чем в русском языке. Люди могут сказать: религия — моя собственность. В английском слово «property» имеет также качественный, а не просто материальный смысл.

А естественные пороки всегда существовали. Ведь и любви сопутствует ревность, а ревность может, не дай бог, привести к убийству. Но мы ведь не перестаем любить из-за этого. Поэтому мне кажется, что такое опасение преувеличено. Любое хорошее качество может привести к плохому.

Павел Ситников, корреспондент газеты «Новые костромские ведомости», г. Кострома:

— Вы сказали, что государство не должно подминать под себя общество. Как может общество, которое воспитано кнутом, подчинить себе государство, сделать так, чтобы государство зависело от общества, а не наоборот?

Ричард Пайпс:

— Это очень медленный процесс. Но это, возможно, нужно только начать. Например, случай с Химкинским лесом. В прошлые времена с этим не возникло бы никакой проблемы, а сегодня люди сказали «нет», и правительство заколебалось. Это не имеет прямого отношения к собственности, но свидетельствует об общем настроении. Необходимо настаивать на том, чтобы правительство к вам прислушивалось. Для этого потребуется время, потому что власти не привыкли к такому положению дел. Нужно также, чтобы само правительство исполняло законы, что не типично для российской истории. В свое время граф Бенкендорф, которому пожаловались на то, что полиция незаконно закрыла «вредный» журнал, ответил, что такова традиция. Так вот, эту традицию нужно ломать. Это долго, и я точно не доживу до этого, но вы можете. Это может занять 15 лет, а может и 100.

Надежда Пайдоверова, председатель АНО «Школа прав человека», республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола:

— Понятно, что собственность — это важный вопрос в становлении гражданского общества. Видите ли вы какие-либо намерения нашего правительства сделать более привычными для населения страны такие понятия, как владение имуществом, собственность? Как вы думаете, какие действия следует предпринять для того, чтобы продвинуть этот процесс?

Ричард Пайпс:

— Не знаю точно намерений ваших властей, но мне кажется, они опасаются развития отношений по поводу собственности. Медведев все время говорит о модернизации. Я прочитал его речь, но про собственность там ничего не говорится, в основном про технологию. Не думаю, что ваши лидеры видят связь между развитием собственности и развитием экономики и общества. Мне бы хотелось поговорить с Медведевым и объяснить ему эту взаимосвязь. Он умный человек, мне кажется, он бы понял. Похоже, что пока это не находится в его повестке дня. Думаю, что у власти есть инстинктивное чувство того, что чем

больше собственности в ее руках, тем более властным будет правительство и тем меньше влияния будет у граждан.

Амар Темижев, журналист телевидеокомпании «Исламский мир», Карачаево-Черкесская Республика:

— У меня такой вопрос. Приводится множество примеров того, что есть в Америке, но нет у нас. Есть ли что-то, что есть у нас, но нет в Америке?

Ричард Пайпс:

— Думаю, что отношения между людьми здесь гораздо теплее, чем между американцами. То есть в Штатах взаимоотношения между людьми прагматичные, очень натянутые. Я родился в Польше и переехал в США, когда мне было 18, и был поражен, насколько неестественные там отношения между людьми. Теплые и искренние отношения — вот чему мы могли бы поучиться у вас.

Мне нравится та интеллектуальная жизнь, которую вы ведете. Я думаю, что российские интеллектуалы менее подвержены искушению просто делать карьеру. В Америке множество людей, которые защищают диссертации даже в 80 лет. Но в основном это делается для того, чтобы у людей была хорошая карьера. Так что я хотел бы, чтобы такие качества были перенесены с российской почвы на американскую. Однако, думаю, такой этический фактор гораздо труднее перенести на новую почву, чем социально-политические институты.

Белла Севостьянова, Муниципального унитарного предприятия — газеты «Шахтинские известия», директор — главный редактор, Ростовская область:

— Существенная часть нашей аудитории работает в СМИ. Какова, на ваш взгляд, роль СМИ в продвижении идей собственности в России?

Ричард Пайпс:

— Я каждый день читаю газету «Известия». Но там об этом много не пишут. Действительно, очень мало аналитических материалов по поводу ситуации в России. Постоянно критикуют Грузию, просто все поглощены этим. Критикуют и Америку. Пару месяцев назад была статья о том, что доллар в скором времени вообще обесценится, пишут о сенсациях, о спорте, но нет глубоких статей, которые просвещали бы читателя. Есть, конечно, и другие газеты, например «Коммерсантъ». СМИ, безусловно, играют огромную роль в продвижении общественных идей. Но ваша пресса мало что делает в этом смысле. Не знаю, правда, что происходит на вашем телевидении и радио, но с газетами это так.

Надежда Павлова, старший корреспондент газеты «Наше слово», Ивановская область:

— Мне понятна роль собственности во внутренних взаимоотношениях государства и общества. А вот что может произойти, если собст-



венностью одного государства захочет завладеть другое государство, те же инвесторы и т.д.

Ричард Пайпс:

— Я не думаю, что это вероятный сценарий. Иностранцы могли бы скупить активы какой-то отрасли, например. Но ведь я говорю о собственности, которая должна быть у каждого, о небольших магазинах, банках и т.д. И здесь никакие иностранцы вас не оккупируют. Так что никакой серьезной опасности со стороны иностранных государств нет. Пока Россия считается очень ненадежным местом для инвестиций. Я знаю, что в Санкт-Петербурге есть отель, которым владели шведы. Пока отель был убыточным, российские партнеры были очень довольны своими шведскими партнерами. Но как только он стал прибыльным, их сразу выкинули из бизнеса. Думаю, что российские власти хотели бы, чтобы иностранные инвесторы присутствовали, когда прибыли маленькие. А вот когда дела налаживаются, все происходит наоборот. В России есть большой бизнес по добыче нефти, газа, никеля и др., и никакой угрозы ему быть не может. Но, правда, и идею гражданских прав этот бизнес не продвигает.

Анастасия Степанова, выпускающий редактор авторских программ РАМИ «РИА Новости», Москва:

— Мой вопрос связан с последним интервью Путина Ларри Кингу. Как вы оцениваете это интервью в том смысле, что Путин по-прежнему упорствует: ничему нас не учите, мы все знаем сами. В то же время мы в одном шаге от вступления в ВТО, формируем единое экономическое пространство...

Ричард Пайпс:

— Я понимаю, конечно, что в России не воспринимают, когда кто-то пытается их учить. Но это не совсем правильно. У других народов можно и нужно учиться, в том числе и у западных стран. Мы очень открытая нация. Мы сами постоянно учимся; на американцев оказывают воздействие, например, эмигранты, какие-то нации. Может быть, не в политическом смысле, поскольку наши принципы здесь незыблемы, но мы открыты к восприятию новых идей и практик в социальных вопросах, в сельском хозяйстве, в финансах и т.д.

Игорь Зайцев, пресс-атташе Нижегородского отдела Волжского казачьего войска, г. Нижний Новгород:

— У нас рано или поздно возникает ситуация, когда мы говорим об упущенных шансах. Был шанс на демократическое преобразование страны, потом был шанс с приватизацией. Как вы считаете, есть ли сейчас какой-то шанс на изменения в стране и сколько у нас времени на это?

Ричард Пайпс:

— Вы знаете, демократические институты не строятся за один день. Это то, что должно встраиваться в культуру народа. Это очень медленный процесс. И меня не удивляет, что после 70 лет коммунизма вы не построили демократию за один день. Но шанс в действительности есть. Надо понять, что это очень болезненный процесс, который займет много времени. Ваша история не очень благоволит к демократии, скорее, она предпочитает автократию. Есть пример Японии и нет никаких причин, почему бы Россия не смогла этого сделать.

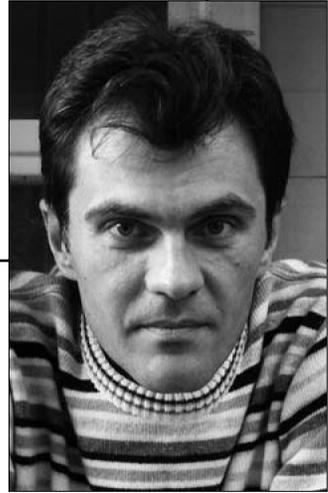
Дмитрий Мартышенко, консультант по управлению и организационному развитию, г. Калуга:

— Недавно на одной встрече мне удалось услышать необычную формулировку. Ведущий сказал: «Представьте себе, что вы умерли. Что бы вы хотели, чтобы было написано на вашем надгробном камне?». Когда мы имеем это в виду, начинаем думать о многих вещах по-другому, в перспективе вечной жизни. Другой ведущий, Владимир Познер, задает в конце интервью своим гостям вопрос о том, что они скажут Богу, когда предстанут перед ним. Хочу спросить: как бы вы хотели, чтобы помнили о вас. Что, вы думаете, должно быть в памяти людей.

Ричард Пайпс:

— Это очень трудный вопрос. Я никогда об этом не думал. Но я бы хотел, чтобы сказали, что я честно изучал историю России и кое-что из этого понял и давал хорошие советы. Это было бы хорошо, мне кажется. Я давал советы президенту Рейгану и вам, русским. Было бы хорошо, чтобы люди считали, что я был хорошим историком. Я иностранец по отношению к России, поляк и американец, но старался давать хорошие советы, чтобы всем было лучше.

Заметки с семинара



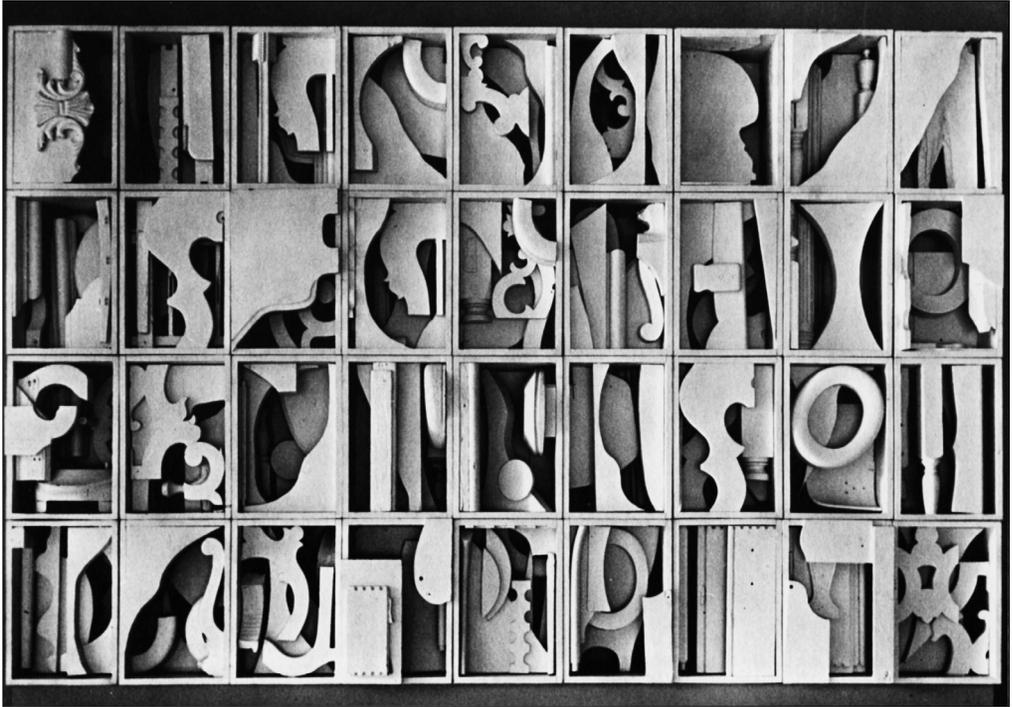
*Сергей Гогин,
независимый журналист
г. Ульяновск*

Что мне нравится в семинарах Московской школы политических исследований — это то, как быстро эксперты реагируют на актуальные проблемы, будь то финансовый кризис, модернизация или скандал с Wikileaks. Уровень экспертов таков, что их выступления адаптируются к новым реалиям, они оперативно осмысливают в презентациях свежие проблемы, которые подбрасывает жизнь.

Так было и на семинаре «СМИ и общество» в подмосковном Голицыно (9–12 декабря 2010 г.), где обсуждались крупные темы — журналистика в эпоху Интернета, Wikileaks, слухи о скорой смерти «бумажной журналистики», реакция на избиение журналиста «Коммерсанта» Олега Кашина. Вновь сильно прозвучала и «сквозная» для МШПИ тема: что такое гражданин, гражданское общество и какова роль журналистики в его становлении.

По мнению редактора «Файненшл таймс» **Джона Ллойда**, Wikileaks — самое радикальное, что случилось за последнее время в журналистике. Каждый из опубликованных на этом сайте документов мог бы стать сенсацией для газеты или журнала, причем корреспондент потратил бы месяцы на то, чтобы «нарыть» такую информацию. Но когда на сайте одноmomentно появляется более 250 тысяч дипломатических телеграмм «для внутреннего пользования», не есть ли это конец расследовательской журналистики?

Создатель Wikileaks Джулиан Ассанж, как и «классические» журналисты, верит в то, что общественно значимая информация должна быть доступна публике по принципу «публикуй, и будь что будет». Но Wikileaks размывает грани между информацией, которая должна быть открытой, и той, что раскрывать нельзя, исходя из принципа «не навреди». Например, мирное урегулирование вооруженных



Луиза Невельсон. *Новый континент*. 1962

конфликтов на начальных этапах, как правило, ведется втайне. С этим согласен главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» **Федор Лукьянов**: «Есть границы открытости, за которые не стоит идти. Альтернатива “закулисной”, “двуличной” дипломатии — война. Ответом на такую открытость будет тотальный контроль. Импульс ограничения открытости в ответ на публикации в Wikileaks уже пошел. Не знаю, что хуже — все контролировать или все открыть». Эксперт считает, что паническая реакция на материалы Wikileaks даже более опасна, чем сами разоблачения, опубликованные на сайте.

По мнению Лукьянова, пример Wikileaks разрушителен для журналистики, так как размывается понятие ответственности массмедиа и становится непонятно, где проходит граница между открытостью и профессиональ-

ной этикой, она постоянно ускользает. Единственный способ для журналиста не попасть в эту ловушку — повышать профессиональный и интеллектуальный уровень, чтобы вовремя разобраться, должна ли новость «стрелять» и новость ли это вообще.

Редактор международного отдела «Файненшл Таймс» **Квентин Пил** считает утечку через Wikileaks одним из трех «мегасобытий» века в сфере безопасности, наряду с изобретением атомной бомбы и атакой на башни-близнецы. Wikileaks показал, что США, величайшая мировая держава, не способна контролировать информацию. И этот факт даже важнее, чем содержание утечек, поскольку является демонстрацией власти или даже всевластия Интернета. Но Квентин Пил, репортер с сорокалетним стажем, сохраняет оптимизм в отношении своей профессии. Он напоминает, что журналистика была и всегда останет-

ся рассказом о человеке, и нет ничего, что могло бы заменить умного журналиста на месте события: «Лучшие статьи — это те, в которых мы бросаем вызов собственным предрассудкам, а не потакаем им. Наша работа — искать смысл в хаосе информации».

«Ассанж, одержимый страстью сломать все барьеры на пути информации, воплощает идею потока, сметающего все на своем пути, — вступает в дискуссию шеф московского бюро журнала

«Экономист» **Аркадий Островский**. — Он прямое порождение Интернета как носителя информации, и в этом смысле он рано или поздно должен был появиться». Эксперт говорил о том, как СМИ моделируют действительность, которой пока нет в реальности, и тем самым участвуют в ее формировании («медиа в России больше чем медиа!») — и в позитивном, и в негативном смысле. Негативный пример — центральные медиаканалы, которые сегодня меняют модель страны, увводя ее от интересов среднего класса (к чему стремились медиа 90-х годов) к интересам корпоративного государства. И ужас трагедии в станице Кушевской, помимо прочего, в моделиности этой ситуации, ибо во многих других местах в России люди сегодня могут сказать: «А здесь — то же самое».

Создание новых смыслов в новой модели действительности — вот современный вызов для порядочных людей. По словам Островского, возможности для порядочного человека (журналиста, в частности) в России все еще велики, потому что Интернет становится генератором новостей. Примеры: люди с мобильными камерами на трассе Хабаровск-Чита и ролик на YouTube, которые заставили по-другому взгля-

нуть на поездку Путина на желтой «Ладе»; блогер Навальный, рассказавший о многомиллиардных злоупотреблениях в «Транснефти»... Главным медиаканалам приходится реагировать на сообщения блогеров. Президент Медведев все чаще обращается к стране

Становление демократии связано с изменением культуры общества, а это процесс долгий и мучительный

через личный блог. До 40 процентов населения России имеет доступ к Интернету, что опровергает мнение о том, что «от нас ничего не зависит».

Несколько экспертов на семинаре обратили внимание на то, что избиение корреспондента «Коммерсанта» Олега Кашина (которое журналист **Михаил Фишман** назвал «чистым актом устрашения») вызвало негодование среди журналистов и консолидировало профессиональное сообщество — во многом благодаря тому, что Кашин является популярным блогером. Публицист **Андрей Колесников** отметил, что блогосфера — это информационный поток, оживляющий гражданскую активность. В этом смысле свобода слова в России есть, хотя и не в тех СМИ, которые рассматриваются как электоральный ресурс. Как бы то ни было, власти приходится реагировать на новые реалии.

Обозреватель «Новой газеты» **Леонид Никитинский**, рассуждая о том, как Интернет влияет на миссию журналистики, заметил, что блоги и Wikileaks многое поменяли в медийном пространстве: они — не журналистика в полном смысле, но играют на поле журналистики, в частности блог Навального может конкурировать со

СМИ по качеству доказательных исследований.

Никитинский оставил журналистам надежду, которая коренится в самой философии и психологии профессии. По его мнению, Интернет не убьет журналистику, потому что газета — средство рефлексии и носитель смыслов: «Мы — летописцы, сидящие у горнила истории. Мы — историки. Мы создаем неуничтожимое свидетельство. Правда — самостоятельный мотив журналистики».

То, что Интернет можно поставить на службу правде, доказывает пример **Григория Шведова**, редактора сайта «Кавказский узел». Этот ресурс — для тех, кому есть что ответить на вопросы, полемически заостренные экспертом: «А вам есть что сказать о Северном Кавказе? Вам интересно читать о Кавказе? Вы считаете, что Кавказ — это Россия?».

Поскольку журналистика выражает гражданский интерес, она больше чем бизнес, считает эксперт Школы **Александр Согомонов**, ибо медиа меняют природу общества и политики. В своем выступлении Согомонов доказывал, что гражданин и гражданское общество — продукт современной журналистской деятельности. Главное в гражданине — ответственность перед сообществом. Как следствие, либо общество создает удобное ему государство, либо — наоборот, как это произошло в стране вследствие «атомарности» российского — а во многом еще советского — общества.

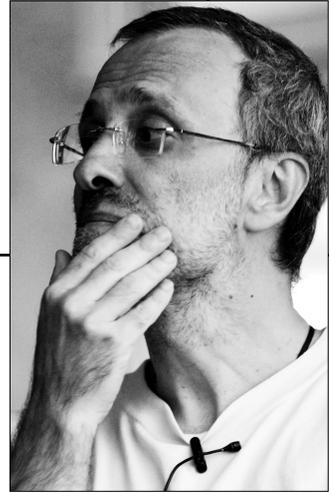
«Атомарность» русских, их разобщенность — следствие того, что они очень долго жили вне института собственности, считает известный американский историк, специалист по России, профессор Гарвардского университета **Ричард Пайпс**: именно отношения по поводу собственности формируют гражданское общество. В своей лекции «Собственность и свобода» Пайпс доказывает, что частная собственность — основа демократических институтов и гражданских прав. Если государство — собственник, то граждане — зависимы; если же собственники — граждане, то они нанимают государство, которое содержат на свои налоги и которое в силу этого им подчиняется. Собственность также способствует консолидации общества: если чью-то собственность громят на твоих глазах, ты как собственник тоже чувствуешь себя в опасности. Пайпс оговаривается, что собственность является предпосылкой свободы, но не тождественна ей: опыт России показывает, что можно владеть собственностью и не быть свободным: все зависит от степени и характера распределения собственности. Пайпс обнадежил слушателей, заявив, что для России «ничего не предопределено»: страна способна выпрыгнуть из тысячелетнего культурного опыта жизни без собственности для граждан, пример тому — Япония. Но становление демократии связано с изменением культуры общества, а это процесс долгий и мучительный.

Современная российская модернизация: гражданский и нравственный вызовы

Точка зрения старого материализма есть гражданское общество; точка зрения нового материализма есть человеческое общество или обобществившееся человечество.

К. Маркс. Тезисы о Фейербахе. Тезис 10.

Несколько лет назад патриарх американской социологии Дэниел Белл, рассуждая о международных отношениях и мировой политике, предложил говорить о двух фундаментальных парадигмах политической культуры наступившего столетия — нравственности и злодействе*. Их истоки он, разумеется, обнаруживает в веке XX и утверждает, что «дух» прошедшей эпохи был не только идеологически окрашенным, но и этически детерминированным. Отсюда столь радикальная дихотомизация этических крайностей — нравственности и злодейства. Их проявления мы обнаруживаем во всех идеологических и политических лагерях прошлого столетия без исключения. Моральная конвенция постепенно глобализирующегося мира тогда так и не была достигнута. Более того, мода на постмодернизм в конце XX века еще больше закрепила в интеллектуальной мысли того времени этический релятивизм. Его центральным постулатом выступал тезис об отсутствии не только нравственных истин, но и самой нравственной истины как таковой. Постмодернизм по сути отвергал фундаментальные идеи эпохи Просвещения и тем более кантовскую интерпретацию морали, делавшую акцент на разумности, рациональности, прогрессе и универсальных нравственных качествах человека. Сегодня же, преобразуясь, мир заново возвращается к первоначальным смыслам идей Просвещения, разумеется, в актуально обновленной акцентировке, с трудом, но постепенно преодолеваемого постмодернистского релятивизма.



*Александр Согомонов,
академический директор
Центра социологического
и политологического
образования РАН,
кандидат исторических наук*

* Белл Д. *Нравственность и злодейство: две культурные парадигмы XXI века* // *Свободная мысль*. 2005. № 3. С. 11–26.

В свою очередь «модернизацию» (как обновление и осовременивание*) принято рассматривать вне этических оценок. Главное, чтобы модернизация была эффективной: цели адекватно поставлены и достигнуты. Таковым было отношение к модернизации на протяжении всей новой и новейшей истории России. Насколько цели были этически взвешенными, а средства этически оправданными, как правило, мало кого интересовало.

Догоняющая идеология «отставания», свойственная, как мы знаем, не только большевистской модернизации, перманентно обосновывала доктрину «выгод и жертв» скачкообразного движения вперед на разных этапах российской истории. То, что страна выигрывала от модернизации, всегда оправдывало те проигрыши и утраты, которые несло общество и которые нередко носили массовый характер.

Сталинская модернизация, пожалуй, наиболее характерный пример инструментально успешной модернизации при полном аморализме государственной политики и преступном характере властного отношения к обществу. В ней, это очевидно, успех модернизации был напрямую поставлен в зависимость от общественных потерь. Многие исследователи неслучайно именуют российскую модернизацию (на всех этапах, а не только сталинскую!) «консервативной»**, поскольку она всегда предполагала (а) необходимость и неизбежность насильственной мобилизации населения в интересах государства и (б) архаизацию властных практик во имя технологического движения вперед.

Общество страдало, а светлое будущее неизменно отодвигалось на «радость» будущих поколений. Современные институты не развивались, а их подлинная природа все больше искажалась. Ни одна современная доктрина либерального общества, подобно «правам человека» или «свободе слова», не получила должного развития, и даже, скорее, наоборот, все они при молчаливом согласии населения задвигались на задворки государственной необходимости, оставаясь «фасадными» и

* Белл настаивает на строгом различии трех понятий — *modernity*, *modernism*, *modernization*. *Modernity* — это историческая эпоха (Современность), основанная на разуме, науке, рациональности, открытости миру и прочих ценностных основаниях, которые отличают Новое время западной цивилизации от всех остальных исторических времен и культур. *Modernism* — исторически определенный культурный феномен на Западе, выразившийся в художественном экспериментировании в разных жанрах искусства (начиная от Шарля Бодлера и кончая чистым абстракционизмом в живописи и скульптуре). *Modernization* — «совершенно особый термин, обозначающий определенную форму рационализации, средство сведения воедино административных, политических и культурных элементов» (Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности. — М.: Postindustrial net, 2007. — С. 206). Как бы то ни было, но все три понятия охватывают смыслы тесно связанных друг с другом (если не сказать — родственных) социальных явлений. И в этой логике модернизация всегда выступала и по-прежнему выступает важнейшим (а подчас и единственно возможным) общественным инструментом обретения искомой «современности», то есть *modernity* в государственном и социально-экономическом устройстве мира.

** См., в частности: Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. — М.: ОГИ, 1998.

легко управляемыми. В итоге страна рывками модернизировалась, но ее политика не становилась ни современной, ни нравственной в кантовском смысле, а власть неизменно уходила от морального суда времени (как, впрочем, и от правовой оценки преступлений).

На исходе первой декады XXI столетия российская власть вновь заговорила о модернизации и с каждым днем ведет этот разговор все настойчивее, продавливая в публичном пространстве свое представле-

ние о новом модернизационном этапе. Даже самый поверхностный анализ властного дискурса показывает, что (1) государственным приоритетом по-прежнему выступает преодоление технологического отставания от «передовых» стран, (2)

в то время как институ-

циональное и политическое осовременивание рассматривается как важная, но все же второстепенная задача, а (3) интересы целого (то есть государства) выступают базовым знаменателем любых программ и концепций. Власть не отвергает ценностей и норм демократии, свобод и верховенства права, но при этом дает понять, что если они невзначай станут «тормозом» на пути к реализации государственных целей инструментальной модернизации, то, разумеется, легко и непринужденно пойдет на их секвестр. И никаких сомнений в том, что в этом направлении будет проявлена политическая воля, нет и вряд ли может быть.

Впрочем, исторические времена изменились, и диалог между обществом и государством в России все отчетливее приобретает культурно-нравственный характер, формирующий новое — этически измеряемое — публичное пространство. И главный вопрос в этой связи ставится, скорее, собственно гражданским обществом, нежели государственной властью: насколько могут быть этически оправданными любые модернизационные проекты, если они пренебрегают интересами, правами и свободами человека, злоупотребляют его автономией, нарушают его приватный мир?

Идеология догоняющей модернизации всегда конструировалась властью в логике примата целого над партикулярной личностью. И поэтому когда речь шла, к примеру, о конкурентоспособности в конкретных исторических координатах времени и пространства, то подразумевалась именно конкурентоспособность государства, а не населяющих страну граждан. Этот значимый акцент позволял смещать публичный угол зрения и концентрировать оценки эффективности модернизационных программ на выигрышах государства, а также пренебрегать социальными жертвами гражданского общества. В результате после каждого модернизационного рывка российское государство выходило (пусть даже только на время)

*Институционально-личностная
модернизация выступает
за «уменьшенное» государство
и гражданский контроль над властью,
публичный характер определения
целей и средств модернизации*



Пьер Руа. Предзнаменование. 1937

окрепшим и частично обновленным, а общественные институты и граждане — вновь с обманутыми ожиданиями. Нынешняя установка на модернизацию страны ставит альтернативные повестки дня. Мы можем сохранить консервативную линию догоняющей модернизации или принципиально изменить ее природу. Эти два полюса актуального модернизационного континуума отчетливо пред-

ставлены в сегодняшнем публичном дискурсе. И пусть общественные дебаты на эту тему мало заметны рядовому обывателю, в экспертном сообществе на этом поле идут серьезные интеллектуальные бои. Этические позиции и нравственная риторика экспертов крайне незначительно смыкаются, но их исходные посылы принципиально различаются.

Консервативная модернизация предполагает концентрацию приоритетов и ответственности в домене государства. Государство готово брать большую ответственность на себя, в том числе и за судьбы людей, правда в обмен на монопольное право принятия политических решений и формирования повестки дня. Государство само ставит цели и не видит необходимости в их серьезном общественном обсуждении. До известной степени оно претендует на «истину» в конструировании образа будущего и формировании модернизационных программ и проектов. Неизбежно именно государство становится патроном и покровителем в отношении общества и составляющих его социальных групп. Патернализм, гражданская пассивность и безответственность людей — оборотная сторона консервативной модернизации. Общество не хочет свободы, рисков и ответственной самостоятельности, соглашаясь на урезанные права и жизненные возможности, умеренное благополучие и неумеренную авторитарную власть. Консервативная модернизация, одним словом, никогда не обретает смысло-жизненной ауры для населяющих страну людей.

Институционально-личностная модернизация базируется на принципиально иных основаниях. Она выступает за «уменьшенное» государство и гражданский контроль над властью, публичный характер определения целей и средств модернизации. Она сосредоточена на налаживании эффективных общественных институтов, укреплении либеральных свобод, углубленной и демократической политике, усилении принципов верховенства права. Иными словами, повестка дня, содержание модернизационных программ и проектов, приоритеты и акценты — все это создается в публичном пространстве и выносится государственной властью «на исполнение»*. Вложение в человека, коммуникативные и общественные инфраструктуры, наконец, в качество жизни — ее главные темы. Институционально-личностная модернизация не просто вписывается в жизненные планы людей, она метафизически обосновывает биографические смыслы граждан.

Консервативная модернизация делает ставку на рост, прежде всего экономический, а институционально-личностная — на развитие. Первая решает за людей (хоть и при сохранении риторики «все для людей»), вторая смещает ответственность из домена государства в гражданское общество. Первая превращает человека в объект и инструмент модернизации (в том числе и в предмет патерналистской

* Напомню, что в начале 1960 годов в США модернизация началась с программы правительства по созданию «Великого общества» (а не великого государства!).

заботы), вторая закрепляет за ним статус субъекта и главной цели модернизации. Первая пренебрегает моральной автономией человека, вторая делает ставку именно на нее. Первая не нуждается в социальном партнерстве, неуважительно относится к общественному мнению, она заинтересована первым долгом в лояльности населения, ее в меньшей степени заботит профессионально самодостаточное общество. Вторая исходит из постулата: экономическую целесообразность любых модернизационных программ и проектов определяет общество, привлекая для экспертизы автономных профессионалов. И так далее.

Иными словами, философско-этические основания двух версий модернизации совершенно разные, и, как кажется, водораздел между ними проложил в свое время Иммануил Кант своим толкованием морали. Кантовская нюансировка соотношения действительной свободы и морального закона является базовым этическим фундаментом институционально-личностной модернизации общества. И, похоже, те культуры, которые исторически не приняли моральной автономии и категорического императива, обречены на антропологическое воспроизводство именно консервативной модели модернизации с ее диктатом государства, архаичной властью, зависимым населением и подчинительным статусом общества. Прервать замкнутый круг постоянного обращения к консервативной модернизации можно, как это ни парадоксально прозвучит, прежде всего обращением к кантовской критической этике разумного поведения.

При этом надо заметить, что по своей эффективности консервативная модернизация может оказаться тактически более успешной, но стратегически она всегда проигрывает, поскольку решает преимущественно технические задачи государственно-хозяйственной рационализации, пренебрегая задачами институционального и культурного развития общества. И поэтому рано или поздно очередной модернизационный «виток» приходится начинать как бы сначала, причем до тех пор пока «точкой отсчета» модернизации не станет все-таки гражданское общество, как писал К. Маркс, рассуждая о классической немецкой философии.

Впрочем, два обстоятельства времени и места требуют от экспертов более вдумчивого отношения к теме актуальной российской модернизации. Это — (а) новые условия глобализации и (б) все еще не завершившаяся десоветизация страны. Вначале о втором обстоятельстве. Совершенно очевидно, что изменившаяся матрица социальной и экономической жизни сама по себе еще не создает платформу устойчивого развития. Страну политически раскачает из стороны в сторону, взад и вперед. Déjà vu возврата в социалистические времена не покидает проницательных граждан. Формирование демократического и свободного общества заторможено, рынок забюрократизирован. Буквально все сферы жизни заполнены проявлениями асоциальности и коррупции.

Подобного рода состояние дел вообще характерно для подавляющего большинства стран, выходящих из тоталитарного или теократического

забыть. И дело, видимо, заключается не столько в том, как полагают многие исследователи, что наступление исторической противобольности после революционного всплеска разрушения старого режима случается практически везде и носит характер «контрреволюционный»*, сколько в удручающем отставании культурных перемен от изменений в социально-экономическом обустройстве России. То есть речь прежде всего идет о моральных переменах в обществе.

Известный американский социолог Амитаи Этциони недавно предложил эвристическую социологическую формулу, согласно которой в переходных странах «существует четкая обратная зависимость между тем, насколько прочно общество держится на нравственных ценностях и неформальном контроле, и масштабом принудительных элементов в государстве»**. Несложно эту формулу вывернуть наизнанку, и мы получим: государственное насилие над гражданским обществом в сегодняшней России, которое с годами пока лишь только усиливается, не сталкивается ни с устойчивыми нравственными парадигмами в обществе, ни даже с попытками со стороны общества по-настоящему противостоять очередной монополизации авторитарной власти. Таким образом, развивая свою мысль Этциони, существуют ли в этих обществах коллективные нравственные ценности и насколько они подчиняют себе поведение отдельных людей — все это напрямую отражается в балансе личной автономии и общественного порядка (справедливости ради, однако, замечу, что «порядок» тоже может пониматься по-разному; далеко за примерами ходить не надо).

А отсюда следует вполне обоснованное толкование сути инвариантной постсоветской модернизации как культурно-нравственной рационализации по своей миссии и финализации. Гражданское просвещение, общественное воспитание, формирование новых нравственных привычек, вовлечение людей в сообщества новых моральных ценностей (так называемый мягкий коммунитаризм) и даже просто установление и поддержание норм общественной прозрачности. Все это в гораздо большей степени отражает целевую направленность сегодняшней модернизации и создает инновативные критерии оценки ее эффективности, поскольку по «железу» (как выражаются наши младореформаторы) куда сложнее понять вектор общественных перемен, чем по «привычкам сердца» (термин А. де Токвиля).

Однако все же главное отличие настоящего времени, пожалуй, заключается в другом обстоятельстве — в принципиально иной общемировой геокультурной обстановке. Глобализация не дает возможности никаким модернизационным программам совершаться «за железным занавесом», без участия в них других стран и мировой общественно-

* Об этом писал еще в середине XIX века А. де Токвиль, а в 20-е годы прошлого века П. Сорокин в книге «Социология революции» возвел эту идею в ранг социологической аксиомы.

** Этциони А. *От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям*. — М.: «Ладомир», 2004. — С. 86.



Ман Рей. Предупреждение. 1962

сти. Более того, глобализация по сути изменила если не приоритеты, то по крайней мере многие акценты локальных политик*. Если предшествующие модернизационные проекты повсюду носили национальный характер, а власти действовали прежде всего из соображений национальных интересов, то теперь ответственность планетарного масштаба вносит буквально во все модернизационные проекты свои резоны и, главным образом, корректирующую национальные политики космополитическую переменную**.

Global ethics в последние годы переросла из маргинальной в центральную отрасль этического знания***. Она ориентирована не только на моральный экуменизм, но и на разработки прикладного характера в отношении проблем глобального свойства, вызовы времени и включенности локальных культур в общемировое моральное пространство (*глокальная этика*). Глобальное гражданское общество**** отныне все активнее влияет на выработку нравственных критериев и стандартов модернизационных программ и проектов. Оно не дает государствам стать региональными эгоистами, защищает меньшинства и жертвы насилия, подталкивает власти переходных обществ к более взвешенному отношению к ценностям и нормам современного мира.

Выходит, основоположник научного материализма провидчески предсказал философско-этический трансферт глобального мира в сторону «обобществившегося человечества». И если не противопоставлять «человеческое общество» (*menschliche Gesellschaft*) национальным «гражданским обществам» (*buergerliche Gesellschaft*), как поступал ранний Маркс, то мы действительно обретаем две искомые оси этических координат актуальных модернизационных программ и проектов. Одна позволяет нам морально соотнести национальные версии

* О стремительном преобразовании локальных миров под влиянием глобализации см.: Giddens A. *Runaway World. How Globalisation is Reshaping Our Lives*. — London: Profile Books, 2000.

** Из новейших книг об этом упомяну блестящее исследование немецкого социолога Ульриха Бека. См.: Бек У. *Космополитическое мировоззрение*. — М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009.

*** Издательство Routledge (Великобритания) издает специализированный международный журнал «*Journal of Global Ethics*», в Роукленде (США) расположен *Institute for Global Ethics*. А сама эта научная дисциплина уже достаточно давно преподается во многих университетах мира.

**** Термин «глобальное гражданское общество» уже никого не шокирует, оно вошло в научный обиход и объединяет разные феномены наднационального уровня гуманистической солидаризации в мире. Подробнее см.: Keane J. *Global civil society?* — Cambridge: Cambridge University Press, 2003; Reinicke W.H. *Global Public Policy*. — Washington: Brookings Institution, 1998. «Наблюдается кризис веры в возможности государства. Глубокие исторические перемены открыли путь альтернативным институтам, более эффективно удовлетворяющим человеческие потребности. Сфера действия и масштабы данного феномена поистине беспредельны. Несомненно, мы находимся в эпицентре всемирной революции создания сообществ, которая, по видимому, имеет для прошедшего XX века столь же важное значение, как становление национальных государств имело для XIX века». (Salamon L.M. *Rise of the Nonprofit sector // Foreign Affairs*. 1994. Vol. 73, № 4. P. 109–110).

рационализации с принципами критической этики, другая — с горизонтами глобального разума.

И все же уместно задаться вопросом: не приведет ли ориентация практических действий одновременно на обе оси нравственных координат к этическому конфликту в политике? Думаю, что это маловероятно, поскольку эти оси отражают лишь разные уровни этической рефлексии в сегодняшнем мире, а не представляют собой контрастные оценки одного и того же порядка. Впрочем, очень часто, как мы знаем, национальный курс в политике и следование глобальным приоритетам все же приводят к столкновению интересов, но тогда включается механизм достижения нравственного консенсуса между разными идеалами и ценностями, который применительно к наступившему столетию А. Этциони назвал «моральными диалогами»*.

Эти диалоги велись и раньше в западном обществе, но сегодня они обретают особую интенсивность и весьма результативны по всему миру. Они ведутся хаотично, бурно, беспорядочно и приводят порой к социальным раздорам. Но их продуктом является постоянный этический накал в локальном обществе и конструирование коллективного мнения в виде культурно-нравственного фона внутренней и внешней политики. Во многом благодаря моральным диалогам в современных обществах удалось добиться серьезных позитивных изменений в отношении окружающей среды, прав человека, детей и их положения в обществе, толерантности, равноправия, справедливости и т.д.

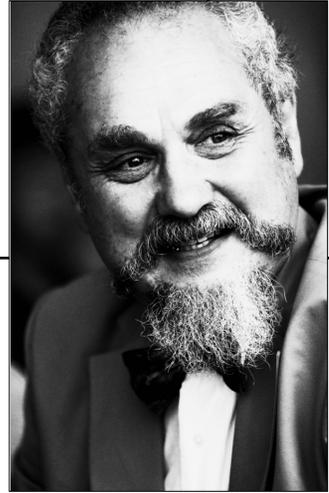
Моральные диалоги сегодня ведутся и на глобальном уровне. Пока они еще малоэффективны и не так интенсивны, но, представляется, именно благодаря им обеспечивается легитимность транснациональных институтов, международного сотрудничества и новой архитектуры мира в целом. «Тезис о формировании транснационального нравственного взаимопонимания, которое, в свою очередь, сказывается на том, какие меры и институты глобальная общественность готова считать легитимными, не означает, что мы полагаем, будто глобальное общественное мнение всемогуще или хотя бы действенно»**, но эти диалоги указывают направление, в котором развивается нравственный консенсус в рамках национальных гражданских обществ и мирового сообщества в целом.

Иными словами, сведение двух осей нравственных координат воедино делает актуальную модернизацию России беспрецедентной как по масштабу задач, так и по их антропологической направленности. Модернизация практически невозможна ни изолированно от мирового сообщества, ни без опоры на собственное гражданское общество. Добиться ее результативности, как раньше, средствами государственного принуждения уже вряд ли удастся, а это означает наступление в стране времени глубинных этических перемен. Посмотрим, возможно, российская культура на сей раз станет более благосклонной к кантовскому морализму.

* Этциони А. Ук. соч. Гл. 4.

** Этциони А. Ук. соч., с. 97.

Культурные предпосылки демократической системы



Андрей Зубов,
профессор МГИМО(У)
доктор исторических наук

Что такое демократия в культурном, историко-культурном, религиозном измерениях? Современная теория демократии восходит к де Токвилю и Руссо. Руссо писал о демократии в первичных сообществах, о демократии дикарей, не зная о том, как они на самом деле живут. Но он теоретически считал, что неспорченный человек, а он почему-то считал, что дикарь — это неспорченный человек, должен иметь демократию. В этом было глубокое провиденье. Но не менее глубоким провиденьем была и другая фраза Руссо, которую много раз повторяли в XX веке: «Демократия — это такой дар, которым должны обладать не люди, но боги». Это, на самом деле, гораздо более трезвое суждение, что особенно осознали в XX веке. Что же касается Алексиса де Токвиля, то он первым предположил, что демократия — это плод и результат человеческого прогресса. Что человечество развивается для того, чтобы, в частности, достичь свободы, а инструментом свободы является демократия.

Эта точка зрения, по сути, существует до сих пор. Фридрих фон Хайек в 1944 году, страдая от того, что нацизм поразил Австрию, в своей замечательной книге «Путь к крепостничеству», которую у нас перевели как «Дорога к рабству», говорил о том, что демократия зародилась в североитальянских городах в эпоху Ренессанса. По его мнению, это произошло потому, что экономические обстоятельства жизни этих городов заставили их отказаться от аристократической и монархической форм правления. А потом демократию восприняли Великобритания, Нидерланды, Скандинавия и, постепенно, вся Европа. Но дальше возникает масса проблем, которые приводят к возвращению крепостничества. Кстати, когда Хайек в 1944 году придумывал название своей книги, он имел в виду, конечно, нацизм, хотя прекрасно разобрался и в коммунизме. И все же он вряд ли знал,

что у русского народа строй, который возник после 1917 года, в годы коллективизации так и окрестили известной аббревиатурой ВКП(б) — второе крепостное право (большеви́ков). Так что оценки австрийского аристократа и русских мужиков совпали.

Но те же Хайек и Токвиль, как и замечательный теоретик демократии, наш русский мыслитель Павел Иванович Новгородцев, говоря о демократии как о форме организации политической жизни в Европе в Новое время, специально не останавливались на историческом бытовании этой формы государственной власти в иные эпохи и в иных сообществах. Они всегда ссылались, разумеется, поскольку все получили классическое образование, на Платона и Аристотеля, отсылали к античным образцам, к античному пониманию демократии. К внутренней дискуссии Платона о демократии в его диалогах. То есть они понимали, что при всех отличиях от новоевропейской формы то, что было в Афинах или в ряде других греческих полисов, — это все же настоящая демократия. В принципе, это общеизвестно.

Но не все знают, что в демократических Афинах сохранялся институт монархии. Мы часто забываем о том, что в эпоху Перикла институт монархии в Афинах существовал. Вы спросите как? А очень просто! В Афинах был архонт-басилей, то есть избираемый священнослужитель, который имел титул царя и, кстати говоря, выбирался из потомков древнего царского рода Кодра. Архонт-басилей выполнял важнейшие религиозные функции, которые в старых монархических Афинах выполнял царь. Городу можно было перейти к демократии, но нельзя было передать демосу священные функции, которые должен выполнять человек с определенным типом отношений ме-

жду собой, богами и обществом. Кстати говоря, в них была включена и супруга этого человека: целый ряд важных функций в афинской демократии, религиозных, естественно, выполняла басилей, супруга архонта. В чем был смысл этих функций? Это было участие в таинствах, в элевсинских мистериях. Элевсинские мистерии соединяли человека с божественным миром и делали из человека бога. В одном из мистериальных текстов, которые в начале XX века, еще до Первой мировой войны, нашли в южной Италии, говорится: «Счастливым и блаженным, из смертного ты станешь богом» (прибл. 400 г. до Р.Х.). То есть благодаря участию в таинствах человек обретает божественные качества — бессмертие, блаженство, вечность и совершенство, которых он лишен на земле.

Деталей этого удивительного священнодействия мы не знаем, потому что люди, участвовавшие в элевсинских мистериях, а таких на протяжении веков было бесчисленные тысячи, давали клятву неразглашения подробностей ритуала. И никто их никогда не разгласил, даже те, кто потом принял христианство, как Климент Александрийский. В великолепной книге «Элевсин», написанной венгерским ученым Карлом Кереньи, скрупулезно собрано все, что дошло до нас об этих таинствах. И из нее можно узнать, что роль царя и царицы в таинствах была важна. Так было устроено афинское общество в эпоху классической демократии: народное собрание, ареопаг — и одновременно жрец-царь, не имевший никакой политической власти. Он не мог ничего определять в политической сфере, но выполнял важнейшую священную миссию: способствовал победе своих сограждан и всех посвященных над «последним врагом» — смертью. Вели-

ка была роль архонта-басилея и его супруги и в другой важнейшей древнегреческой мистерии — в Дионисиях в VI—IV веках до Р.Х. — празднествах в честь бога Диониса.

И вот здесь мы сталкиваемся с двумя великими традициями, о которых не говорили Руссо и Токвиль по той простой причине, что они тогда просто не были известны. Не говорил об этом и Новгородцев, потому, видимо, что не очень этим интересовался. Это две великие традиции, две политические формы древности, которые мы можем реконструировать. И они совершенно не случайно сошлись в том числе и в Афинах.

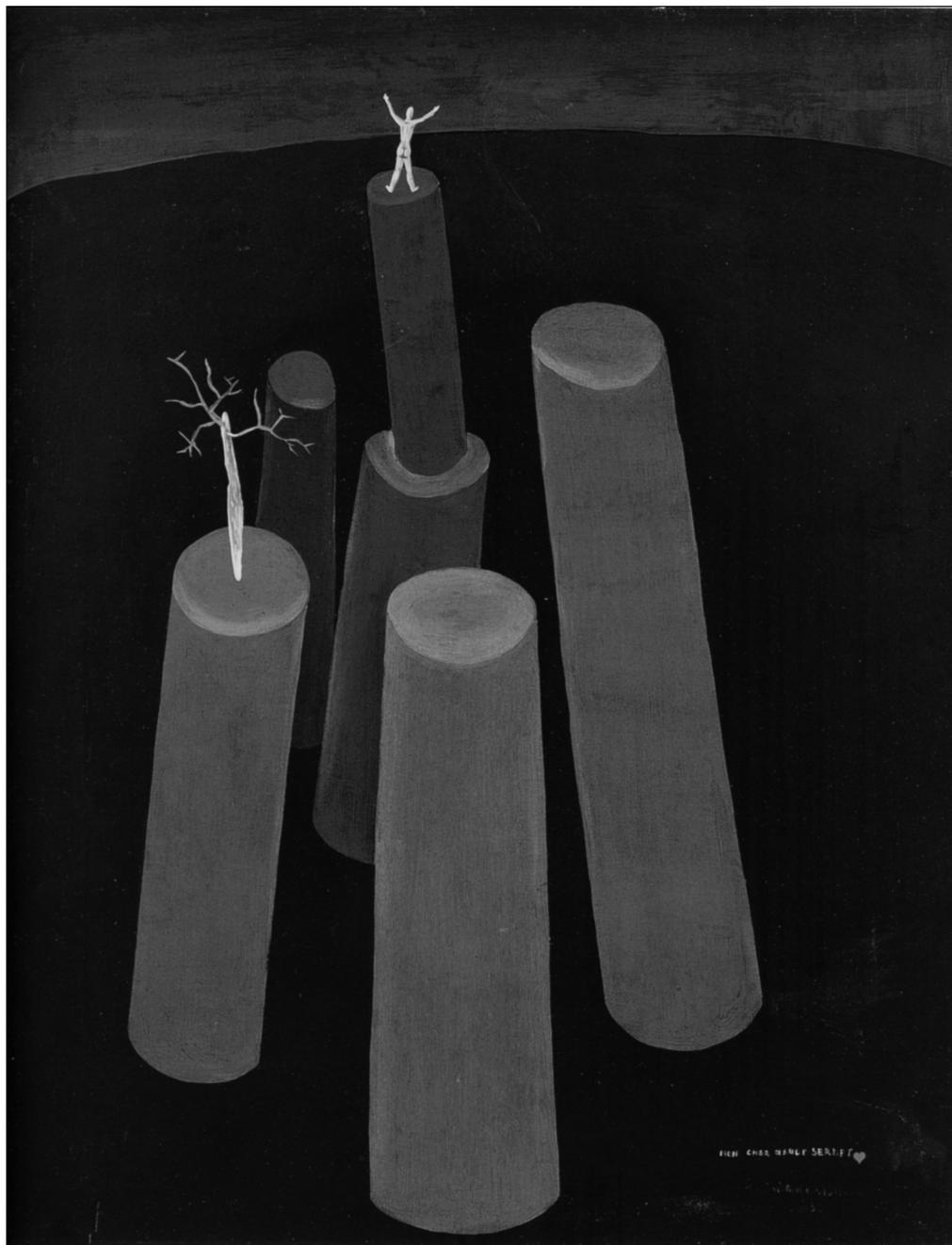
Одна из них — это традиция, которая в чистом виде существовала в индоевропейской базисной культуре. Мы можем реконструировать ее по Ведам. Веды, на мой взгляд, это единственный памятник индоевропейского общества, дошедший до нас от времени его целостного существования. Большинство ученых, занимающихся Ведами, считают, что это памятник второго тысячелетия до Р.Х., я же думаю, что это памятник намного более раннего времени. Веды, и в первую очередь Ригведа, это собрание религиозных гимнов для совершения ведических ритуалов. При всех отличиях они удивительно напоминают по содержанию и форме древнеегипетские тексты Пирамид — это середина III тысячелетия до Р.Х. Причем и тексты Пирамид, высеченные на стенах гробниц египетских царей, и Веды безусловно уходят в более раннее время. Тогда в обществах мало выдумывали. Тогда не было интеллектуальной погони за новым. Наоборот, в религиозной сфере освящено было старое. Нигде не говорится

о том, что тексты Вед это новое знание. А о более поздних индийских текстах это говорилось не раз. Индуисты верят, что Веды — это прямое божественное слово, которое услышали и запомнили в незапамятной древности риши — мудрецы-провидцы.

*Глубоким провиденьем была
фраза Руссо: «Демократия – это такой
дар, которым должны обладать
не люди, но боги»*

И что примечательно, в индуистской традиции, в том виде, в каком она была донесена в Ведах и в комментариях к Ведам, которые составили корпус Брахман, то есть учения о безличном абсолюте, лежащем в основе всего сущего, мы можем рассмотреть политическую модель. Конечно, это не самое главное в Ведах: совсем не для этого они создавались и пелись. Их цель, как и элевсинских мистерий, — соединение человека с богом. Но из Вед можно извлечь и политический контекст.

Древнее индуистское общество было сословным. Оно было разделено на три сословия (варны): брахманов, кшатриев, вайшьев. Иначе говоря, священников и ученых, воинов и людей, занимающихся производительным трудом — земледельцев, ремесленников и торговцев. Эти три варны не были политически разноправны. Это не были рабы и свободные, аристократы и бесправный плебс. Все три варны имели равные политические права и равные сакральные личные права в совершении священнодействий, жертвоприношений для себя. Но только священники-брахманы могли совершать коллективные священнодействия.



Виктор Браунер. Без названия. 1930

В варновой системе с самого начала возникает идея солидарности. Той самой солидарности, без которой немыслима никакая демократия. Трехварновая система (четвертая варна, низшая, — шудры — появилась в Индии намного позже), строится на том, что три различных сообщества, имеющих разный социальный генезис, сотрудничают в общем деле. Их общее дело — достижение определенного религиозного результата, определенной цели. Цель эта — вхождение в небесный мир. Каждая варна для этого выполняет свои задачи. Варны не противопоставляют себя друг другу, но дополняют друг друга своими функциями. Все три варны получают специальное религиозное образование. Мальчики являлись брахмачарьями, то есть учениками. Брахманские мальчики учатся 14 лет, кшатрийские 9, а вайшийские 5 лет. Разница в сроках обучения потому, что разные варны должны совершать разные ритуалы. Но все учат Веды наизусть.

Царь — раджа — обязательно происходит из варны кшатриев. Кшатрии не высшая варна. Высшая варна — брахманы. Когда же брахман выбирает для себя царское служение вместо священнического, он совершает большой грех. В иранской традиции, которая тоже индоарийская, это и есть первоуродный грех: первый человек Йиму предпочел царский сан священническому служению. Мы тут сталкиваемся в мифологизированной форме с обычным во все века политическим соблазном «власти от мира сего», который в конечном счете приводит к разрушению демократии.

Индуистское общество живет на нескольких уровнях. В священной сфере тон задают брахманы. Они совершают коллективные священнодействия, но, как правило, не сами по себе, а по заказу общины. В политической

сфере главенствует царь. Но он только предводитель, наподобие русского князя. А все вопросы, связанные с организацией повседневной жизни сообщества, решает народное собрание, которое состоит из представителей всех трех варн. Все мужчины после 40 лет могли быть участниками этого народного собрания и должны были ими быть. Они принимают решения. Кстати, эта традиция до сих пор соблюдается в Индии в системе сельского самоуправления, в панчаятах. Обратите внимание, что то, что дошло до нас в римской традиции под названием триба, коренится именно в индуистской форме трехварнового единства. Это не племя, это три разные совокупности, сотрудничающие между собой ради достижения единой цели. При этом их публичная общественная жизнь осуществляется в народном собрании — сабха, самхита. И сейчас парламент Индии называется Лок Сабха, то есть народное собрание. Кстати, русское слово для народного собрания (не будем забывать, что славянские народы восходят к индоевропейской общности) — вече. Вече, скорее всего, происходит от санскритского слова — вач (священное слово). То есть это тот же парламент.

Итак, мы видим здесь демократическую форму организации светской жизни, где царь не доминирует над обществом и фактически является премьер-министром, военным предводителем и главой исполнительной власти. И в духовных вопросах царь вовсе не свободен: каждый царь должен избрать себе духовника, брахмана, пурохиту, который будет от его имени совершать священные обряды. Царь должен слушаться пурохиту во всем, что касается религиозных вопросов (на санскрите слово «пурохита» означает — поставленный впереди). Да и сам пурохита не свободен, поскольку

входит в брахманский конклав, где все вопросы решаются сообща.

И еще одна важная деталь, которую мы знаем из более поздних, уже индуистских законов Ману, несущих отпечаток древнего индоевропейского общества. В законах Ману говорится о том, что какие бы преступления ни совершил брахман, его нельзя казнить. Его можно только изгнать из страны. Потому что он и его жизнь подчинены не обществу, а непосредственно божественным силам. «Никогда нельзя убивать брахмана, даже погрязшего во всяческих пороках... Царю не следует даже помышлять о его убийстве». Боги его казнят, но царь казнить не может [Ману VIII, 380–381].

Наряду с этой традицией политической организации общества, в древнем мире прослеживаются атрибуты другой формы — священного царства. Эта форма, с которой цивилизации Переднего Востока — Египет, Месопотамия, Китай и, по всей видимости, доарийская Индия (цивилизация Хараппы) — входят в историю. Здесь та же идея соединения земного с небесным и введения земного в небесное. Но для роли соединителя миров выбирается особая фигура. В Китае это владыка Поднебесной — Сын Неба (Тянь Цзы). Древний титул этого правителя — ван. Со временем «ван» стал просто княжеским титулом. Но еще во II тыс. до Р.Х. ван был божественным правителем. Иероглиф «ван» — это одна толстая вертикальная полоса, пересеченная тремя тонкими горизонтальными полосками. Как поясняют традиционные китайские тексты, это один, соединяющий три мира: небо, землю и преисподнюю. И действительно, жертвоприношения Тянь Ди, Небесному Владыке, совершает только ван. Остальные люди приносили жертвы духам и божествам, подчиненным Тянь Ди.

В Египте с самых первых династий, а по современным хронологиям это 3050 год до Р.Х., правит царь, тоже как воплощенный спаситель — Гор, который по египетским представлениям оживляет своего умершего отца Осириса. Как и в древнем Китае, царь в эпоху Древнего царства (III тыс. до Р.Х.) — единственный посредник между небом и землей, Богом и людьми. И все священнодействия того времени, а Египет это огромная страна, совершал царь. В цивилизацию Египет вступает с формулой, что за каждого умершего жертвоприношение приносит царь и божественное существо. Сначала это Анубис, сын Осириса, проводник в иной мир. А потом, с пятой династии, сам Осирис — судья того мира и повелитель инобытия — Дуата. Но рядом с Осирисом всегда царь и только царь. Многочисленные жрецы Египта лишь представители, викарии, царя.

Царь по-египетски — инсибия — <обладающий> страной пчелы и страной тростника, фигура, соединяющая земной (пчела) и небесный (тростник) миры. Египетский царь носит две короны: красную и белую. Они совмещаются. Ученые долго считали, что это короны верхнего и нижнего Египта, но нигде в египетских текстах об этом не говорится. Говорится о том, что это верхняя и нижняя страны, страна пчелы и страна тростника. Именно так на греческий язык переводит слово «инсибия» знаменитая Розеттская билингва — «Царь Верхней и Нижней страны». Верхняя страна и белая корона — это небо. Нижняя страна — это земля, то есть *этот* мир. Царь Египта, как и в Китае, — соединитель миров. В Месопотамии та же модель.

Таковы, коротко, две исконные формы политической организации общества. Царская форма, где один человек выде-

ляется из всего общества, как соединитель земного и высшего миров, — основа монархии. Мы видим, что и сейчас там, где сохранилась монархия, как бы она ни редуцировалась, как бы ни превращалась почти в институт для туризма, как в современной Швеции, мы видим, что все равно монарх имеет особое значение в религиозной сфере. Он — хранитель веры, он защитник церкви. Он правит не волей народа, а «милостью Божией». Об этом почти никто не вспоминает, но

на каждой современной английской монетке можно прочесть надпись вокруг профиля королевы — ELIZABETH II DEI GRATIA REGINA F(idea) D(efensora) — Елизавета II Божьей милостью царица, веры защитница. Монархия и возникает как священный институт. Мнение XIX века о том, что древний царь ловко обманывал народ, выдавая себя за спасителя, а на самом деле просто наслаждался властью и богатством, и верно, и неверно. Оно неверно по генезису института монархии, но, к сожалению, верно по его результату.

Институт монархии возникает из убеждения, что спасение людей возможно, если хотя бы один человек реализует истинную человеческую природу. Иначе все общество и весь мир (а китайские, месопотамские и египетские монархи претендовали на то, что они единственные цари вселенной) погибнет. Должен быть в мире тот, кого можно назвать «совершенным человеком». Идея, что общество выдвигает совершенного человека, и он является соединителем миров, подателем жертв, была распространена широко, и смысл ее состоял в том, что несовершенный не может приносить

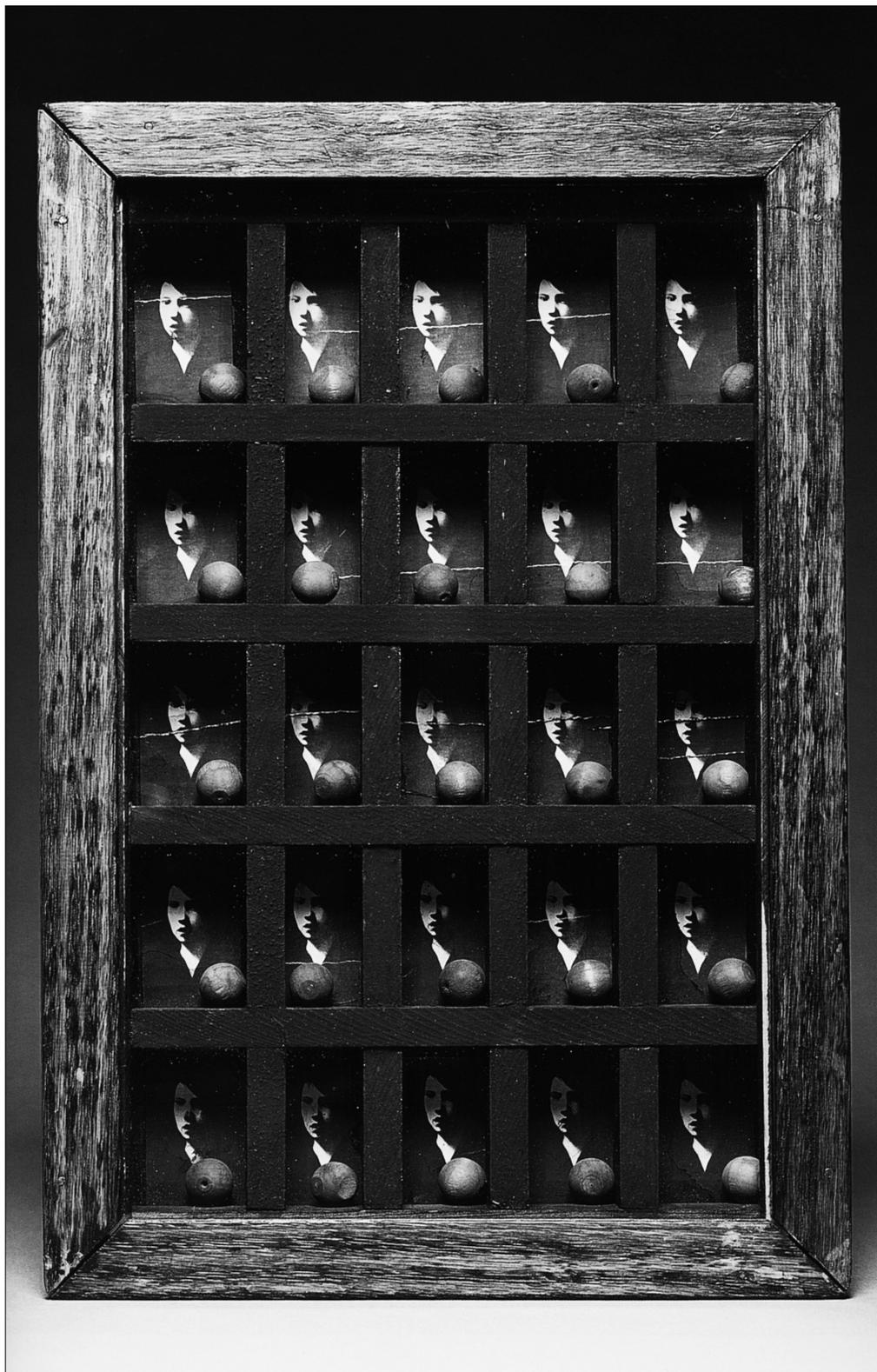
жертвы. Как может приносить жертвы тот, кто не достоин неба? Ведь небо совершенно. Отсюда и возникает институт монархии.

Есть одно веское косвенное свидетельство, которое позволяет предполагать, что институт монархии возник как

*Демократия не ценность сама по себе.
Демократия — это инструмент
сохранения свободы. Свобода —
это тяжкое бремя*

религиозная форма власти. Это свидетельство основано на анализе того, куда уходила большая часть общественного продукта, общественных усилий в Египте. По подсчетам современных египтологов более 90% прибавочного продукта расходовалось там в непроизводительной сакральной сфере. То же самое — в шанском Китае II тысячелетия до Р.Х.

Важнейший вопрос: монархия — это альтернатива древней демократии или нечто иное? Нам важно это знать вот по какой причине. Мы должны понять, что такое демократия сейчас. Нами ли это выдуманная форма организации общества, удобная для нас, или это вовсе не выдуманная форма, не человеком сконструированная, а суть естественные отношения людей, подобные семейным. Если это выдуманная форма, то мы можем придумать ей альтернативу. То есть сказать, что нам удобнее отсутствие демократии, и предпочесть ей авторитаризм или вовсе тоталитарную диктатуру. В этом случае мы можем говорить об относительной, функциональной ценности демократии. Такие концепции были популярны в Европе перед Второй мировой войной. Именно



Джозеф Корнелл. Без названия. 1953

представление о релятивности демократии проложило путь фашизму и нацизму. А если демократия — действительно имманентная человеку форма, но только, как все человеческое, искажающаяся время от времени, то тогда мы стоим перед другой проблемой: возвращения от противостественности к естественности в аспекте политическом. Поэтому для нас очень важно взглянуть назад, в глубину времен. Что касается арийских форм древней демократии, то мы с ними разобрались. А что же с монархическими формами — имманентны ли они человеческому обществу, подобно демократии, или это сравнительно позднее изобретение человеческого ума?

И вот, в поисках ответа на этот вопрос, мы обнаруживаем, что монархия возникла практически одновременно с письменностью и государственностью в конце или во второй половине IV тысячелетия до Р.Х. Почему мы можем сделать такие выводы? Что касается Дальнего Востока, то у нас нет информации об ином устройстве китайского сообщества до шанского времени. По крайней мере в текстах, дошедших до нас, говорится о том, что Хуан Ди, Желтый Предок, первый император китайцев, правление которого совпадает с владычеством пятой династии Египта, в середине III тысячелетия до Р.Х., принес первые жертвы Шан Ди, Божественному владыке. То есть Китай сразу был организован вокруг фигуры монарха — посредника. Но не следует так уж верить Сыма Цяню, историку, жившему в первом веке до Р.Х. при уже сложившейся императорской власти, когда он описывает события, отстоящие от него на две с половиной тысячи лет. Может быть, он

прав, а может быть — и нет. А вот для Месопотамии и Египта есть указания на то, что «первобытная» демократия предшествовала здесь монархической власти. Торкильд Якобсен, исследовав древнейшие шумерские и аккадские предания, пришел к выводу, что в Месопотамии монархии предшествовала первобытная демократия*.

Аргументов в пользу этого вывода много, но я приведу лишь один. В новогоднем месопотамском празднестве Акиту, аналогичном празднику Навруз у современных народов Средней Азии, был мифологический компонент, согласно которому все боги вручают свою силу одному из них. В Шумере это Энлиль. Происходит это на совете богов, которые, высказываясь и голосуя, принимают единогласное решение. Упоминание об этом мы встречаем в аккадском эпическом произведении о деяниях Гильгамеша. Видимо, до монархии в маленьких городах Месопотамии была какая-то форма демократии, когда все главы родов, все мужи и воины принимали решения на совете. Естественно, что во главе совета был жрец. Возможно, что был и царь, как священное лицо, но он не исполнял политических функций, что очень важно.

В Египте переход от догосударственных к государственным формам жизни в IV тысячелетии до Р.Х. был настолько резок, что мы можем предположить изменение всего политического дизайна общества. Возможно, в это время египетское общество меняет свое устройство с первобытной демократии на монархию. В одном из речений из пирамиды фараона Унаса (XXIV век до Р.Х.) говорится о том, что царь спасает своих подданных, как членов своей плоти (речение 268). Это уже новая, «монархиче-

* См.: T. Jacobsen. *Primitive democracy in Ancient Mesopotamia*. // *Journal of Near Eastern Studies*, vol. 2, 1943. № 1.

ская» форма спасения. Можно предположить, что даже в случае самых древних монархий Переднего Востока они не первичны, а вторичны — они наследовали демократии, а не предшествовали ей. Проблеме влияния древних монархий Месопотамии и Египта на политическую власть в христианской Европе посвятил свою работу замечательный чешский ученый, работавший в США, Франтишек Дворник*. Но он не задается вопросом о том, как возникла сама монархия, а ведь это очень важно. И вот здесь мы переходим к важному сюжету. Почему возникает потребность в монархической форме правления? У нас долгое время ссылались на так называемую гидравлическую теорию Карла Виттфогеля. Она объясняет потребность в монархии тем, что необходимо было единовластие в организации сложных ирригационных систем, без которых древние земледельческие цивилизации не могли прокормить растущее население**. Однако это ныне полностью отвергнутая самими «древниками» точка зрения. Дело в том, что когда в III тысячелетии до Р.Х. возникли монархии в Египте и Месопотамии, там никакой потребности в сложных ирригационных системах не было. Плодородие обеспечивалось разливами Нила, илом, который оставался на полях после ухода воды. И чем меньше было заслонов на пути воды, тем больше Нил осаждал свой плодородный ил, тем лучше был урожай. Да и население Египта по современным подсчетам было столь малочисленно, что одного урожая в год было для египтян достаточно для безбедного существова-

ния***. В Месопотамии сам характер водосброса Тигра и Евфрата требовал малых форм ирригации, которые создавались не государством, а городками и деревнями.

Почему же тогда возникли монархии на Востоке? Поскольку прибавочный продукт в раннемонархических Египте, Китае, Месопотамии потреблялся главным образом в религиозно-ритуальной сфере, мы можем предположить, что основная задача монархии носила религиозный смысл. Но почему в таком случае человек решил передать свои функции монарху в религиозной сфере?

По целому ряду оговорок египетских текстов ясно, что в догосударственные времена сын приносил заупокойные жертвы для своего умершего отца. И диада Гор — Осирис это диада сына и отца. При монархии диадой стал отец-фараон и все граждане Египта. Как это произошло? Здесь мы возвращаемся к древнеиранскому царю Йиме, который предпочел быть царем, а не священником, и тем самым, по мнению зороастрийцев, тяжко согрешил. Почему? Дело в том, что для вступления в диалог с Богом, надо быть соответствующей Богу стороной этого диалога. Призыв Христа «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» [Мф.5,48], это и есть фиксация такой необходимости. Но человек не совершенен.

Ответственность, то есть способность отвечать Богу, — это тяжелое бремя. Людям очень хочется сложить с себя ответственность, так легче жить. Здесь мы уходим в область, если угодно, психологии. Монархия возникает не из желания получать большие урожаи, а из-за обременительности личной ответ-

* См.: F. Dvornik. *Early Christian and Byzantine Political Philosophy. Origins and Background. Dumbarton Oaks. Vols. 1–2.* — Washington, 1966.

** См.: K. Wittfogel. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power.* — New Haven, 1957.

*** См.: B.J. Kemp. *Ancient Egypt. Anatomy of a Civilization.* — L.-N.Y., 1989. — P. 10–13.

ственности. Отсюда желание, чтобы некто один отвечал за всех. А все остальные достигали бы чаянных целей, в данном случае спасения, лишь послушанием ему и следованием его воле. В египетских заупокойных текстах III тысячелетия до Р.Х., в гробничных надписях, встречается постоянно одна и та же мысль: владетель гробницы слушался при жизни царя, исполнял его поручения, был награждаем царем. Таким образом, благодетельна не ответственность, а послушание. Не

правда ли, знакомый мотив? Мы отдаем свободу, потому что тяготимся ею. Ни по какой другой причине. Свобода — это тяжкое бремя.

Интересно, что индоарийские народы долгое время не создавали государственности. Она им была не нужна. Маленькие общины могут существовать самостоятельно именно потому, что состоят из ответственных граждан. Там, где человек теряет чувство личной ответственности за свою судьбу и за судьбу своей общности, там он открывает путь вождизму, монархии, когда один ответствен за всех, а все перед судьбой безответственны.

И вот теперь, пожалуй, последний вопрос в нашем дискурсе.

Почему домонархический человек так хранил, ценил и лелеял свою свободу, свое право управлять собой, что соглашался принимать на свои плечи это бремя ответственности? Мы можем, разумеется, только реконструировать его мировоззрение на основании того, с чем он входит в историю, что он начинает писать в конце IV тысячелетия до Р.Х. Но ведь первые письменные тексты — это отзвуки того, что было произнесено за десятки тысяч лет до их первой фиксации.

Люди очень консервативны. Сейчас мы не удивляемся, что знаток Корана повторяет его суры точно так же, как слышал их пророк Мухаммед на горе Хира. Мы не удивляемся тому, что христиане православной веры совершают литургии по чину Василия Великого

Там, где человек теряет чувство личной ответственности за свою судьбу и за судьбу своей общности, там он открывает путь вождизму, монархии

или Иоанна Златоуста на протяжении полутора тысячелетий. Мы понимаем, что даже сейчас, в эпоху письменного слова, религиозная традиция крайне консервативна. А когда не было письменного слова? Вся система арийских триб (общин) по сути дела была механизмом для хранения и передачи информации — ведического собрания, самхит, то есть священных индуистских текстов. Гимны и комментарии к ним заучивались на слух с точностью до запятой и так передавались из поколения в поколение, из тысячелетия в тысячелетие. Для модернизма в этой трансляции не было места. И сейчас веды звучат в Индии точно так же, как три тысячи лет назад.

Но что заставляло человека хранить эти формы повествования? Мы здесь должны обратить внимание на древнее понимание самого человека. Человек повсюду, даже когда это звучит от противного в некоторых египетских текстах, — это свободное волевое существо. Свобода выбора между добром и злом всегда остается за ним, всегда присуща ему. В древнем египетском тексте (середина III тыс. до Р.Х.), так называемом Памятнике мемфисской теологии (ныне этот базальтовый

камень находится в Британском музее), в 57-м столбце текста говорится: дается Богом «пища всякая и все потребное и для тех, кто делает угодное, и для тех, кто делает ненавидимое, но жизнь дается мирному, а смерть — преступнику». То есть Бог дает для людей все потребное, но одни выбирают любимое Богом, а другие выбирают ненавидимое. И те, кто выбирает любимое, обретают жизнь, а те, кто выбирает ненавидимое, — погибают. Речь идет не о наказании юридическом, а об отсечении от Бога как источника блага. Но кто делает выбор? Выбор делает человек, свободная личность. Этот же принцип заложен в основу Церкви как тела Христова. Ведь никто в Церковь не гонит. В Церковь идут свободно. И те, кто идет туда свободно, обретают, по представлениям христиан, жизнь, а те, кто отказывается туда идти, обретают смерть.

Ответственная личная свобода — это общечеловеческая идея. И не случайно в Евангелии сказано: «Где дух Господень, там свобода» [2 Кор. 3,17]. Свобода, свободный выбор — это основа человека, его самостояние. У древних ариев это был выбор между адитьями — «безграничными» и дасьями — «ограниченными». Между теми, кто выполняет волю нерожденного (Аджа), предвечного Бога, и теми, кто отказывается выполнять волю Аджа, а реализует свою волю. По библейской модели в этом суть грехопадения: когда Ева и через нее Адам предпочитают выполнять свою волю.

Итак, идея свободы как свободного выбора заложена в человеке. Это — его духовное качество. Лишение этого качества прекращает существование человека как человека. Несвободный человек уже не человек. Другое дело, что человек может оставаться свободным даже в концлагере, даже на краю

расстрельного рва. Это пусть трагическая, но тем не менее свобода. А можно потерять свободу, живя вполне благополучно, пользуясь всеми благами жизни, вдоволь наедаясь из кормушки. Так чаще всего и бывает.

Идея свободы коренится не только в религиозной сфере, но и в сфере политической. Потому что тот, кто распоряжается собой в политической, в личной, в гражданской сферах, тот распоряжается собой и в духовной сфере. И человек, в принципе понимая, что он будет отвечать за все свои поступки по нравственной шкале, стремится хранить свободу на всех уровнях своего бытия, в том числе и на общественном уровне. Мы помним, что демократия не ценность сама по себе. Демократия — это инструмент сохранения свободы. С массой оговорок, но тем не менее.

Поэтому первобытная демократия — это естественное и изначальное положение человека. Ни в одной древней традиции я не знаю учения о человеке без идеи его личной свободы. Даже в Китае, откуда у нас нет текстов ранее II тысячелетия до Р.Х., поэтические тексты «Книги песен и гимнов» Ши цзин дают представление о проблемах личного выбора и личной свободы. А у Конфуция и Лао Цзы мы уже читаем о возможности личностного выбора в полной мере. Тем более мы находим утверждение человеческой свободы в Египте и Месопотамии.

Мы постоянно соблазняемся желанием отдать нашу свободу за право быть безответственными, но не поддадимся этому соблазну и сохраним ответственную свободу в выборе нашей души и тела на всех уровнях, помня, что, утверждая присущую нам свободу, мы печемся не о желательной или модной политической форме, но о самом исконном праве своем именоваться человеком. А если именоваться, то и быть им воистину.

О синтезе традиционных китайских ценностей и ценностей либеральной демократии

Почему так важен вопрос о синтезе

Присутствие Китая на международной арене становится все более ощутимым, особенно последние три десятилетия, в силу быстрого роста экономики страны. Уже довольно скоро трудно будет не принимать в расчет Китай именно как политическую державу. Однако если Китай, продолжая набирать экономическую мощь, сохранит «авторитарный» режим, он, несомненно, будет угрозой всему сообществу либеральных демократий. Такое предположение лежит в основе распространенного тезиса о «китайской угрозе». Если же Китай уйдет от авторитаризма и направится по пути либеральной демократии, он сможет сделать большой вклад в развитие свобод и демократии в мире.

Либеральная демократия как ценность и как институт является сравнительно новым явлением не только в Китае, но и во всем мире. Она появилась в Западной Европе менее 400 лет назад (если за отправную точку современной либеральной демократии мы берем английскую революцию 1640 года) и распространилась по всему миру. История ее распространения говорит о том, что успех или неудача в восприятии ценностей и институтов демократии напрямую зависят от их сочетаемости с местными традициями.

Уникальность традиционной китайской культуры была предметом бесчисленных дискуссий в Китае и за его пределами. Попытки сочетать ее с принципами либеральной демократии сравнивали с попытками смешать воду и масло.

Верно ли это представление? На чем оно основано? Можно ли считать его достоверным? В этой статье мы попытаемся изучить сам предмет синтеза в двух измерениях: в ценностном (или культурном) и институциональном, уделяя больше внимания последнему.



*Хайронг Лай,
исполнительный директор
Китайского центра
исследования зарубежных
социальных и философских
теорий*

Каковы основные китайские ценности?

Традиционно китайской культурой и системой ценностей считается этическое учение конфуцианства. Я же искренне убежден, что это суждение не верно. Китайская культура строится на трех основных школах мысли: конфуцианстве, даосизме и буддизме. Таким образом, конфуцианство составляет лишь часть китайской культуры. Важно отметить, что даосизм и буддизм как учения являются полноправными по отношению к конфуцианству и оба они могут послужить основой для синтеза традиционной культуры и либеральной демократии. Существуют сотни школ и трактовок каждого из этих учений. Самый простой способ ознакомиться со всеми — прочитать Лунь юй («Беседы и суждения» Конфуция), Мэн-цзы (Менциус), Дао дэ цзин («Книгу пути и благодати» Лао-цзы), Чжуан-цзы (он же Чжуан Чжоу), Сутру сердца, Сутру бриллианта, а также Сутру помоста Шестого патриарха (в более поздних текстах — Сутра помоста). «Беседы» Конфуция и Менциуса относятся к китайской классической буддистской литературе. Тысячи лет эти тексты были самыми читаемыми в Китае, за исключением периода с 1949 по 1978 год. Сейчас, после 30 лет опалы, классические тексты конфуцианства, даосизма и буддизма снова стали для широкой публики (а в некоторых случаях и для специалистов) основными источниками в понимании традиционной китайской культуры.

Конфуцианство и даосизм возникли во второй половине первого тысячелетия до нашей эры (точные даты до сих пор ставятся исследователями под сомнение, чего в данной работе мы не станем касаться). Буддизм пришел в Китай из Индии во времена правления династии Хань. После сотен лет споров и попыток трактовки его смыслов, а также преследования буддизм был окончательно принят Китаем во времена правления династий Сун и Тан (между V и VIII веком). Сутра помоста была написана китайским монахом Хуэй-нэном в конце VII — начале VIII века (считается, что последователи составляли текст в его окончательном виде уже после смерти автора). Но сам факт написания текста на китайском языке говорит о полном усвоении буддизма и его дальнейшем самостоятельном развитии в Китае того времени.

В течение всей истории китайской культуры было предпринято несколько попыток синтеза конфуцианства, даосизма и буддизма. Школа дзен была создана буддистами, воспринявшими элементы конфуцианства и даосизма. Неоконфуцианство развивалось в годы правления династии Сун и стало синкретической философской системой, включающей элементы даосизма и буддизма. Все эти попытки дают нам представление о трех источниках традиционной китайской культуры.

В чем же смысл конфуцианства? В основном это руководство к действию для человека, который стремится вести достойную уважения жизнь. Для последователей этого учения жизнь, основанная на добродетели, и возможна и необходима, но для достижения цели требуется

осмысленное и деятельное стремление к ней. Конфуцианство совсем не интересуется миром, окружающим человека. Конфуцианские тексты посвящены прежде всего разрешению вопросов человеческих взаимоотношений. Соблюдение принципов морали, иерархии, повиновения и участия необходимо добропорядочному обществу, как и каждому отдельному члену общества, стремящемуся стать субъектом, достойным уважения других.

В чем суть даосизма? Даосизм берет за точку отсчета смирение человека перед непредсказуемыми и могущественными силами общества и природы. Цель даосизма, как и конфуцианства, — жизнь, достойная уважения. Но даосизм с настороженностью относится к конфуцианским принципам достижения этой цели. Согласно даосскому учению, активное движение к цели может, напротив, увести от нее.

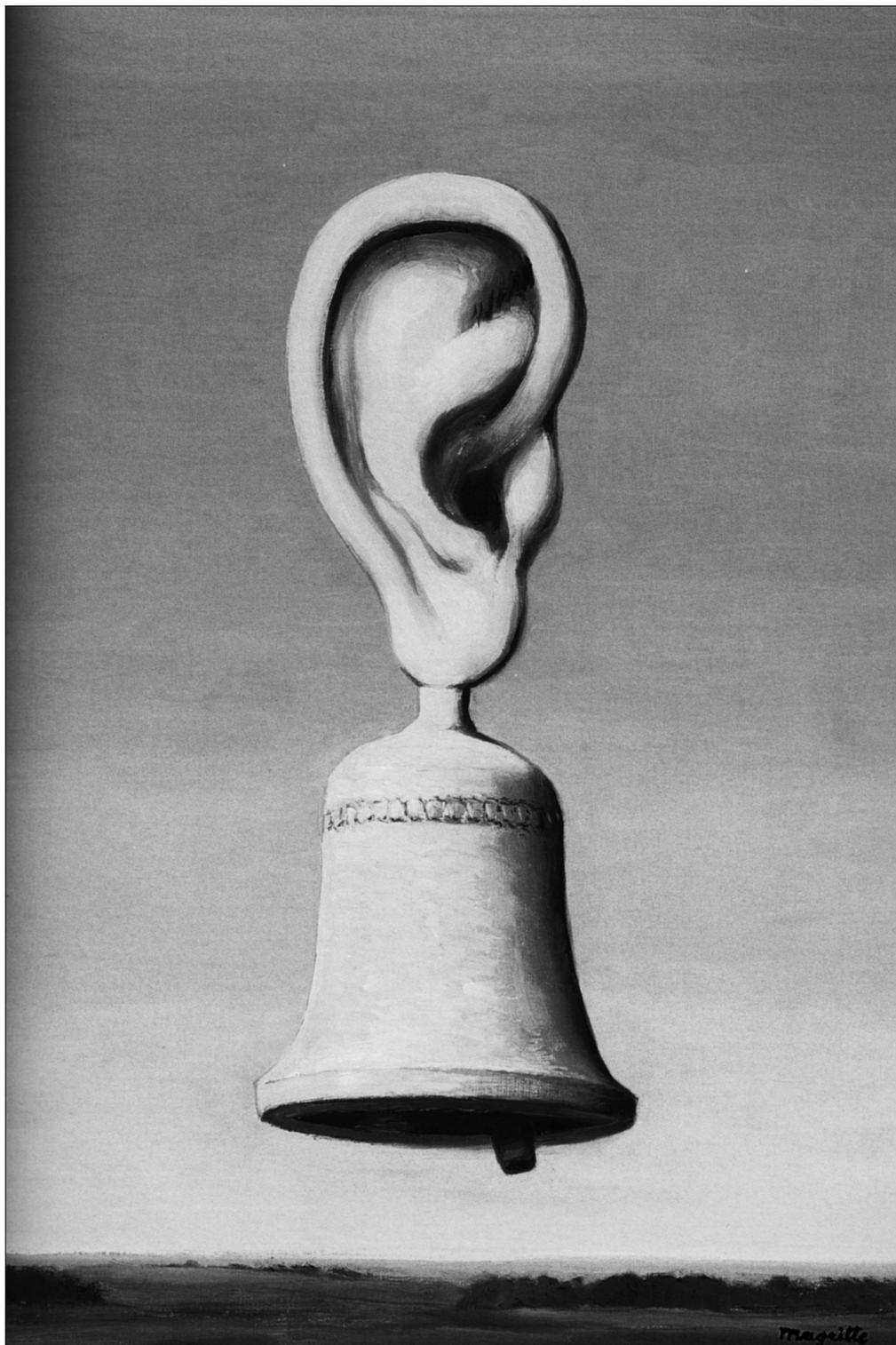
В чем смысл буддизма? Для буддиста все, что мы видим и чувствуем, не более чем иллюзия. Как уважение, так и недостаток его есть иллюзия. Власть, слава, деньги и желанья — суть иллюзии. Люди слишком сильно сосредоточены на всем перечисленном лишь в силу того, что одержимы иллюзиями. Покоя можно достичь, лишь осознав иллюзорность мира, только такое осознание освобождает от одержимости*.

Действительно, в императорском Китае большая часть правил, регулировавших поведение должностных лиц и простых граждан, а также правил, помогавших разрешению каждодневных бытовых споров, были основаны на принципах конфуцианства. Но сейчас даосизм и буддизм играют более глубокую и важную роль в духовной жизни Китая. Имея представление об этих учениях, нетрудно различить присутствие даосизма и буддизма в китайской литературе, поэзии, живописи, каллиграфии и музыке. Во множестве произведений всех перечисленных искусств выражено стремление человека приподняться над волнениями и разочарованиями будней и освободиться от навязчивых желаний. Объем этой работы не позволяет рассмотреть каждый из видов искусства, поэтому я остановлюсь лишь на нескольких примерах из классической поэзии.

Тао Юанмин, живший в правление династии Цзинь, Ли Бо (династия Тан) и Су Ши (династия Сун) — пожалуй, три наиболее почитаемых китайских поэта. Довольно продолжительное время Тао и Ли были чиновниками среднего звена на службе у своих правителей. Су почти всю свою жизнь провел на службе у императора, переживая повышения и понижения в должности, оставаясь при этом одним из наиболее уважаемых каллиграфов в Китае.

Большинство стихотворений Тао Юанмина отражают идеи даосизма и буддизма, хотя сам он не был ни буддистом, ни даосом в религиозном смысле слова. Вот одна из его строк: «Кто узнает о твоей славе или бесчестии сотни лет спустя?». В ней отчетливо слышится отголосок буддистских учений. В целом поэзия Ли Бо дальше от даосизма и буд-

* Поскольку это мои личные построения, я буду рад любой критике своего краткого введения в теорию конфуцианства, даосизма и буддизма. — Здесь и далее прим. авт.



Рене Магритт. Урок музыки. 1965

дизма, но и в ней прочитываются те же смыслы. Приведу одно из наиболее известных его стихотворений: «По цветам и дивной траве царства династии У пролегает теперь нехоженная дорога, императорские одежды и уборы стали древними холмами». В этих словах прямая связь с буддистскими верованиями. Су Ши немного отличается от этих двух поэтов, в его знаменитом стихотворении даосские темы очевидны:

Уплыву отсюда
в маленьком челноке.
Остаток дней
я на реке проведу.

Принципы и ценности, о которых я говорю, звучат довольно абстрактно. Они кажутся далекими от принципов либеральной демократии. Обратимся теперь к тому, как они могут быть связаны.

Элементы традиционной китайской системы ценностей, сочетаемые и несочетаемые с либеральной демократией

Утверждается, что основой либеральной демократии является представление о несовершенстве человека, которое влечет за собой и несовершенное осуществление им власти. Осознание того, что природа человека порочна, ведет к пониманию необходимости институтов ограничения власти. К таким институтам относятся: разделение властей, верховенство права, свободные конкурентные выборы, гарантирующие мирную передачу власти, независимая пресса, законы, защищающие права человека и проч. Смысл перечисленных институтов и процедур — не допустить диктатуры и тирании. Типичной для Запада интеллектуальной конструкцией является принцип «общественного договора». Как формулировал это Локк, люди добровольно отказываются от части свобод, которые доступны им в естественной среде, чтобы обеспечить свою безопасность. При этом за человеком остаются определенные неотъемлемые естественные права, которые ни один закон не может аннулировать. Любая попытка нарушить их рассматривается как нарушение общественного договора и оправдывает сопротивление.

Между тем для китайской культуры характерно представление о том, что человек по природе благ и что все люди подобны, несмотря на внешние различия в их поведении и привычках*. Если принять это за истинное положение вещей, то система сдержек и противовесов, а с ней и иные сопутствующие ценности и институты теряют свой смысл. Но это верно лишь отчасти. Конфуций действительно считает человеческую природу в основе своей благой. Но даосизм ставит это под сомнение, особенно если речь идет о сильных мира сего. Лао-цзы

* Эти два предложения (人之初性本善, 性相近习相远) не относятся к «Беседам» Конфуция, ни Мэн-цзы, но состоят из «Трех классических иероглифов» (三字经), взятых из изречений Конфуция (邦有道则仕, 邦无道则隐).

говорит: «Мудрому чужда человечность. Все люди ему, что “соломенные собаки”». У другого даосского мыслителя Чжуан-цзы мы встречаем еще более жесткие рассуждения о человеческой природе, особенно когда речь идет о правителях. Однажды правитель царства Сун послал двух сановников к Чжуан-цзы, приглашая его на должность при дворе. Тот ответил, что скорее стал бы черепахой и влачил свой хвост в грязи, чем служил бы при дворе и умер, облеченным властью.

Даже конфуцианство, утверждающее, что человек по природе своей добр, на деле вовсе не так оптимистично. У Конфуция можно найти несколько раз упоминание о «попытке служить, если политики разумны (или нравственны), и уйти в отшельники, если политики неразумны (или безнравственны)». Эти слова доказывают, что для Конфуция не была тайной темная сторона человеческой природы и порочность политики.

Признание Конфуцием темной стороны человеческого начала отражается не только в его учении, но и в практиках. В каждой династии, принявшей конфуцианство как официальную идеологию, существовал ряд институтов, призванных контролировать сановников и даже самих императоров. Традиционно считается, что император имел власть делать все, что ему угодно. Но при конфуцианском правлении так было далеко не всегда. Приближенные вполне могли расстроить планы своего императора. Яркий пример — император Ван Ли династии Мин конца XVI — начала XVII века. Назначенные им же министры выступили против его желания сделать императрицей женщину, которую он любил, и передать власть сыну, рожденному от нее. Император оказался настолько бессилен перед противодействием, что многие годы отказывался исполнять обязанности правления, предпочитая им удовольствия частной жизни.

Из сказанного очевидно, что традиционная китайская культура осознавала темные стороны человеческой природы и не отрицала необходимости институтов сдерживания власти. Проблема в том, что все институты сдерживания были сосредоточены внутри двора, ослабленного фракционной борьбой. Ни о каком низовом контроле со стороны общества, ни о каком разделении властей на исполнительную, законодательную и судебную речь тогда не шла. Представление о том, что императорская власть даруется небом (император — сын неба 天子观) отчасти объясняет отсутствие низового контроля. Это верование схоже с распространенным в домодерную эпоху западным представлением о божественном происхождении королевской власти. Таким образом, мысль о низовом контроле или разделении властей была недопустимой в то время. Но после революции 1911—1913 годов, свергнувшей маньчжурскую династию Цин, когда люди отказались верить в то, что император «является сыном неба», не осталось препятствий для встраивания в китайскую традиционную культуру институтов контроля снизу и разделения властей.

Вместе с тем в даосизме существуют представления, близкие либерализму. Даосизм считает, что власть разума неограничена. Знание каж-

дого из нас, как и человечества в целом, несравнимо меньше того, чего мы не знаем. Мир непредсказуем, а жизнь несовершенна. Один из моральных догматов даосизма — недеяние (无为 — то есть отрицание целенаправленной деятельности, идущей вразрез с естественным миропорядком). Даосизм призывает тех, в чьих руках власть, не навязывать населению свое представление о порядке. Лучшие правители позволяют народу делать то, что он сам желает. Неважно, насколько наделен знаниями правитель, возможности его интеллекта все равно ограничены. Насаждая свой порядок, он будет ограничивать возможности действия других, ставя их в рамки своего интеллекта, тем самым заранее ограничивая результат. Только через недеяние правителей люди могут делать то, что им хочется, позволяя множеству умов прийти к великим достижениям (无为无不为). Даосизм не приемлет насилия и принуждения. Считается, что принуждение не может длиться долго. Дао дэ цзин учит нас: «Сильный ветер не продержится все утро. Ливня не хватит на целый день». Поэтому лучше всего уподобиться воде, которая дает благо всем, но ни с кем не соревнуется. Таким образом, правителю лучше выбрать путь поддержки действий других, чем принуждения других к задуманным им действиям. Такой подход сближается с западной концепцией *laissez-faire* и принципом спонтанности, о котором писал Фридрих Хайек, один из величайших философов либерализма.

Принцип недеяния был воспринят китайскими правителями так же глубоко, как и конфуцианское учение. В течение всей китайской истории эти два иероглифа (无为 — недеяние) были вырезаны на балках над тронами многих императоров.

Одной из главных целей либеральной демократии является осуществление контроля над властью, предотвращение давления на людей в неутолимом стремлении стяжать еще больше власти и богатства. С точки зрения буддизма и власть, и богатство есть иллюзия. Нет более бессмысленного занятия, чем попытка обладать властью и богатством за счет морали, внутреннего мира, физического здоровья. Даосизм утверждает, что власть и богатство вредят своему обладателю. В Дао дэ цзин говорится: «Пять цветов притупляют зрение. Пять звуков притупляют слух. Пять вкусовых ощущений притупляют вкус. Быстрая езда и охота волнуют сердце. Драгоценные вещи заставляют человека совершать преступления». Такие установки призваны ограничить жажду власти и богатства и соответствуют принципам либеральной демократии.

При этом трудно было бы закрыть глаза на некоторые элементы китайской традиционной культуры, которые идут вразрез с идеями либеральной демократии. Одна из самых значительных таких идей — это патернализм. Конфуцианство делит людей на высших и низших. Представитель высшего, благородного класса — пастырь, а низшие люди — его паства. Во времена династии Хань губернатор провинции так и назывался — пастух, пастырь (州牧). Согласно учению конфуцианства простые люди не в состоянии сами позаботиться о себе. Заботу

о них должны брать на себя правители. Мэн-цзы (второй великий конфуцианец после самого Конфуция) писал: «Те, кто работает головой, управляют теми, кто работает мускулами. Работающие мускулами подчиняются тем, кто работает головой». И это не эмпирические наблюдения, а норма. Правители должны заботиться о тех, кем управляют, как родители заботятся о своих детях. Эта установка прочно закреплена в умах и правителей, и тех, кем управляют. Подобное мировоззрение противоречит духу либеральной демократии.

Другим препятствием может стать отсутствие индивидуализма, заложенное в китайской традиционной культуре. Традиционно человек рассматривается как часть целого (семьи, сообщества, этнической группы, а в наше время — еще и как часть нации). Показательно, что китаец не спросит у незнакомца его имя при встрече, а спросит «какое имя носит ваша семья». Индивидуализм китайцам несвойствен, в отличие от эгоизма.

Еще один элемент традиционной китайской культуры — невысокая ценность человеческой жизни, что тоже несовместимо с принципами либеральной демократии. Во всех трех рассматриваемых нами учениях можно встретить очень мало упоминаний о ценности человеческой жизни, не говоря уже об абсолютной ценности человеческой жизни. Конфуцианство учит, как вести себя в той или иной ситуации будничной жизни, но ничего не говорит о ценности самой жизни. В буддизме нет как такового различия между жизнью и смертью. Человеческая жизнь не ценится больше, чем смерть. И жизнь, и смерть суть иллюзии. Суждения даосизма относительно человеческой жизни тоже довольно холодны и скупы. Согласно Чжуан-цзы, человеческая жизнь не ценнее жизни растения или животного. Подобным отношением пропитаны все его тексты, особенно это ясно читается в его труде «Теория о равенстве всех живых существ».

Чтобы не вносить путаницы, надо сразу сказать, что к понятию о том, что все люди рождены равными, это не имеет никакого отношения, здесь человеческая жизнь приравнивается к вещи, хотя в этих терминах жизни правителя и того, кем управляют, становятся равными. В «Дао дэ цзин» Лао-цзы скорбит о смерти. Он говорит: «побеждать, но не наслаждаться победой: насладиться ею значило бы насладиться убийством людей. Если убито множество, дайте нам скорбеть и оплакивать их, дайте нам праздновать победу, как если бы это были похороны». С одной стороны это показывает положительное отношение к человеческой жизни, с другой — говорит о том, как часто массы людей погибали в войнах и столкновениях того времени.

Итак, очевидно, что буддистские и даосские книги создают у нас впечатление, что человеческая жизнь не является чем-то сверхценным. А значит, не имеет большого смысла строить институты, защищающие права человека. Неслучайно смертная казнь нередко применяется в современном Китае, хотя сами китайцы производят впечатление людей мирных и даже робких. Объяснением этого служит не столько преобладание идеи мести над идеей правосудия, сколько

традиционная склонность не придавать высокой ценности самой человеческой жизни.

Чувство справедливости в Китае и на Западе — разное. Китайская история знает много чудовищных событий, повлекших гибель множества людей. Но традиционное китайское сознание склонно прощать правителей, ставших причиной этих несчастий, и предавать сами события забвению, а не искать справедливости с такой настойчивостью, как это делает западный человек. Вероятная причина — неверие в саму возможность идеальной справедливости. Об этой невозможности говорят и буддистское, и даосское учения. Едва ли найдется китаец, которому незнакома пословица:

Одна из главных целей либеральной демократии — осуществление контроля над властью, предотвращение давления на людей в стремлении стяжать еще больше власти и богатства

«Как в слишком чистой воде никогда не заведется рыба, так и человек, ищущий только чистых отношений с другими, не будет иметь друзей». То есть абсолютная чистота в отношениях (как и абсолютная справедливость) не только недостижима, но и нежелательна. Своеобразие китайского чувства справедливости ведет к двум противоречивым следствиям: с одной стороны, граждане в целом не ждут установления демократического режима и не рассчитывают на него, как на инструмент подотчетности власти. С другой стороны, если демократическая система все-таки будет установлена, риск раскола общества в отношении к событиям исторического прошлого минимален, поскольку общество не склонно ждать отчета за прошлое. Общество склонно прощать и забывать. Это подталкивает правящую элиту, в случае если предшественники были причиной трагедий, к тому, чтобы проводить необходимые изменения.

Иерархизм* и послушание — тоже элементы традиционной китайской культуры, плохо совместимые с принципами либеральной демократии. В конфуцианстве очень крепка установка на подчинение: «Подданный подчиняется правителю, сын — отцу, жена — мужу». Эта норма подразумевает полное подчинение и абсолютное послушание одной группы другой. Хотя надо отметить, что норма эта в значительной степени потеряла актуальность уже в первой половине XX века. Тем самым я подвожу к тому, что китайская культура претерпела некоторые изменения, и остановлюсь на этом подробнее.

* Здесь можно сослаться на утверждение, что «правителями не рождаются» как на знак общего равенства. На деле это означает следующее: если династия настолько развращена, что не может исполнять назначенное небом, бунт и смена династии законны. И второе: человек, рожденный в простой семье, может оказаться у власти ценой своих заслуг в силу работающих законов меритократии. Это подразумевает высокий уровень социальной мобильности в Китае, но все равно не оставляет места равенству правителя и подчиненного.



Рене Магритт. Белая раса. 1967

Была ли попытка синтеза традиционной китайской культуры и либеральной демократии в последние столетия?

В начале XIX века связи Китая с остальным миром были минимальными. Они возобновились лишь после того, как Англия в ходе Первой опиумной войны 1840–1842 годов силой открыла Китай Западу. Взаимопроникновение китайской и западной культур неминуемо началось (включая, но не ограничиваясь либеральными ценностями) и носило как намеренный, так и непреднамеренный характер.

Если говорить в целом, то можно выделить две стадии проникновения в Китай западной культуры в новой китайской истории: до 1898 года, когда категорически отторгались западные нормы и институты, и постепенное принятие либеральных ценностей после 1898 года.

На протяжении первого этапа культурной трансформации Китая западные нормы и институты воспринимались как совершенно чужеродные и скорее пугали китайцев, особенно нормы и институты либеральной демократии. В XIX веке в Китае невозможно было допустить даже мысли о моральном, интеллектуальном и политическом равенстве между правителем и подданными. Мир, в котором правитель становился равным своему подданному, был пугающим и непостижимым. О таких институтах и ценностях, как свобода слова и свобода собраний, просто не было представления. В Китае само пространство для свободы слова и собраний если и существовало, то только с разрешения властей. Возможности для самовыражения могли существовать, если правитель считал их благотворными, но осуществление этих свобод могло в любой момент быть прекращено.

Китайцы, даже проиграв Западу ряд войн, не приняли на веру либеральные ценности. В 1840–1842 годах Китай проиграл войну Англии, в 1856–1860-х — Англии и Франции, в 1884-м — Франции. Китайское общество вынесло из этих поражений осознание того, насколько устарело вооружение в стране. Стали предприниматься первые попытки узнать больше о боевой технике Запада. Но в целом в Китае и тогда еще царила убежденность в политическом и экономическом превосходстве над Западом. Последней каплей стало унижение со стороны Японии, которая еще до 1894 года считалась «младшим партнером» Китая. Только в тот момент пришло осознание серьезности политических и экономических проблем. Четыре года спустя, в 1898 году, молодой император Гуансюй объявил о начале реформ, направленных на преобразование государства в конституционную монархию. Несмотря на то что реформаторские начинания были пресечены вдовствующей императрицей Цы Си, сам этот момент можно считать точкой невозврата и началом неровного и долгого пути адаптации традиционной китайской культуры к ценностям либеральной демократии. Движение это продолжалось несмотря на периодические остановки и неудачные попытки возродить принцип «мандата небес» как секулярную основу легитимности правления.

На рубеже XIX и XX веков и в 1910-е годы было предпринято несколько попыток установления демократической республики и реставра-

ции абсолютной монархии. Демократические институты приживались в Китае с большим трудом. Общество пришло к осознанию, что трудности связаны с теми элементами традиционной китайской культуры, которые несовместимы с либеральными ценностями. Критика традиционной китайской культуры переросла в 1919 году в движение за новую культуру. Конфуцианские ценности к этому моменту оказались в осадном положении.

Движение за новую культуру стало знаковым для процесса ассимиляции китайской культурой элементов либеральной западной культуры. Одним из многих изменений* стало принятие принципа равенства (в прошлом остаются иерархия и слепое повиновение), принципа суверенности народа страны (исчезает миф о божественном происхождении императора) и принципа разделения властей (уходит в прошлое готовность смиряться с тотальной властью императора). Эти изменения важны для процесса освоения либеральной демократии. С этого момента власть в Китае несколько раз приобретала имперский характер, но держалась на страхе, а не на добровольном принятии власти людьми. Неограниченную власть больше уже нельзя было оправдать вековыми духовными традициями. Ее приходилось оправдывать только краткосрочными материальными целями.

Например, диктатура Чан Кайши (Цзян Цзешу) и позднее Цзян Цзинго (конец 1940-х годов — 1988 год, сначала на материковом Китае, а затем на Тайване) оправдывалась необходимостью сопротивления коммунистическим силам (согласно «Временным правилам на период национальной мобилизации для подавления мятежа», добавленным к Конституции Китайской Республики в 1948 году). Другим примером может служить практически абсолютная власть Мао Цзэдуна. Эта власть была оправдана необходимостью продолжения революции методами диктатуры пролетариата. Как только такая необходимость перестала осознаваться, не стало и поддержки абсолютной власти Мао. Представительные учреждения и разделение властей сегодня все еще слабы, но сами ценности равенства, народного суверенитета и разделения властей были усвоены китайской культурой уже в первой половине XX века. Тенденция к развитию представительных учреждений и дальнейшему разделению властей неизбежно продолжится, хотя отдельные отступления вполне возможны в процессе развития.

Ценность прав человека (помимо права на участие в политическом процессе, являющегося следствием принципа народного суверените-

* В период Нового культурного движения многие в Китае подвергали критике традиционную китайскую культуру. Известные ученые, такие как Хуантонг Кайи и Шурен Чжоу, призывали отойти от китайской классической грамоты и ввести алфавит, подобно Турции, сменившей арабский алфавит на латинский. Возникшие в 1950–1970-е годы тенденции к упрощению китайского письма (последние изменения продержались всего несколько лет) во многом продолжают тенденции самого культурного движения. Эти яростные атаки на традиционную китайскую культуру во времена культурной революции в 1960–1970-е годы вполне могут рассматриваться как продолжение радикализма Нового культурного движения, хотя к трагедии культурной революции движение не имело никакого отношения.

та), очень существенная с точки зрения принципов либеральной демократии, не укоренилась в Китае раньше 1990 года. Этот год дал начало дискуссии о смысле прав человека и все большему принятию ценности человеческой жизни. Как минимум три фактора способствовали распространению этой идеи. Первый из них — вступление Китая в диалог с остальным миром не только на правительственном уровне, но и на уровне ученых, журналистов, гражданского общества. Государственная политика «одна семья — один ребенок» заставила людей взглянуть на человеческую жизнь принципиально иначе, чем раньше*. Еще одним фактором стало улучшение качества жизни, что позволило многим переступить порог бедности и

Тенденция к развитию представительных учреждений и дальнейшему разделению властей в Китае неизбежно продолжится, хотя отдельные отступления вполне возможны в процессе развития

задуматься о чем-то большем, чем выживание. В 2004 году Конституция Китая была дополнена положением о защите прав человека.

Понятие индивидуализма вошло в обиход во времена Нового культурного движения, но долго не приживалось. Индивидуализм воспринимали как эгоизм и потому критиковали. Это смешение понятий распространено в Китае и сегодня, но оно все реже встречается в молодежной среде. Исследования показывают, что принятие таких постмодерных ценностей, как индивидуализм, среди людей, рожденных после 1970 года, очень напоминает тот же процесс, проходивший в Японии, Южной Корее и на Тайване, но среди людей, рожденных после 1950 года**.

Теперь, когда иерархизм, миф о божественном происхождении власти и неумение ценить человеческую жизнь не доминируют в китайском менталитете, остается совсем немного элементов традиционной китайской культуры, все еще сопротивляющихся восприятию либеральных демократических ценностей.

Итак, в китайской культуре есть элементы совместимые и несовместимые с либеральными ценностями. В силу того, что в XX веке большая часть несовместимых элементов ушла, китайская культура теперь способна ассимилировать либерально-демократические ценности.

* Особенно это относится к городскому населению. Среди сельского населения существовало очевидное предпочтение новорожденных мальчиков девочкам, вплоть до убийства последних. Этот факт ярко иллюстрирует пренебрежение к ценности человеческой жизни. Подход к самой жизни остается прагматическим: ухаживать за пожилыми, восхвалять нацию в целом и т.д.

** Женчжу Ванг. Постмодернистские ценности в семи конфуцианских обществах: политические последствия изменяющихся мировых взглядов. Опубликовано в «Японском журнале политических исследований», 8 (3) 341–359 (Декабрь 2007); перепечатано Wei Pan, & Si Lian, (Eds.), Тридцатый год с начала изменений социальных ценностей в Китае, Пекин, China Social Science Press, 2008.

До этого момента мы прибегали к термину «традиционная китайская культура». Фрэнсис Фукуяма обычно описывает все восточноазиатские культуры как «конфуцианские». Следуя его методу и принимая во внимание то обстоятельство, что китайская и иные восточноазиатские культуры несводимы исключительно к конфуцианской, постараемся рассмотреть синтез китайской культуры и либеральной демократии на примере других восточноазиатских стран и регионов.

И Тайвань, и Гонконг, безусловно, относятся к регионам китайской культурной традиции. Тайвань стал либеральной демократией в 1990 году. Принцип верховенства права и потребность в свободах глубоко укоренились в общественном сознании жителей Гонконга. Насколько демократическим будет управление в регионе, покажут прямые выборы, которые центральное правительство Китая обещало провести в Гонконге: выборы исполнительной власти в 2017 году и законодательной — в 2020-м. И так, здесь мы все еще наблюдаем некоторую неопределенность. Сингапур также может считаться частью китайского культурного мира. Но политический режим в Сингапуре не является ни демократическим, ни авторитарным, находясь где-то посередине, и скорее склонится к демократизации, как только властные традиции отцов-основателей системы перестанут доминировать в сингапурском обществе. Япония и Южная Корея, если смотреть на вопрос широко, тоже принадлежат китайской культуре (можно назвать ее восточноазиатской культурой). Япония стала либеральной демократией после Второй мировой войны, Южная Корея — в 1990-е годы. В обоих случаях либеральная демократия как набор ценностей и институтов была привнесена извне. Изначально местная культура отторгала нововведения, но со временем синтез восточноазиатской культуры и либерально-демократических ценностей все-таки произошел, несмотря на некоторые отступления.

Очевидно, что во всех приведенных нами примерах формы демократии различны. Демократия на Тайване отличается от демократии в Южной Корее или Японии. В Китае подобный синтез даст начало своим уникальным институтам, учитывающим географические, этнические, религиозные, социальные и экономические особенности культуры. Но синтез традиционных и либеральных ценностей в Китае произойдет, и принципиально он будет напоминать то, что уже произошло в странах-соседях.

*Перевод с английского
Инны Березкиной*

Высшая школа: реформировать, не теряя времени

Российское высшее образование и российская наука сталкиваются сегодня с огромными проблемами, и очень важно понимать, что это за проблемы. Мы должны осознать, что образование и наука должны измениться, потому что и то и другое сегодня является далеко не лучшим в мире, а по качеству науки Россия, наверное, уже не входит в ведущую десятку стран (по количеству публикаций, показателям цитирования и т.д.). И учитывая при этом, что российские ученые, работающие за рубежом, представляют с точки зрения мировой науки гораздо более важную силу, чем работающие в России. Это первая реальность, на которую я хотел бы обратить внимание.

Вторая реальность заключается в том, что российское образование и наука крайне недофинансированы. Однако дело не только в деньгах. Если сегодня увеличить финансирование даже до советского уровня, то окажется, что и российское высшее образование, и российская наука не могут быть конкурентоспособными. Нужны более важные, более серьезные структурные изменения.

Что это за изменения? С какими проблемами сегодня сталкивается, скажем, высшее образование? Во-первых, мы видим огромный рост количества и студентов и вузов. Количество студентов выросло более чем вдвое за последние 20 лет. Сегодня в вузы поступает больше людей, чем заканчивает среднюю школу. Эта ситуация парадоксальна, но это факт. Связано это с тем, что люди, не получившие высшего образования в прошлые годы, поступают в вузы, другие получают еще одно высшее образование, некоторые получают больше чем два высших образования (например, у российского политика С. Миронова 6 образований). Важный фактор — это, конечно, призыв в армию. Сегодня мало кто хочет служить в армии (женщин, кстати, тоже собираются призывать, потому что мужчин не хватает), и поэтому на рынок выходят некаче-



*Гуриев Сергей,
ректор Российской
экономической школы,
доктор экономических наук*

ственные вузы, которые предлагают свои услуги по защите от армии.

Во-вторых, отсутствуют критерии качества образования, достоверная информация для сравнения различных вузов или факультетов в каком-либо вузе. Только сейчас, с внедрением ЕГЭ, возникают хоть какие-то измерения качества образования. Казалось бы, мы знаем, что не везде ЕГЭ проводится честно, но мы знаем также, какие вузы выбирают выпускники школ, у которых есть выбор. Честно или нечестно человек получил высокий балл по ЕГЭ, но если это случилось, то у него есть возможность выбрать несколько вузов. И то, какие вузы и факультеты он выбирает, свидетельствует хотя бы о том, как родители и студенты оценивают эти вузы. Многие результаты исследований, которые проводятся в последнее время, показывают, что реальная ситуация с качеством образования кардинально отличается от стереотипов, которые остались с советских времен.

Следующая проблема высшего образования — это повсеместная коррупция. Судя по опросам, 40% студентов регулярно сталкиваются с фактами проявления коррупции в своих вузах, еще 30% — время от времени. Это свидетельствует о том, что российское высшее образование оказывает на самом деле ужасную услугу обществу. Молодые люди, которые поступают в российские вузы, находятся в самой чувствительной стадии своего развития. Личность формируется в период от 18 до 25 лет, и в это время люди понимают, что все можно купить, что совесть и мораль ничего не значат. А это не только ведет к тому, что высшее образование слишком часто не стоит того, что написано в дипломе, но еще и подрывает нравственные основы общества в России.

Другая проблема — устаревшая организация высшего образования. Трудно

создавать новые учебные программы, трудно приглашать преподавателей из-за рубежа, трудно внедрять новые критерии для преподавателей и студентов, просто потому что во многом организация вузов построена на советских принципах. Сейчас кое-что меняется, тем не менее ситуация очень тяжелая.

В вузах не хватает ключевых категорий кадров: преподавателей, ректоров, членов попечительских советов. Что касается преподавателей, произошла огромная утечка мозгов, в первую очередь в бизнес и за границу. Если из-за границы люди еще могут вернуться, то из бизнеса не могут, потому что они долгое время не работали преподавателями и их квалификация потеряна. В этом смысле, что бы мы ни делали, нас ждут тяжелые годы. Старое поколение преподавателей уйдет, а кто будет преподавать, не совсем понятно. Несмотря на то что многие молодые россияне уехали за границу и получили там ученые степени, их все равно не хватит. В отличие от Китая, Индии, Сингапура, Казахстана, Европы, количество россиян, которые уехали за границу и получили там ученые степени, исчисляется сотнями, а не тысячами или десятками тысяч, как среди выходцев из стран Азии. Сейчас это тоже меняется: президент Медведев дал поручение разработать программу «Глобальное образование для россиян», когда государство создаст механизмы, при которых им будет легче учиться за границей.

Не хватает ректоров. Мы провели исследование биографий ректоров ведущих российских государственных университетов. Большинство из них никогда не работали за пределами своего вуза. Они не знают, как устроен мир вокруг них: ни как устроен бизнес, ни как устроено государство, ни как устроены другие вузы, в том числе зарубежные. Обычная карьера российского ректора — студент,

затем в своем же вузе аспирант, преподаватель, декан, проректор, ректор. Среди ректоров 75 классических российских вузов только один имеет опыт работы за рубежом (Тверской государственный университет). Это очень опасная тенденция. В странах, которые преодолевают отставание от Америки в этой сфере, ректоров нанимают на международном рынке. В китайском, тайваньском, корейском вузах абсолютно нормально иметь иностранного ректора или декана.

Не хватает членов попечительских советов. Российские вузы должны создать новую, современную структуру управления, где ректор не является царем и богом. Ректора должны назначать не его подчиненные, которым он платит зарплату, а попечительский совет, состоящий опять-таки не из чиновников, а из общественных деятелей, которые понимают, как устроен университет, как работает бизнес, как живет мир вокруг нас. Так принято в Америке. К сожалению, в России это трудно сделать, хотя Министерство образования и науки создало много инструментов для структурных реформ. Но не хватает людей, так как первое поколение российских бизнесменов только начинает отходить от дел. Кроме того, многие из этих бизнесменов никогда не учились за границей и не знают, как устроены передовые вузы.

Не хватает и инструментов оценки перспективных проектов. Сегодня, как показал конкурс так называемых мегагрантов, где мы их раздали 40, по 5 млн рублей каждый, а могли бы раздать и 80 (отдадим остальные 40 в следующем году), не хватает механизмов независимой экспертизы факультетов, вузов, научных коллективов, заявок.

С этими проблемами можно справиться, как справляются, так или иначе, другие страны. В Южной Корее, например, построено несколько первоклассных университетов, в Китае теперь есть университеты, которые лучше, чем МГУ. Ни у кого в мире нет сегодня

В принципе в высших эшелонах власти и в экспертном сообществе есть понимание того, что нужно делать в сферах высшего образования и науки, чтобы остановить их деградацию

сомнения, что университет Синьхуа и Пекинский университет лучше, чем МГУ, исходя из принятых в мировой практике критериев оценки качества высшего образования и научно-исследовательской отдачи. И это притом что эти вузы были полностью разгромлены во время культурной революции. Есть несколько индийских вузов, которые лучше, чем ведущие европейские вузы. Все это можно сделать и более-менее понятно, как это делать.

Что нужно сделать, чтобы решить обозначенные проблемы? Нужно создать, и это относится не только к образованию, но и к науке, несколько ключевых условий. Во-первых, систему оценки качества образования и эффективности науки. Какие-то шаги в этом отношении предпринимаются. ЕГЭ при всех его недостатках можно усовершенствовать, и это будет важно для оценки как школ, так и вузов, потому что, зная, как выпускники сдают ЕГЭ, можно представить, хорошая это школа или нет. Зная, какие выпускники поступают в вуз и сколько их, можно понять, считает ли рынок этот вуз успешным или нет. Подобный экзамен нужно ввести при переходе от бакалавриата к магистратуре.



Сальвадор Дали. *Покорение воздуха*. 1937

Нужны специальные механизмы оценки вузов и факультетов. Однако может ли ректор, который является математиком, оценить качество биологического факультета? В Штатах для этого назначается специальная комиссия биологов из других вузов, которые оценивают качество биологического факультета. Абсолютно неслыханная вещь для России. Тем не менее поддерживающий российскую науку фонд «Династия» в этом году запустит такую программу. Факультет, вуз, НИИ, которые хотят получить международную оценку, смогут это сделать на деньги фонда, чтобы организовать экспертизу из-за рубежа. Например, в Российскую экономическую школу мы пригласили уже такую группу экспертов. Это стоит не таких уж больших денег: ученым нужно заплатить небольшой гонорар, оплатить проживание и дорогу.

Следующий фактор реформирования — изменение структуры управления в высшем образовании. Необходимо, чтобы ректор, как я уже сказал, был подотчетен попечительскому совету, потому что не могут оценивать его работу те, кому он платит зарплату. Это значит, что его никто не контролирует, и эту ситуацию надо менять.

Еще один фактор — изменение структуры финансирования высшего образования и науки. Государство должно, может и будет тратить большие деньги на науку и образование, но на более конкурентной основе, с использованием механизмов оценки, о которых я тоже говорил. Пока эти конкурсы несовершенны, но чем дальше, тем больше конкурсных инструментов будет внедряться в механизмы финансирования. Например, недавно был конкурс национальных исследовательских университетов. Мне лично не очень нравится количество отобранных национальных исследовательских

университетов, то есть то, как был проведен конкурс, но тем не менее это уже соревнование. Вузы представили программы развития, где есть показатели, по которым можно оценить, добились они успехов или нет. Я уверен, что подавляющее большинство университетов не реализует свои программы, но, по крайней мере, мы сможем получить картину того, что происходит в российском высшем образовании.

Следующая мера, которую нужно реализовать, — учеба россиян за границей, а также привлечение для работы в российских вузах и НИИ иностранцев. Во многих странах для этого были созданы специальные программы, ибо невозможно сделать так, чтобы сегодняшней преподаватель вуза получал столько же денег, сколько вчера, а молодой преподаватель из-за рубежа, который еще и не реализовался как ученый, получал столько денег, сколько получает в Америке. В бюджетном университете это невозможно сделать, нужна специальная программа, финансируемая на федеральном уровне. Есть надежда, что и тут ситуация будет меняться к лучшему.

Еще один элемент реформирования — студенческие займы. Сегодня можно получить государственный образовательный кредит под 5% годовых в рублях. Это меняет всю структуру финансирования образования и служит повышению его качества. Почему? Потому что образовательное кредитование — это лучший способ финансирования хорошего образования. Хорошее образование — это дорогое образование, оно не может быть бесплатным. Сегодняшние хорошие профессора могут работать в Америке и зарабатывать огромные деньги. Новоиспеченный профессор финансов в Америке — человек, который только что защитил степень PhD, то есть закончил маги-

стратуру в хорошем вузе, и получает 200 тыс. долларов в год. Самые «дешевые» профессора — истории и лингвистики — получают 70 тыс. долларов в год. Это очень конкурентный рынок с очень высокими зарплатами. Сколько бы мы ни говорили о том, что у нас есть патриоты — люди, которые хотят работать в России, мы должны как-то учитывать тот факт, что мировой рынок конкурентен и профессора там стоят дорого. Но за участие в этом рынке надо платить еще на этапе образования. Часть денег должен платить сам студент, потому что он получит выигрыш от хорошего образования. Если сегодня у него нет денег, он получит кредит и рассчитается потом. Соответственно, нужны образовательные кредиты, и очень правильно, что государство снижает процентную ставку по ним на фоне очень высоких ставок по кредитам на иные цели.

Почему механизм студенческих кредитов важен для вузов тоже? Потому что и ректор, и студент заинтересованы в качественном образовании. Ректор — потому что он получает деньги за это, и чем выше качество образования, тем выше рейтинг вуза, а значит, и больше студентов, стремящихся в него попасть. Студенту хорошее образование необходимо, чтобы потом легче было получить высокооплачиваемую работу, вернуть кредит и развивать успех, освободившись от долга.

Ничего страшного нет в том, что теоретические физики работают не по специальности, а, например, в инвестиционном банке. Но мне кажется все-таки аморальным, что мы, налогоплательщики, оплачиваем их образование, чтобы потом они работали инвестбанкирами и зарабатывали огромные деньги. Пусть они сами платят за учебу хотя бы часть этих денег при помощи образовательного кредитования.

Еще один ресурс. В России государственное образование и наука доминируют и будут доминировать в ближайшее время. Это значит, что государство должно включить механизм, при котором хотя бы несколько государственных вузов выйдут на мировой уровень, как в Китае, Индии, Корее или Сингапуре. Сегодня государство выбрало 40 вузов (несколько федеральных и почти 30 национальных исследовательских, еще 2 уникальных). К сожалению, мне кажется, у нас нет людей и ресурсов, чтобы создавать столько хороших вузов. Еще не так давно я говорил о 20 таких вузах, сегодня, думаю, речь может идти о 10 — просто потому что это тяжелая работа и мир не стоит на месте.

В принципе в высших эшелонах власти и в экспертном сообществе есть понимание того, что нужно делать в сферах высшего образования и науки, чтобы остановить их деградацию. Более того, такое понимание есть в самой широкой коалиции чиновников. В России много нечестных, некомпетентных чиновников, но даже они вынуждены включаться в эту коалицию, потому что уже невозможно продолжать рассказывать обществу, что наши вузы, наша наука самые лучшие: слишком убедительны факты, говорящие об обратном. В конце концов, недавние российские нобелевские лауреаты Новоселов и Гейм считают, что им лучше заниматься наукой в Манчестере. Пока это так, но мы должны сделать все, чтобы обратить вспять процесс утечки мозгов, начать привлекать в страну уехавших российских ученых и иностранных ученых. Не надо думать, что это будет просто. Слишком много времени потеряно, и в ближайшее время качество российского образования и науки будет снижаться. Но если мы сегодня же займемся решением проблем, которые я обозначил, то шансы улучшить ситуацию у нас есть.

Кремниевая долина: понимаем ли мы, что это такое?



*Евгения Шамис,
генеральный директор
Бюро тренинга
и консалтинга
«Personal Touch»,
выпускница Школы
2007 года**

Как только речь заходит об инновациях и кластерах, все сразу же вспоминают американскую Кремниевую долину — желая, вероятно, воссоздать ее у себя в стране. Иногда, довольно, впрочем, редко, это удается сделать, как в индийском городе Бангалор, но чаще получается что-то свое, уникальное, а порой и вовсе ничего не выходит. Стремление воспроизвести успешный опыт мировых инновационных кластеров вполне понятно: разумеется, нам хотелось бы иметь собственную Кремниевую долину, например, в Сколково, Петербурге или Томске. Только возможно ли это в принципе? А если возможно, то что именно надо делать и какие правила соблюдать?

Посетив в 2010 году девять кластеров, расположенных в разных штатах США, встретившись с лидерами, влияющими на их развитие или управление, а также учитывая опыт проектов по созданию кластеров в российских регионах, я готова изложить свое мнение. Мне кажется, создание сильных с точки зрения мировых критериев кластеров в разных частях России выглядит реально. Но, создавая их или управляя ими, очень важно учитывать максимально широкий круг местных факторов, искать свои решения, а не копировать уже существующие. Кроме того, в подобных делах необходимо настраиваться на «долгую игру», то есть лет на десять, а может быть, даже и больше.

Теперь разберемся, на какие факторы при создании кластеров стоит обратить особое внимание.

Формирование культуры кластеров

На встрече с одним из руководителей Стэнфордского университета в Калифорнии я спросила его:

** Автор была участницей программы Eisenhower Fellowships, в рамках которой провела около ста встреч с руководителями и специалистами в пятнадцати штатах США.*

«Что мы, россияне, не понимаем в кластерах?». Он ответил: «Все ваши делегации, приезжающие сюда, интересуются технологиями создания кластера или развития университета. Между тем работать надо в первую очередь не над переносом методов, а над формированием культуры предпринимательства и готовности рисковать».

Культура предпринимательства подразумевает готовность людей развивать собственный бизнес, а также одобрение обществом карьеры предпринимателя. Культура принятия риска — это готовность пробовать что-то новое, допустимость ошибки и принятие такой допустимости обществом. Разумеется, в формировании культуры принятия риска есть и некоторые опасности: неограниченный риск, например, в медицинских исследованиях может привести к безответственности. Так что речь не только о культуре принятия рискованных решений, но и об определенных этических принципах. Мы же зачастую не понимаем, что формировать культуру важно не только внутри университетов и компаний, но и среди жителей региона, где тот или иной кластер находится.

На формирование кластерных культур в разных штатах и регионах США ушло от десяти до пятидесяти лет. Сам Стэнфорд внедрял эту культуру с момента основания, то есть с 1891 года. Одна из причин такого подхода является исторической: основатель этого университета Лиланд Стэнфорд (он основал университет вместе со своей женой Джейн) был бизнесменом, губернатором штата Калифорния и хотел, чтобы культура предпринимательства внедрялась в стенах его детища. Здесь создавались предпринимательские компании и появлялись собственные герои-предприниматели, которые становились лидерами и за пределами территории университета. Несмотря на несомненный успех, Стэнфорд продолжает вкладывать немалые средства в укрепление культуры предпринимательства.

Сталкиваясь с проблемой финансирования инновационных исследовательских проектов, Стэнфордский университет начал самостоятельно формировать фонд для исследований: по объему он сейчас превышает фонды всех остальных университетов США, вместе взятых, включая Гарвард и Массачусетский технологический институт. Это тоже можно считать вопросом формирования культуры — культуры управления инновационными проектами и деньгами на начальных стадиях.

Мировой опыт создания кластеров

О Кремниевой долине сегодня говорят и пишут довольно много. Но много ли мы о ней знаем? Попробуйте ответить на простой вопрос: какой, собственно, город можно считать столицей Кремниевой долины? Многие автоматически упоминают Сан-Франциско, хотя на самом деле это Сан-Хосе. Город, в котором живут более миллиона жителей, расположен ближе к Пало-Альто, где находится большая часть IT-компаний долины. В Сан-Хосе свой крупный международный аэро-

порт. Тут же находятся институты, которые помогают продвижению разработок и образа Кремниевой долины в мире. А с соседним Сан-Франциско, где есть свои кластеры, не составляющие, кстати, конкуренции Кремниевой долине, Сан-Хосе активно сотрудничает.

Для выбора работающей модели кластера в России, как и в любой стране мира, желательно не ограничивать число рассматриваемых вариантов одной только Кремниевой долиной. Каждый из них надо изучать, об их позитив-

ном и негативном опыте важно рассказывать в обществе, чтобы перед людьми возникал выбор: как следует действовать? что можно выстроить? к какому опыту обратиться? Наконец, обязательно нужно переводить

кластерную проблематику в персональную плоскость: что лично я получу от появления кластера как житель данной местности или как сотрудник данной компаний? В общем, начинать надо с изучения того, что уже есть.

В Соединенных Штатах, например, это Био-пояс (Bio-belt) Сент-Луиса в центре страны в штате Миссури, Треугольник исследований (Research Triangle) в Северной Каролине, Сиэтл и Портленд на северо-западе, Нью-Йорк, Путь 128 (Route 128) в Бостоне. Успешны кластеры также в Сингапуре, Швеции, Дании, Бразилии, Индии, Израиле, Таиланде. Каждый из них прошел уникальный путь, который невозможно скопировать.

Кстати, кластеры часто объединяют территорию нескольких городов или большой ареал, сосредоточенный вокруг одного города: таковы, например, часть агломерации Большого Чикаго (Greater Chicago) или Большой Сент-Луис (Greater St. Louise). Нет такого принципа, который заставлял бы кластер «ютиться» в одном населенном пункте. Современному кластеру для развития обычно нужно пространство, превосходящее то, которое занимают отдельные бизнес-инкубаторы, бизнес-парки, университеты. Для него требуется довольно обширная территория, разнообразная и удобная инфраструктура, разветвленные коммуникации и множество офисов по доступной цене, лучше неподалеку от мест проживания персонала.

Число кластеров на одной территории

Даже один сильный кластер — это хорошо, хотя в большей части успешных территорий в США работают от трех до восьми кластеров. Например, в Треугольнике исследований их восемь. Среди них — кластеры компьютерных технологий, биотехнологий, фармацевтики и медицины.

*Культура предпринимательства
подразумевает готовность людей
развивать собственный бизнес, а также
одобрение обществом карьеры
предпринимателя*



Ман Рей. Удивительные вещи. 1965

Специализация кластеров должна быть понятной для людей из разных стран. Чтобы разобраться, где лучше создавать компанию, нужны четкие индикаторы. Например, желательно, чтобы кластер имел короткое, конкретное и понятное название. Так, в уже упомянутом Треугольнике исследований есть медицинский текстильный кластер, который специализируется на создании текстиля для медицинских целей (хирургические нити, перевязочные и операционные материалы). Или другой пример: исторически сложившийся кластер энергосбережения в Портленде теперь делится на четыре отдельных кластера — экологических технологий, энергосберегающих технологий, альтернативных источников энергии и электромобилей.

Мобильность и коммуникация в кластерах

Мобильность XXI века выражается в том, что экономическим акторам не приходится тратить много усилий и времени, чтобы глобально перемещаться самим и глобально перемещать свои товары и услуги.

При взаимодействии кластеров внутри одной территории, то есть друг с другом, создаются более благоприятные условия для уже существующих компаний, а также для прихода новых фирм. Традиционный запрос бизнеса — быстрая и удобная система коммуникаций. В результате взаимодействия главного города штата Орегон Портленда и нескольких кластеров на территории штата умножилось число прямых перелетов внутри страны, а также было установлено прямое авиасообщение с другими странами мира из местного аэропорта. Раньше сотрудникам работающих здесь компаний приходилось в основном летать через Сан-Франциско, но после совместной работы по повышению мобильности кластеров и региона в целом появились новые прямые рейсы в страны Европы и Азии.

Еще один принцип развития кластера — создание зон общения для представителей разных кластеров и специальностей. Речь может идти, например, о сети кафе или ресторанов, расположенных между разными университетами. В таких точках люди из разных фирм или кластеров могут встречаться, обсуждая идеи на стыке нескольких направлений и, разумеется, говоря о перспективах сотрудничества в реализации новых идей. Подобные зоны проектируются специально, и отвечают за это специалисты по планированию городской среды.

Человеческий фактор в кластерах

Когда я встречалась с руководителями кластеров и различных администраций, меня, конечно же, интересовал вопрос — кто такой руководитель кластера и где его найти? В университете, в органах власти, в бизнесе?

В ходе многочисленных бесед мне удалось выяснить, что хороший руководитель кластера — это человек, которые поработал в разных сферах, но сейчас занимается бизнесом или международными проектами. Это всегда уникальная фигура. Важное обстоятельство, которое подчеркивали всюду, где работают успешные кластеры, состоит в том, что это человек, приходящий надолго, а не на год или два. Много значит его репутация, причем в первую очередь человеческая репутация, а профессиональная, на которой мы по привычке концентрируем внимание, желательна, но не обязательна. Такой человек «болеет» за свое дело и хочет продвигать его, у него есть собственное видение, как развивать кластер на глобальном уровне. Кстати, все руководители, с кем я встречалась, имели опыт работы за границей и поэтому технологию международного продвижения хайтековских продуктов они освоили гораздо успешнее других.

Развитие кластера и время

Разговоры о создании кластеров за два или три года — бессмысленны и нереалистичны. Становление успешного инновационного организма и достижение хороших результатов требуют как минимум от семи до десяти лет. Необходимо проделать огромную работу по вовлечению в проект большого числа участников, много времени займут поиск в их рядах наиболее активных и думающих, выстраивание новых связей, стимулирование культуры сотрудничества компаний и институтов, работающих на одной территории. Следует уделить внимание также формированию культуры предпринимательства и риска, упоминавшейся ранее. Подобные процессы идут довольно долго; экономическим акторам нужно время, чтобы научиться жить в новых условиях.

Местное сообщество и кластеры

В России под местным сообществом чаще всего понимают низовые структуры гражданского общества, например товарищества собственников жилья. Но в США вопросы взаимодействия с местным сообществом широко обсуждаются именно в связи с развитием кластеров. Причем здесь накоплен не только позитивный, но и негативный опыт, связанный с неумением или нежеланием вовлечь в деятельность кластера местное сообщество.

Так, в Сан-Франциско в конце 1990-х годов развивался кластер, большую часть работников которого составляли приезжие специалисты. Они жили внутри города, но у жителей создавалось ощущение, что эти люди существуют как бы изолированно: компании, университеты, организации кластера не создавали рабочие места для «местных» и не вовлекали их в процесс кластерного развития. Профессиональное сообщество кластера не проявляло активности в городе: оно не объясняло местным жителям, чем оно занимается или к каким результа-

там стремится. Оно не вело с горожанами разговоров о том, как деятельность кластера сказывается на городе и на качестве жизни в нем. Но если кластер не ведет разъяснительную работу, то он остается чужим и непонятым для местного населения. Горожане не отстаивают его интересы, а ошибки при первой же возможности преувеличивают. В итоге так и произошло: жители Сан-Франциско в какой-то момент стали объяснять свои многочисленные проблемы наличием кластера. Он стал восприниматься как угроза, и его стали покидать специалисты и целые компании.

Помня о такой истории, горожане без энтузиазма восприняли появившуюся через несколько лет

*Становление успешного инновационного
организма и достижение хороших
результатов требуют как минимум
от семи до десяти лет*

идею об образовании в Сан-Франциско новых кластеров. Для исправления ситуации потребовались время, энергия, деньги. Такие ошибки больше не повторялись: с жителями города начинают активно работать с самого появления нового кластера, объясняя им, например, что он создает квалифицированные рабочие места и повышает профессиональный уровень местного населения.

Глобальный мир и кластер

Сейчас конкуренция в мире идет не только между странами, но и между кластерами. Какая страна создает больше кластеров в разных регионах, та и выигрывает. Ведь успешный кластер, помимо хороших специалистов — исследователей, управленцев, предпринимателей, — притягивает к себе и инвестиции. Именно внутри кластеров сегодня рождаются новые идеи и формируются тренды. Кластер — это место, откуда можно влиять глобально. Поэтому руководители кластеров, а также специалисты по продвижению регионов очень много времени посвящают поездкам по миру, продвигая свой кластер, а заодно и свой регион. Ведь для такого крупного магнита, как кластер, нужна сеть аналогичных магнитов в разных частях планеты.

Мы продолжаем обсуждение проекта «Гражданская энциклопедия». На этот раз вниманию читателя предлагаются материалы круглого стола, состоявшегося 22 октября 2010 г. в Нижегородском филиале Государственного университета — Высшей школы экономики по инициативе выпускников Школы Максима Сучкова, исполнительного управляющего группы компаний «Белый парус», и Ольги Климиной, директора нижегородской Ассоциации товариществ собственников жилья.

Язык гражданского общества*

Елена Немировская, основатель Московской школы политических исследований:

— Высшая школа экономики — особое учебное заведение. И я хочу прежде всего поблагодарить Максима Сучкова и Олю Климину за организацию нашего круглого стола.

В последнее время много говорят о модернизации. И я всегда спрашиваю школьных экспертов, о какой модернизации идет речь. О производственно-экономической? Но мы уже это проходили, я имею в виду жизненный опыт моего поколения. Вначале говорили о научно-технической революции, потом об ускорении научно-технического прогресса, затем появились понятия «перестройка» и «демократия», а сегодня рассказываем друг другу про модернизацию... Один из наших экспертов, выступая на семинаре, как-то сказал: «Боюсь, что “Сколково” окажется таким же проектом, каким был АвтоВАЗ для 70-х годов». Действительно, если модернизация будет происходить только в сфере производства, я думаю, мало что изменится в нашей жизни. Решили Сколково превратить в «Силиконовую долину». Прекрасно, но эта «долина» не только ведь инновации, это образ жизни. Недавно я разговаривала с англичанами и узнала, что портрет Петра I,

нашего главного реформатора, висит в кабинетах некоторых английских политиков как символ. Но для меня так и осталось непонятным, символ чего? Петр приехал на три месяца в Англию, осмотрел верфи, посетил лавки, фабрики, даже встречался с духовенством и королем. Ждали его и в английском парламенте, однако на заседание он так и не пришел, а лишь наблюдал за ним из специальной комнаты. К парламентской форме организации политической жизни Петр относился скептически.

И наших сегодняшних лидеров, окончивших университеты, судя по всему, тоже не особенно интересует, что такое западная демократия, для чего нужны выборы, как устроена местная власть... И главное, как все это формировалось исторически. Отсюда и наша крылатая фраза «парламент не место для дискуссий», произнесенная в самом же парламенте.

События последнего времени напомнили мне снятие Хрущева... Я не поклонница Лужкова, но то, как с ним расстались, вызывает у меня пережитые когда-то чувства. Поэтому молодым людям мне хочется сказать: если вы серьезно думаете над тем, как выстроить современные отношения между обществом и государством — делаю акцент на обществе, а не на государственных институ-

* См. материалы другого круглого стола на эту же тему, опубликованные в журнале «Общая тетрадь» за 2010 год, № 1, 2, 3–4.

тах, все они формально у нас есть, — надо думать о том, как выстроить баланс отношений между ними. Институты должны быть подотчетны обществу, чтобы не повторялось то, что произошло в советское время.

Жизнь иерархична. Не в смысле бюрократического понимания иерархии, а потому что каждый должен честно заниматься тем, к чему он призван и что ему интересно. А если не интересно, оставьте. Если интересно, начинайте об этом думать серьезно, потому что без понимания того, что такое гражданское чувство и гражданское общество, современная модернизация нашей страны в сфере социальных отношений невозможна.

Бикметова Татьяна, доцент филиала ГУ-Высшая школа экономики, Нижний Новгород, выпускница Школы 2004 г.:

— Сегодня на площадке Нижегородского филиала Государственного университета — Высшей школы экономики сошлись два уникальных проекта. Я всегда говорю студентам: жизнь такая, какой мы ее делаем. По инициативе умных, талантливых людей в начале 90-х появились Высшая школа экономики и Московская школа политических исследований. Это два очень важных события в нашей стране. Я думаю, мы еще не до конца понимаем, в какое время живем, а оно нам подарило счастье видеть и руководителей «Вышки» (они у нас часто бывают), и руководителей Школы. Разрешите мне от нас всех поприветствовать Елену Михайловну, Юрия Петровича и вручить цветы.

Юрий Сенокосов, директор издательских программ Московской школы политических исследований:

— Тема нашего круглого стола «Язык гражданского общества».

Уже почти два года мы работаем над проектом «Гражданская энциклопедия», который, надеюсь, скоро запустим на сайте Школы*. Есть его описание, составлен список терминов и понятий (более трехсот), сформирован редакционный совет, есть модератор. Не хватает главного — авторов и людей, готовых писать статьи и принимать участие в их обсуждении. Энциклопедий и словарей, как известно, издается много. Школой не так давно тоже был издан в переводе с французского «Новый общественно-политический словарь». Оригинальное его название «Словарь публичных политик», но мы решили, поскольку термин «публичная политика» для русского читателя пока не очень понятен, изменить название. Надо сказать, что в отличие от англосаксонских стран, Франция — унитарная страна с сильной центральной властью, и тем не менее лет 40–50 назад там появилась публичная политика. В словаре всего 58 терминов, но нет понятий «свобода», «гражданское общество», «права человека». Почему? Потому что гражданское общество уже существует, накоплен соответствующий эмпирический материал, продолжаются исследования, то есть, другими словами, есть авторитетная интеллектуальная среда, чего не скажешь о России.

В общем, работа над Гражданской энциклопедией, на наш взгляд, представляется очень важной. Но как это реализовать? Конечно, только в результате обсуждения соответствующих терминов и понятий. И когда Оля и Максим предложили нам провести круглый стол о языке гражданского общества, естественно, мы сразу со-

* Сайт был запущен в декабре 2010, см. <http://www.msps.su/>

гласились. Потому что страна большая, регионы разные, и, например, в южных регионах людей наверняка волнуют свои проблемы, и их представления о гражданском обществе будут отличаться от представлений людей, живущих в северных регионах или в Сибири.

В этой же связи остановлюсь еще на двух составляющих нашего проекта. Мы решили на базе российских региональных музеев провести выставки «Мера вещей: образ человека в русском искусстве», организуя круглые столы и встречи с участием общественности для обсуждения темы «Образы свободы и достоинства». Мы уже этим занимаемся, открытие первой выставки планируется в Перми, об этом есть договоренность с губернатором и с Пермской художественной галереей. Мне кажется, это будет важным дополнением к тому, что в целом можно назвать «Энциклопедией гражданской жизни». Ведь одно дело статьи, когда в Интернете сегодня можно найти любую информацию и на ее основе написать компилятивную статью о том или ином понятии. Девиз Школы — «Гражданскому обществу — гражданское просвещение». И для нас важно в конечном счете понять, что такое публичная политика, просвещение, гражданское общество и его идея.

Известно, что в переводе с греческого «идея» — это понятие, представление. И когда накоплен достаточный эмпирический материал, кто-то изобретает обобщающее понятие и создает социальную или иную теорию. Скажем, то, что происходит в нашей жизни, мы видим: какие-то события, конфликты, люди участвуют в гражданских и политических акциях, совершают поступки. Откуда же тогда появляются понятия? Скажем, понятие морали. Когда человек совершает нравственный поступок, это означает, что мораль суще-

ствует. Но передаваемо ли это знание, а точнее, понимание морали другому человеку?

Можно сказать, что это имеет отношение к сознанию. Что человек в таком случае поступает сознательно, по совести. Ведь наш язык не случайно соединил когда-то в слове «совесть» приставку «со» с знанием о некоей весте. А откуда она? Как, кстати, и любое другое знание, когда мы говорим о сознании. Значит, то, что мы слышим или видим, мы воспринимаем физически, благодаря нашим органам чувств, а понимаем все же благодаря смыслам, заключенным в понятиях. В этом есть некая тайна, явно указывающая на то, что в какой-то момент мы рождаемся как бы второй раз, не только от родителей. Поэтому предлагаю на досуге подумать над этим, учитывая, что понятие «гражданское общество» тоже относится к тайне, оно иллюзорно.

И о второй составляющей проекта. Известно, какое внимание в европейских странах уделяется уже в начальных классах школы гражданскому воспитанию. Например, в Англии, прежде чем учить детей читать и писать, им предлагают что-нибудь нарисовать, помогают разрешать конфликты и, одновременно общаясь с ними, рассказывают о том, что такое справедливость, свобода, религиозная веротерпимость и т.д. А во Франции о важности гражданского воспитания записано даже в конституции. И у нас с Леной есть мечта ввести в нашу школу предмет «воспитание гражданина». Поэтому, поскольку российские учителя пока профессионально не готовы этим заниматься, мы предлагаем проводить специальные тренинги с участием европейских экспертов для знакомства с их опытом, включающим в себя в игровой форме воспитание общением, сотрудничеством, сотворчеством. То есть другими словами, с опы-

том воспитания и понимания гражданской грамоты.

И последнее, что мне хочется сказать. Идея гражданского общества, как и правового государства, прав и свобод личности, в условиях глобализации не имеет границ. Она универсальна, поскольку, независимо от того, в какой стране мы живем или в каком городе, я думаю, интуитивно мы все причисляем себя к человеческому роду. Следовательно, выражение «образы свободы и достоинства», которое я употребил выше, имеет смысл. Для меня лично, как для одного из создателей проекта, очевидна вся трудность задачи по его реализации, и тем не менее я уверен, что мы это сможем. Если будем продолжать говорить о языке гражданского общества, то «накатим гребешок волны» и заставим услышать, о чем мы говорим.

Рустам Бикметов, политолог, кандидат философских наук, Нижний Новгород:

— Я согласен с Юрием Петровичем по поводу проблемы публичной политики и языка политики, учитывая, что иностранные понятия, которые мы заимствуем, не всегда отражают то, что происходит у нас, потому что они пришли из другой жизни. Скажем, та же «диктатура закона». Имеет ли она отношение к правовому государству, если мы вспомним, как переводится на русский язык английский термин «rule of law» — «правовое государство», «власть закона». Или о том, что политика у нас используется часто не для того, чтобы приблизить власть к народу, а чтобы скрыть истинные мотивы происходящего, как механизм манипулирования общественным мнением.

Здесь уже упоминалось о снятии Лужкова. Все началось, как известно, с «полной открытости» — массы публикаций и теле- и радиоматериалов о нем в эфире, хотя до этого о том же самом уже писали и говорили, например Немцов. Но на это не обращали внима-

Ю. Сенокосов: Мы предлагаем проводить специальные тренинги для школьных педагогов с участием европейских экспертов для знакомства с их опытом, включающим в себя в игровой форме воспитание общением, сотрудничеством, сотворчеством

ния. И вдруг фигура Лужкова приобрела поистине символическое, причем негативное, значение. Или сошлюсь еще на один пример. На недавние выборы наших депутатов городской думы, когда тоже все началось с газетных публикаций, в том числе и в федеральной прессе, о ситуации в Нижнем Новгороде. И в этом случае эти публикации из инструмента открытой политики превратились, по сути, в инструмент манипулирования. Поэтому, я считаю, надо обсуждать проблему языка гражданского общества. Это очень важно, как и работа над Гражданской энциклопедией. Важно не просто копировать слова, а правильно их интерпретировать или использовать русские понятия, адекватные нашей жизни.

Юрий Сенокосов:

— Добавлю несколько слов к тому, что сказал Рустам о правовом государстве. На наших школьных семинарах более десяти лет выступал выдающийся американский юрист Гарольд Берман, он умер, но, когда ему было под 90 лет, он продолжал приезжать в Школу. И, помню, как-то на одном из семинаров была дискус-

сия о том, как переводить термин «rule of law». Берман, который хорошо знал русский язык, сказал тогда, что лучше переводить его как «верховенство права». Почему? Потому что, согласно выражению нашего отечественного теоретика права Сергея Сергеевича Алексеева, «власти не потребно право — ей достаточно закона». А нам как гражданам даны права, и мы можем защищать их, как об этом сказано в 45-й статье Конституции, «всеми способами, не запрещенными законами».

Разумеется, гражданское общество — это некое идеальное представление об обществе, в котором мы хотели бы жить. Но ведь это представление в виде понятия существует в нашем языке, в нашем сознании. Откуда оно? Очевидно, человек когда-то изобрел это понятие, чтобы стать гражданином, свободной личностью.

Александр Согомонов, академический директор Центра социологического и политологического образования РАН:

— В английском языке слово «law» имеет смысл закона и права одновременно. В русском же языке, в русской культуре, как и в языках других европейских народов, эти понятия развели. Потому что закон — это инструмент. То есть некая регламентация жизни, которая носит нормативный характер, обязанность поступать таким-то образом. А право — совокупность представлений о том, каким образом должно быть организовано общество в его взаимоотношениях с государством. Как же они соотносятся друг с другом?

Право всегда выше закона, что предполагает, во-первых, абсолютное равенство всех перед законом. Во-вторых, встает вопрос: с какой точки зрения написан закон? Если он написан для удобства гражданина, это правовой закон. А если для чиновника, то это закон, но не пра-

вовой. Значит, могут существовать и неправовые законы? Могут. И чем больше государство отходит от образца правового государства, тем больше плодит неправовых законов. Например, наш закон о назначении губернаторов. Закон? Закон. Но он противоречит федеративному устройству государства, потому что суверенным в данном случае является народ того субъекта, который должен выбирать собственную власть. С какой точки зрения он нарушен? С точки зрения *духа права*. Как обычно принимаются вердикты нашего Конституционного суда: на основании раздела первого, главы такой-то, статьи такой-то их либо одобряют, либо не одобряют. Дух же Конституции РФ предполагает разделяемые всеми нами правовые рамки, в которые укладывается вся законодательная, нормативная система государства. Не укладывается или что-то противоречит, значит, противоречит духу права.

Итак, первое — равенство всех перед законом. Второе — удобство закона, то есть что является более значимым: право человека или право чиновника? И третье — наличие законов правовых и неправовых и, соответственно, вытекающее из этого понимание духа права. На мой взгляд, именно это дает представление о том, что же такое правовой закон. Смысл диктатуры закона не в том, что он авторитарен, а в том, что в инструментальной, записанной для чиновника форме он более значим, чем представление о той философской, смысловой планке, которая относится к неотъемлемым правам человека. Поэтому сомневаться в правовой основе наших законов нам не дано.

Юрий Сенокосов:

— Александр Юрьевич, тогда получается, что законодатели нам навязывают свое представление о законе, а мы не имеем права им возражать...

Александр Согомонов:

— Я думаю, они не столько нам навязывают, сколько не имеют другого представления о законах. Они искренне не верят, что закон, исходящий от государства, это и есть правовая «манна небесная».

Елена Немировская:

— Когда англичане или американцы говорят «the rule of law», то они имеют в виду «the rule by law», право через закон. Это разные вещи. Управлять с помощью закона — это менеджмент. Но тогда действительно не только исчезает, как сказал Александр Юрьевич, та духовная составляющая, которая и есть человек с его свободой, но и смысл конституции как основного закона государства.

Андрей Амененко, заместитель главы администрации Чкаловского района:

— У меня вопрос к Юрию Петровичу. На мой взгляд, правовым государством Российскую Федерацию назвать трудно. Я не буду говорить о том, как диктатура закона проявляется на уровне муниципального образования, очень верно заметил Рустам Маратович, это затронуло даже СМИ, не говоря уже об истории с Лужковым. 18 лет ничего не знали, ничего не видели, и вдруг по чьей-то команде понеслось: «Он такой-сякой, давайте его уберем!». Это далеко не правовое положение вещей. С вашей точки зрения, возможно ли построение гражданского общества в таком государстве? Просвещение гражданское возможно. А гражданское строительство, если нас и дальше будут унижать? По-моему, это невозможно.

Юрий Сенокосов:

— В самом начале, если помните, я сказал, что будущее гражданского общества во многом зависит от интеллекту-

альной среды. То есть от появления в стране достаточного количества людей, которых оно будет интересовать. Говорят, «один в поле не воин» или «плетью обуха не перешибешь». Масса русских пословиц одновременно и оправдывают то, как мы живем, и помогают выйти из этого состояния. Власть обновляется, и не исключено, что кто-то из сидящих в этом зале сделает со временем политическую карьеру. Так что, если мы будем обсуждать наши проблемы и станем носителями духа права, это почувствуется.

Обычно на региональных площадках нашей Школы мы говорим с участием экспертов о профессионализме, не важно, в какой области — политики, экономики, права, журналистики. Потому что верим, что в какой-то момент недоверие между людьми и наш критический нравственный пафос и чувства обязательно трансформируются в нормы права. А это уже совсем другой язык, который надо учиться понимать и в соответствии с этим пониманием жить.

Татьяна Бикметова:

— Меня лично Школа научила понимать сущность основного закона, и случилось это, как ни странно, не в нашей стране, а в Швеции. Когда мы встречались с главным полицейским этой страны и он, объясняя функции своего ведомства, сказал: полиция у нас существует, чтобы соблюдать и охранять права граждан. Мы были поражены, потому что с детства привыкли к тому, что милиция у нас — карающий меч правосудия. И уже много лет после этой встречи я своим студентам-юристам повторяю слова шведа. Говорю, почувствуйте разницу и подумайте о своем призвании. И они задумываются и начинают это обсуждать не только между собой, но и на площадке дискуссионного клуба. Мне

кажется, только так, через малые дела мы сможем донести и до общества наше мнение. А если будем молчать и по-прежнему на кухнях обсуждать волнующие нас вопросы, то, конечно, ничего не получится. У меня дочь-подросток, и я вижу, как сложно из детей, которые буквально живут сегодня в Интернете, воспитать Гражданина с большой буквы. На мой взгляд, проект «Гражданская энциклопедия», как и идея воспитания гражданина со школьной скамьи, актуальны сегодня, как никогда.

Елена Немировская:

— Я согласна с Татьяной. Правоохранительные органы в цивилизованных странах помогают человеку соблюдать закон. А если он нарушается, есть суд. А наши правоохранительные органы вначале позволяют совершить правонарушение, а потом делают на нем бизнес. И, Андрей, ответ на ваш вопрос. Недавно я беседовала с Евгением Григорьевичем Ясиным и спросила его: «Что же делать?». Он ответил: «Все вокруг ведут себя так. А я так себя не веду». И я с ним согласна. Иначе вернуть нашим институтам их настоящий смысл и назначение невозможно. Мы пытаемся жить в современном обществе, а ведем себя как подданные. Как это проскочить? Нет другого подхода, я считаю, кроме воспитания и просвещения.

Игорь Зайцев, пресс-атташе Нижегородского отдела Волжского казачьего войска:

— Проблема нашего общества в том, что мы переживаем переход от одной иллюзии к другой, с использованием западных PR-практик. Известна любовь русского народа к сказкам: мы создаем образ и начинаем верить в него. Это особенно опасно для чинов-

ников, которые начинают верить в созданную ими же сказку. Но это преодолимо, если общество реагирует, и я считаю, что здоровое начало в нашем обществе все-таки есть.

Очень интересен метод лингвистического анализа, который вы предлагаете провести в регионах. Я тоже думаю, поскольку регионы разные, одни термины могут быть более понятны людям, живущим, например, в Якутии, а не в Калининграде, так как их волнуют свои проблемы и т.д. Не говоря уже о Москве. Москва образованна, уровень информационной насыщенности москвичей выше, чем любого провинциала. Это не значит, что москвич лучше. Но у него более обострены гражданские чувства.

Мы давно ориентируемся на идеальные представления о жизни, но не измеряем их. Скажем, та же «модернизация». Это может быть что угодно. Общественному сознанию нужно больше времени на то, чтобы перестроиться, чем на строительство «Сколково». Построить за пятилетку гражданское общество невозможно. Гражданин России — это не то же самое, что гражданин СССР. Разрыв колоссален. Молодежь еще не до конца это понимает, а пожилые люди не до конца попрощались с прошлым.

Общество устало от реформ. Право должно иметь конкретное выражение. И о правах человека надо говорить в школе, но в практической плоскости. Посмотрите, как снижается явка на выборы. Люди понимают, что они не могут этим механизмом воспользоваться, он не работает. Поэтому не хотят быть клоунами на чужом празднике. 46% нижегородцев, по опросу телекомпании «Волга», считают, что к власти на последних выборах пришли «не те» люди.

Надежда Савлова, помощник заместителя председателя Законодательного собрания, Нижний Новгород:

— Я представитель той власти, которую тут поругивали. Не могу не согласиться с некоторыми утверждениями, но хочу порассуждать на эту тему. Я вижу здесь много знакомых лиц, в том числе и журналистов. Когда принимаются законы в нашем Законодательном собрании, большинство заседаний транслируются как раз для журналистов и населения, телевизоры

стоят по всему зданию и даже в коридоре. Но желающих наблюдать за ходом заседаний обычно не бывает. Ведь что значит прослушать заседание Законодательного собрания? Ничего интересного не услышишь. Вот Александр Согомонов говорил, как вносится поправка в закон, он абсолютно прав: «Статья 5, пункт такой-то, давайте изменим вот это слово на это...». Или, например, у нас принимался региональный закон об НКО на основе федерального. Он уже принят и год как-то работает, какие-то деньги кто-то получает... Внесли поправки. Что за поправки? Слово «НКО» (некоммерческие организации) поменяли на «социально ориентированные». Это, конечно, чудесно... чтобы выделить деньги на эти организации, заседает комиссия. Зачем тогда эта поправка? Работал целый комитет. Спрашиваем, они отвечают: «Потому что есть федеральный закон, и если не будет регионального закона, федеральный будет нелегитимным».

Возникает вопрос, и на региональном, и на федеральном уровне, о полномочиях. Принять региональный закон на основе федерального — это наше Зако-

нодательное собрание может, это делают «на ура». А я по роду своей работы еще веду прием граждан. Приходят люди, много всяких проблем. Например, в поликлиниках не хватает врачей. Врачу, который работает на четырех участках, нельзя до-

Е. Немировская: Мы пытаемся жить в современном обществе, а ведем себя как подданные. Как это преодолеть? Нет другого подхода, я считаю, кроме воспитания и просвещения

плачивать несчастные 7 тысяч за остальные участки. Дорабатывают только пожилые люди, которые знают, что это надо, партия когда-то велела. А молодежь, поработав, уходит в частные клиники или куда-то еще. И эти вопросы мы почему-то не можем решить на региональном уровне, потому что существует федеральная компетенция. Может быть, к власти и пришли «не те» люди, но даже если придут «те», эти рамки, в которых они окажутся, не позволят им сделать много хороших дел.

На избирательные участки во время недавних выборов пришли 32% избирателей. При этом «Единая Россия» кричит «ура» — 58% за них (это из 32%). А в Дзержинске, единственном муниципальном образовании в регионе, где остались прямые выборы мэра, произошла революция: действующий мэр не попал даже во второй тур. И людей там на участки пришло больше.

Наталья Симонова, директор благотворительной общественной организации «Забота», член Общественной палаты Нижегородской области:

— Мне понравилось выступление Юрия Петровича. Несколько лет назад

мы разработали проект «Менеджеры гражданского общества», понимая, что гражданское общество строят люди, обладающие определенными качествами. К сожалению, проект не был поддержан комиссией на федеральном конкурсе, но мы его так или иначе реализуем, работаем с молодежью. Еще недавно считалось, что гражданское общество сформируется на основе рыночной экономики и институционального развития демократии, но этого не случилось. Разумеется, из-за отсутствия кадров. Но откуда они возьмутся? Недели две назад я была на учебе в Общественной палате России, и слушала лекцию, смысл которой в том, что «мы сейчас строим гражданское общество, хотя понятия гражданского общества нет». Спрашиваю: «А что же тогда мы строим?». Можно, конечно, сказать, что это сфера публичных благ или сфера, где взаимодействуют НКО и бизнес — для лучшей жизни, для людей... Понятие объемное, в какие-то рамки его не вставишь.

Я считаю совершенно замечательной идею гражданского просвещения. И хорошо, что такая энциклопедия появится. Но с другой стороны, мне кажется, что сейчас, пока мы говорим, «что такое хорошо и что такое плохо» и что такие носители определенных качеств, которые строят гражданское общество, идет процесс неправового законотворчества, если использовать терминологию Александра Юрьевича. И в этой ситуации как просвещать, как воспитывать людей, чтобы гражданское общество из иллюзии превратилось в реальность?

Юрий Сенокосов:

— Иллюзия останется. Ведь я не случайно говорил о сознании, что это не просто понятие, это поступки со зна-

нием дела, со-знательные. Я вновь обращаю внимание на приставку «со», которая указывает, что наше знание о таких мыслимых понятиях, как мораль, гражданское общество, свобода, демократия, не является предметным, так как их появление кроется в конечном счете в тайне происхождения человека и гения нашего языка. Мы возвращаемся тем самым снова к философским, вечным вопросам: что такое добро и зло? Почему мы продолжаем верить в добро? Потому что добро есть добро. Оно беспричинно. А зло всегда находит причину и объяснение, и судим мы о нем только потому, что совершаются добрые поступки. А тотальное зло, как, например, сталинский террор, хотя и поддается объяснению, но остается непонятным, потому что оно бесчеловечно. Мы же говорим на человеческом языке, и если будем продолжать говорить и думать, то сознание в общество вернется.

Меня, например, совершенно не удивило, что неделю назад в Санкт-Петербурге, в университете, прошла двухдневная международная конференция: «Высшее образование и гражданское общество: новая социальная миссия университета». Я узнал о ней из Интернета, не могу судить, насколько это было интересно по содержанию, но сам факт организации такой конференции заслуживает внимания. Жизнь продолжается, и я считаю, что мы встречаемся и обсуждаем наши проблемы не напрасно.

Андрей Камин, руководитель направления по разработке модели «Детского телефона доверия»:

— Вернусь к прошедшим выборам. Поскольку я верю в народ, и для меня демократические убеждения — штука важная, я для себя сформулировал следующее. Выборы продемонстрирова-

ли, что кандидаты не смогли показать большинству граждан Нижнего Новгорода, что они способны и будут решать их проблемы. И поэтому проще на выборы не ходить.

Та же история с гражданским обществом. Оно у нас, мягко говоря, довольно странное: одни «героически» игнорируют существующую власть, а другие, то есть власть, бьют их по головам, и при этом механизмы, которые помогали бы решать каждодневные задачи социально ориентированных организаций, практически не известны. Гражданская активность существует, но воспринимается скорее как нечто мешающее властям, а иногда и просто вредное. Поэтому наведение мостов между активными гражданами и властью — проблема действительно непростая. Но, на мой взгляд, решаемая, если мы перестанем считать, что ее можно решать без политиков.

Татьяна Бикметова:

— То, о чем сказал Андрей, имеет отношение к публичной политике. И чем больше я сейчас думаю, тем больше убеждаюсь, что этот термин позволил бы как-то объединить наши выступления и реплики.

Понятие «публичная политика» для российской политологии действительно достаточно новое. Оно только осваивается, входит в жизнь. Я его понимаю так. Это прежде всего открытый диалог власти и гражданского общества. Именно в таком диалоге должны обсуждаться решения по самым важным общественным проблемам. Каким? Мне кажется, сейчас существуют две проблемы: претензия власти к гражданам и претензия граж-

дан к власти. Большинство граждан не знает о своих правах, они не укоренены в отечественном менталитете. Даже прочитав конституцию, люди не осознают себя гражданами. Для них конституционные свободы и права остаются на бумаге. Отсюда апатия и, как

Т. Бикметова: публичная политика — это прежде всего открытый диалог власти и гражданского общества. Именно в таком диалоге должны обсуждаться решения по самым важным общественным проблемам

следствие, отчуждение от власти, нежелание понять, что если ты идешь на выборы, то реализуешь свое право и, значит, несешь ответственность за тот выбор, который сделал.

И о второй претензии — общества к власти. Прежде всего, власть должна быть прозрачной. А это значит, что информация о деятельности власти должна быть доступна людям. Скажем, я не знала, что в Законодательное собрание можно прийти и посмотреть заседание. И, думаю, большинство населения тоже об этом не знает. Во-вторых, власть должна быть понятна. Решения, которые она принимает, должны быть очевидны. Вот я читаю указ президента о снятии Лужкова «за утрату доверия». Но, извините, утрата доверия — это этическая категория, нравственное понятие. Я хочу понять, за что конкретно он утратил доверие.

И последнее — возможность влияния на политику власти, поскольку это главная российская проблема. Я не любительница громких слов, когда говорят «свободу слова задушили». Но то, что она испытывает существенные ограничения, бесспорно.

Итак, только при активности граждан и прозрачности власти можно говорить о публичной политике.

Дмитрий Гугунава, директор департамента по связям с общественностью медиа-группы «Marketing Division», кандидат филологических наук:

— Продолжая выступление Татьяны, я тоже хотел бы сказать о моем понимании публичной политики в современном мегаполисе.

Ясно, что человек должен быть дееспособным и грамотным, чтобы принимать решения и нести за них ответственность. Но дееспособность в современном мегаполисе не означает еще, что человек хочет и может заниматься публичной политикой, то есть быть ее субъектом, а не объектом. Хотя, как известно, если ты не занимаешься политикой, политика займется тобой.

Итак, что же такое публичная политика? Это комплекс управленческих действий, обеспеченный поддержкой определенной части общества, когда ее объектом являются общественное устройство и люди, а субъектом — человек, «которому не все равно».

В политической партии или движении всегда есть лидер, актив, примкнувшие к активу люди и сочувствующие. И, конечно, степень их субъектности различна. Но существует четкий критерий: главное — это участие. То есть отстаивание своей позиции по тем или иным вопросам. В чем же тогда отличие субъекта от объекта? Субъект политики моделирует будущее, переводя его из вероятностного модуса в обязательный, должный. То есть, по

сути, он является стратегом, прогнозируя будущее. А объект не может быть стратегом, он просто принимает то, что происходит. Возникает вопрос: а когда идет речь о публике как объекте политики в целом, она является субъектом? Учитывая, что ей присущи свойства самоорганизации, когда различные общественные группы конкурируют между собой, делегируя во время выборов свои полномочия депутатам, и выигравшая сторона в какой-то момент занимает доминирующее положение. И при этом мы сталкиваемся часто с симуляцией субъекта. Скажем, когда на митинг свозят автобусами подневольных людей, тех же пенсионеров, студентов и т.д., — и каждый из них выглядит как актер, отстаивающий гражданскую позицию. Хотя на самом деле никакой он не актер, а просто средство для достижения чьей-то цели.

Главным актором сегодня в России является, безусловно, государство, так как общество атомизировано и политические процессы приторможены.

Почему в этой связи так важно преследовать не сиюминутные, а долгосрочные цели? Потому что только в обществах, где есть великая идея, мечта и люди стремятся ее воплотить, происходит более быстрое и плодотворное развитие, в отличие от тех обществ, которые тупо удовлетворяют свои текущие насущные потребности. На мой взгляд, наше участие в публичной политике должно преследовать достижение именно долгосрочной стратегической цели.

Окончание в следующем номере

Цемент нашего времени



Максим Трудолобов,
редактор
отдела комментариев
газеты «Ведомости»

Взрывное развитие технологий связи вернуло многим веру во всемогущество коллектива. Романтика совместного действия и радикального переустройства общества вошла в повседневный оборот. Добились этого не левые политики, а идеологи новых медиа, люди разных, иногда противоположных взглядов, объединенные одной страстью — верой в то, что рост блогосферы и массовое распространение сетей, подобных *Facebook* и *Twitter*, равнозначны революции Гуттенберга. Действительные перемены в образе общественной жизни, вызванные социальными сетями, до конца не осознаны (возможно потому, что еще не произошли), но их революционность уже проповедана.

Первых пользователей сетевых медиа восхищала сама возможность мгновенной коммуникации, привлекательная, как новая игра: передать сообщение с компьютера на компьютер, с телефона на телефон, высказываться и сразу получать отклик, создать собственную сеть единомышленников, быть все время на связи. Потом был осознан прорыв за пределы маргинальных компьютерных сообществ, за пределы студенческой аудитории, офиса корпорации, социального круга, класса, возраста. И, наконец, пришло массовое понимание, что это еще и новая форма власти. Путь от сотни друзей к тысяче, к десяткам тысяч и миллионам завораживает, как всякий путь к вершине власти. Этот путь уже стал темой голливудского фильма «Социальная сеть».

Мне лично было интересно даже не то, что голливудские специалисты в принципе взялись за эту тему, а то, *как* они за нее взялись. У них получился настоящий производственный роман. В производственном романе главный герой мог быть опытным хозяйственником или молодым бригадиром, пришедшим с фронта. Он преодолевал отсталость своего окружения и косность общества, он приносил в жертву

передовой идее своих друзей и свою любовь, он сливался с трудовой народной массой, а наградой ему в финале был вновь построенный сияющий завод. Именно такой путь проходит (в фильме) Марк Цукерберг, создатель Фейсбука.

Книга советского писателя Федора Гладкова «Цемент» могла бы стать не менее выигрышным материалом для Аарона Соркина, написавшего сценарий к «Социальной сети». Но фильм про цементный завод не был бы правильно понят сегодняшней публикой, потому что сегодняшний цемент — это технологии связи. К тому же американцы, даже пожилые, не проходили на уроках литературы производственные романы. А лучше бы проходили. Теперь западная публика, не знавшая десятилетий принудительного коллективизма, не замечает, как близко подошла к преклонению перед «массой». И дело, конечно, не в фильме. Просто есть близкие каждому примеры, которые уже возведены в ранг образцов. Важнейший из них — сайт *Wikipedia*. Сейчас — это пятый по посещаемости сайт в мире, главный источник информации для сотен миллионов людей. И самое главное — это саморегулируемая среда, установившая внутренние правила и умеющая добиваться их исполнения (*self-policing*). Это организация без организатора — невиданное достижение коллективного разума.

Другие важнейшие достижения не менее известны: это создание компьютерных программ с открытым кодом, спонтанные формы сотрудничества в Интернете, солидарные действия, например сбор пожертвований на борьбу с голодом в какой-нибудь далекой стране, и, наконец, «твиттер-революции» (пока это фантазии, речь скорее о потенциале, чем о реальных политических переворотах). Такие совместные действия преподносятся как прорывы в социальной сфере — примеры нового.

Клей Ширки, один из ведущих пропагандистов новых медиа, уверен, что благодаря сетям коллективы теперь могут то, чего не могли раньше. Все последние десятилетия жители планеты Земля тратили по триллиону часов в год на просмотр телепрограмм. Только сейчас это выброшенное на помойку время стало понемногу сокращаться: сегодняшние молодые люди больше времени проводят за компьютером, чем у телевизора. Поколения постарше идут вслед за ними. Люди, сидящие за компьютером и подключенные к сетям, уже не только пассивно вглядываются в экран, они совершают *действия*: играют, перекидываются ссылками, переписываются и нередко создают что-то новое. «Жаба» какой-нибудь известной картины — творчество, снятая на телефон смешная сценка — тоже, и даже гигабайты милых котят, собачек и летних впечатлений — тоже. Важно, что это море творческой энергии вообще отвлеклось от телевизора и направлено теперь хоть на что-то. Эту силу Ширки называет «когнитивный профицит» (о котором его новая книга — *Cognitive Surplus: Creativity and Generosity in a Connected Age*), и эта сила, если направить ее в социально полезное русло, способна свернуть горы. Для создания всей Википедии потребовалось около 100 миллионов часов времени, пожертвованного людьми. А ведь потенциально доступных часов — миллиарды. Осталось только напра-

вить хотя бы часть этой энергии на что-то социально полезное. И примеры коллективных действий, направленных на создание вполне весомого общественного блага, существуют. Например, операционная система *Ushahidi*, позволяющая быстро локализовать проблемы и мобилизовать людей для их решения, опробована уже и на выборах в Кении, и на расчистке снега в Вашингтоне, и во время работ по спасению людей, пострадавших от землетрясения на Гаити.

Но вот вопрос, который не дает мне покоя.

Правда ли, что группы людей, вооруженные новыми сетевыми инструментами сотрудничества, научились делать то, чего не умели раньше? Или, если поставить вопрос иначе: правда ли, что толпа за последние несколько лет поумнела? В оптимизме по поводу будущих твиттер-революций мне слышатся споры социалистов прошлого о роли народа в обществе будущего.

«История не раз доказывала, что коллективный разум-улей быстро превращается в жестокого идиота, как только его ставят на автопилот», — писал в эссе «Цифровой маоизм» Джейрон Ланьер (*Jaron Lanier*) еще несколько лет назад. Может быть, это просто брюзжание старого хиппи. Но и меня, с моим школьным советским опытом, перспектива вездесущего коллективизма пугает. Не обернется ли сетевой «цемент» чем-то похожим на тот, советский?

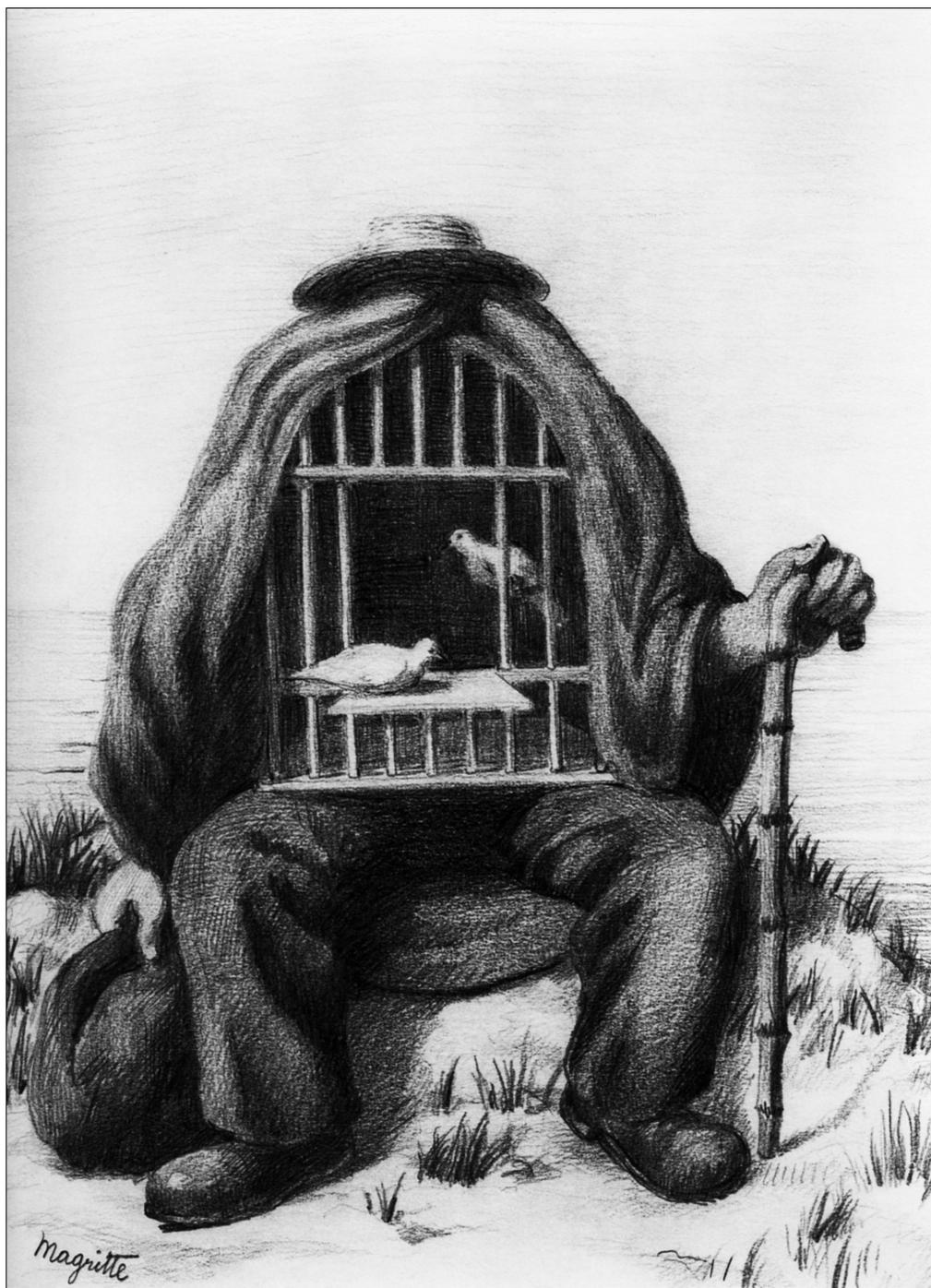
Интернет-активизм, как правило, есть следствие уже развитых механизмов демократии и подотчетности государств.

Интернет-демократия – следствие уже работающей демократии, а не причина ее развития

Что нам не нужно от Интернета

Социальные сети, как считается, меняют равновесие между индивидуальностью и коллективом — в сторону коллектива. Но идеализировать коллективный разум не стоит, и новым медиа не следует позволять нам «забывать себя». Именно к этому сводилась идеологическая политика и практика Советского государства: к признанию авторитета только за коллективом.

Индивидуальность считалась заведомо порочной, пораженной первоуродными грехами эгоизма, стяжательства и дурного вкуса («мелкобуржуазность»). Эта позиция породила советское искусство 1920-х годов — от блестящей сатиры до архитектуры конструктивизма. Но этот же посыл стал оправданием вторжения коллектива и государства в частную жизнь: человеку нечего скрывать ни в личной жизни, ни в убеждениях. Коллектив должен все знать о каждом индивидуальном своем члене, чтобы поправить и наказать его в случае проступка. Отчитываться предлагалось добровольно — на собраниях и чистках. Но если отчитываться человек не желал, то у коллектива был простой способ все о нем



Рене Магритт. Терапевт. 1948

узнать — доноительство поощрялось. Большевики не принимали ценности частной жизни (см. об этом книгу Олега Хархордина «Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности»).

Утопический план создания новой личности, ради которого, собственно, и отвергалась индивидуальность, был отброшен в 1930-е годы, но госмонополия на коллективизм ревниво охранялась и все последующие годы. Нехватка жилья и экономика дефицита использовались властями для стимулирования контроля граждан друг за другом. Если твой сосед — враг, то ты можешь получить его квадратные метры. Если будешь доносить на коллег, то продвинешься по службе и получишь доступ к столу заказов. Будешь плохо участвовать в работе коллектива, коллеги сами тебя накажут, потому что отчетность коллективная и премии тоже. Полная прозрачность частной жизни, нужная для поддержания контроля над обществом, постепенно превратилась в социальную норму.

Именно в борьбе с этой советской нормой родилось постсоветское общество, с его почти истерическим чувством собственности, стремлением ею обзавестись, но невозможностью ее защитить. Ведь для защиты собственности необходимы гораздо более сложные общественные механизмы (верховенство права, независимость суда), чем механизмы для ее захвата.

Очень многое из того, что провозвестники новых медиа видят в будущем — вики-партия, твиттер-съезды, фейсбук-организации, — это лишь одна сторона процесса проникновения социальных сетей в повседневность. Вторая сторона — это постепенное размывание границ частной жизни. «Люди с большей готовностью делятся информацией разного рода со все большим количеством людей. Социальная норма меняется со временем», — сказал Марк Цукерберг в одном из интервью. Цукерберг говорит, что его сеть лишь следует за меняющейся нормой, но в действительности она участвует в ее формировании. Фейсбук стал ключевым механизмом, стимулирующим переход от анонимности в сети к настоящим именам и от закрытости к все большей доступности личных данных.

Об этом беспокоятся больше всего западные консерваторы и прочие сторонники традиционной ценности частной жизни. Для них распространение социальных сетей стоит в одном ряду с злоупотреблениями в сфере клиентских данных и ужесточением мер безопасности в аэропортах. Но беспокоиться должны прежде всего жители недемократических стран, особенно тех, где закон применяется произвольно. Фейсбук создавался в США, где права личности защищены сравнительно хорошо, но распространилась сеть уже и в Иране, и в России. Смещение равновесия между приватностью и открытостью в сторону открытости может быть даже полезным для правовых обществ, но в неправовых оно опасно для оппозиционных групп и меньшинств. Интернет потенциально дает спецслужбам массу возможностей для скрытого наблюдения и провокаций (см. статью «Мышь для диктатора», сайт openspace.ru 18.01.2010).

Интернет — лучший медийный инструмент гражданского общества в «проблемных» странах, спора нет. Но прежде чем возлагать на него

большие надежды, стоит вспомнить, что связи, которые формируют социальные сети, не так крепки, как те, что нужны для настоящего гражданского действия. Малкольм Гладуэлл в известной статье в журнале *New Yorker* (от 4 октября 2010) напоминает, какая дисциплина и самопожертвование были нужны активистам движения за гражданские права темнокожего населения в США в 1950–1960-е годы. Ключевые участники тех событий были связаны между собой личной дружбой, а организация предполагала беспрекословное подчинение активистов решениям руководства. Социологи, исследующие социальные сети, говорят, что Интернет хорошо активизирует слабые, а не сильные связи. Это означает, что для проведения, к примеру, подписных кампаний социальные сети идеальны. А для действий, которые могут привести к социальным переменам и потому неизбежно связаны с риском, нужна настоящая преданность делу и готовность идти на жертвы.

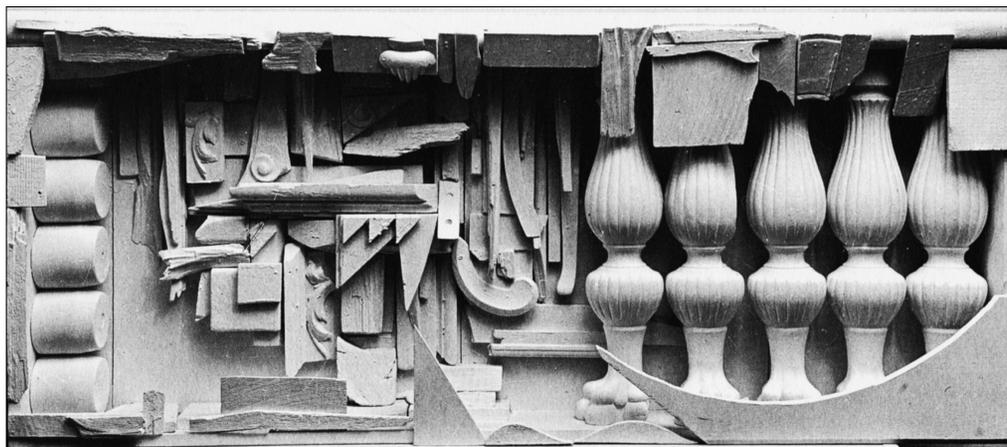
У человеческих групп и человеческих индивидуальностей — разный «ум». В чем-то хороши группы, в чем-то — индивидуальности. Группа людей гораздо лучше, чем один человек, определит цену товара. Так работает рынок: каждый из нас в отдельности может недооценить или переоценить предмет, но множество неверных оценок в итоге дадут одну усредненную, ту, с которой все согласятся. С таким же успехом коллектив может вести себя крайне глупо. Рыночные мании и панические распродажи всегда были и будут. Природа «заразного» поведения, как в сети, так и вне нее, одна и та же. В группах, где преобладают слабые связи, то есть как раз в социальных сетях, легко проходят провокации, которые могут выливаться во вполне реальное насилие, как недавно это происходило в Москве.

Для полного подчинения общества властям необходима борьба с индивидуальностями, которые всегда будут оставаться умнее коллектива. Но и индивидуальностям нельзя позволять слишком много. Именно поэтому, чтобы понять возможности сетей, американцам нужно изучать советскую историю, а россиянам — американскую.

Что нам нужно от Интернета

Чем все-таки может стать Интернет для общества, в том числе и для российского? Ведь это не просто материал для чтения, но и среда для действия. Каждый из нас может пользоваться возможностями социальных медиа для общения, выражения мнений и коллективных действий. В странах, где таких людей больше, гражданское общество выходит на новый уровень — оно становится «сетевой властью». Пока это, впрочем, лишь потенциал, обещание.

В зависимости от того, насколько задействован этот потенциал, можно говорить о влиянии новых технологий связи на политическую сферу. Оговоримся сразу, что ведение микроблогов на сайте Twitter президентами самых разных стран, включая президента России, не относится к этой области вообще. Это заигрывание с «подключенной» частью общества. Блог при этом используется так же, как телевиде-



Луиза Невельсон. Ларец с пятью балюстрадами. 1959

ние, — для вещания, вертикально, сверху вниз, от одного к многим. Даже если президент решит по-настоящему честно вести блог и отвечать на вопросы, он не сможет это делать, не перестав быть президентом. Не должно быть у президента никакого времени на блог. Это дело граждан, это процесс, в котором общение происходит горизонтально, сразу между множеством людей. Или снизу вверх — с вопросами граждан, на которые государство обязано отвечать.

Огромные возможности сетей минимально осознаны даже в самых «включенных» странах. Пока речь идет об усовершенствовании механизмов подотчетности правительств и о новых инструментах для активных граждан.

Вот американские примеры добровольного повышения прозрачности (логика «сверху вниз»). Сайт usaspending.gov аккумулирует информацию о расходах всех министерств и ведомств. На сайте www.whitehouse.gov вывешиваются списки всех посетителей высших чиновников правительства США, в открытом доступе расписания публичных встреч президента и вице-президента. На сайте recovery.gov собираются данные об антикризисных мероприятиях государства. Эти базы созданы недавно, критикуются за несовершенство, но работа над ними продолжается.

Вот попытки организовать общение между народом и законодателями или чиновниками. Бразильский парламент открыл в прошлом году сайт, позволяющий гражданам влиять на разработку законов, предлагать и обсуждать их: www.edemocracia.camara.gov.br/publico/. Вот один из примеров организации широкого общения с гражданами — сайт обмена идеями города Мейнора в штате Техас: manorlabs.org.

Есть проекты, действующие в логике «снизу вверх». Например, сайты CrimeReports.com и seeclickfix.com позволяют людям сообщать о проблемах, локализуя их на интерактивной карте. В первом случае это преступления, во втором — неполадки, поломки, ямы на дорогах и прочие проблемы, требующие немедленного решения. От обычной жалобы эти сообщения отличаются публичностью — вывесив сообще-

ние о сломанном светофоре или яме на дороге, я увижу, как меня поддержат другие граждане, и мы вместе проследим, как быстро дорожная полиция или муниципальные власти приедут на место.

Есть сайты, позволяющие гражданам стать более осведомленными об интересах, стоящих за тем или иным парламентарием. На сайте influenceexplorer.com можно ввести имя конгрессмена и получить отчет о том, кто и как финансировал его кампании. Есть сайт, позволяющий более осмысленно читать новости и комментарии: poligrift.com. Программа «прочитывает» нужную пользователю статью и сообщает о том, как связаны между собой публичные персонажи, дает ссылки на предыдущий сайт об источниках финансирования.

Представьте себе подобные ресурсы о российских депутатах, об их собственности, покровителях и «клиентах»; о молодежных организациях (см. статью «Деньги “Наших”» в «Ведомостях» в номере от 29.11.10); о сотрудниках администрации президента. Это, а не президентские блоги, позволяет представить путь, по которому будет развиваться гражданское общество. Важно понимать, что интернет-активизм, как правило, есть следствие уже развитых механизмов демократии и подотчетности государств. Интернет-демократия — следствие уже работающей демократии, а не причина ее развития.

В Бразилии, где граждане уже активно участвуют в политической жизни, Интернет позволяет сделать это участие еще более осмысленным. В США, где политики подотчетны обществу, сети позволяют следить за народными избранниками еще пристальнее. Нам нужно неподотчетное государство сделать прозрачным; из государства-надсмотрщика и государства-вора сделать блюстителя прав и управленца. Трансформация, необходимая России, гораздо глубже, чем те изменения, которые нужны развитым демократиям.

Задачи, стоящие перед Россией и другими развивающимися странами, — это изменения на институциональном уровне. Они требуют стратегического видения, организации, реального лидерства, символа, вокруг которого общество может сплотиться и требовать изменений. Социальные медиа многое могут, но масштаб их действий у нас должен быть большим, чем в развитых странах. Нескольких активных людей, таких как Алексей Навальный, недостаточно.

Здесь важно остерегаться подделок. Интернет позволяет имитировать активность, чем, я уверен, обязательно займутся официальные структуры вроде «Единой России» (они уже выпустили доклад об «интернет-демократии» как инструменте модернизации). Они не будут и не могут сделать главного — институциональных изменений. Такие изменения не даются — их добиваются.

Политический концепт сетевого управления. Очерк методологии



*Сергей Большаков,
профессор, зав. кафедрой
теории коммуникации
Санкт-Петербургского
государственного
университета,
доктор политических наук*

Значительным направлением современного спектра социально-политических исследований является оценка проблем взаимодействия организаций третьего сектора, некоммерческих организаций (НКО) и органов государственной власти. Некоммерческие организации можно отнести к заинтересованным группам с точки зрения теории политики, поскольку в своей деятельности они пытаются оказать влияние на принятие и реализацию политических решений с точки зрения интереса представляемых ими групп населения, однако не осуществляют попыток доминирования во властных отношениях или установления полного политического контроля[1].

В политической науке довольно давно и полно разрабатывались две основные теории, описывающие взаимодействие групп интересов и государства: плюрализм и корпоратизм [2]. Эти теоретические модели обрисовывают характер отношений заинтересованных групп и государства с позиции структуры и описывают два различных варианта построения этих отношений: крайне плюралистический, хаотичный и непредсказуемый характер взаимоотношений государства и групп интересов (плюрализм) и систему отношений с ограниченно фиксированными правилами игры между государством и заинтересованными группами, сопровождающуюся построением сложной иерархической структуры взаимодействия. Долгое время в рамках этих теорий исследователям удавалось довольно успешно описывать траектории взаимоотношений государства и групп интересов на материале более или менее «чистых» примеров, которые можно было привести в рамках тех или иных государств. Утверждалось, что модели представляют собой макроподходы, в то время как наиболее полно отношения государства и групп могут быть обрисованы на среднем уровне, где, собственно, и «можно наблюдать различные модели распределения власти»[3].

Аналитическая модель корпоратизма по-своему решает проблему взаимоотношений между общественными интересами и государственными структурами. Она возникла отчасти как критический отклик на недостатки плюралистического подхода к анализу взаимодействия интересов. В противоположность плюрализму корпоратизм рассматривает государство в качестве важнейшего конституирующего элемента отношений между группами интересов и политикой.

В определении, предложенном в 1974 году Ф. Шмиттером, современный корпоратизм определяется как «система представительства интересов, элементы которой организованы в несколько особых, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных групп, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором их лидеров и артикуляцией требований и приверженностей»[4].

К наиболее важным характеристикам широко представленной в мире неокорпоративской модели организации общественной жизни принято относить следующие:

- 1) специфический, централизованный механизм формулирования интересов;
- 2) способ распределения экономических и политических ресурсов и ценностей в результате переговоров;
- 3) высокая степень ангажированности партнеров в процессе осуществления совместно выработанных решений, а также зависимость эффективности реализации соглашений от силы и представительности отдельных структур системы.

В этом смысле особенно характерна австрийская модель неокорпоратизма:

неслучайно термин «социальное партнерство» возник применительно к австрийской системе распределения социальных благ и совместного управления социальными конфликтами, возникающими в связи с этим. Обычно указывают на три основные черты этой системы:

институционализируемая система консенсуального политического компромисса между большими группами интересов;

институционализируемая и централизованная кооперация между представителями секторов труда, капитала и агентами государства;

демократическая система управления предприятиями.

Таким образом, в отличие от плюрализма, корпоратизм имеет следующие характеристики:

акцент делается на ограниченном числе групп давления, представляющих основные корпорации;

группы давления являются иерархически структурированными во главе с лидерами, способными артикулировать интересы своих членов;

в законченной корпоративской системе связи между корпорациями и между корпорациями и правительством очень тесные. Это единство усиливает базисный консенсус по вопросу о том, как должны функционировать политическая и экономическая системы общества;

государство, а не просто правительство, играет активную роль, хотя точная природа этой роли зависит от рассматриваемого варианта корпоратизма[5]: от «арбитража» до «мягкого лидерства» или «дирижизма»[6].

Исследователь Г. Лембрух, делающий различие между авторитарным и либеральным корпоратизмом, определяет последний как «особый тип участия больших организованных групп в выра-

ботке государственной политики, по преимуществу в области экономики, отличающийся высоким уровнем межгрупповой кооперации». Либеральный корпоратизм не претендует «на подмену институциональных механизмов парламентского и партийного правления», но в то же время способствует большей интегрированности политической системы. Его «нельзя отождествлять лишь с консультациями и сотрудничеством правительства и заинтересованных групп. Его отличительная черта — высокая степень кооперации между самими этими группами в выработке экономической политики». Сущностными характеристиками либерального корпоратизма является «высокий уровень институциональной интеграции конфликтующих групп» и «высокая степень кооперации между самими этими группами в выработке государственной политики»[7]. Сторонники концепции либерального корпоратизма считают, что заинтересованные группы выполняют в условиях демократии, наряду с формулированием интересов и «давлением» на власть, чрезвычайно важную функцию контроля за деятельностью государственной администрации.

Одним из подтипов либерального корпоратизма является трипартизм. В рамках этой концепции выстраиваются взаимоотношения между правительством и организациями, представляющими интересы наемных работников, с одной стороны, и предпринимателей — с другой. В противоположность этому в либерально-корпоратистском государстве акцент делается на взаимоотношениях между правительством и более широким спектром функциональных групп. В авторитарном корпоратист-

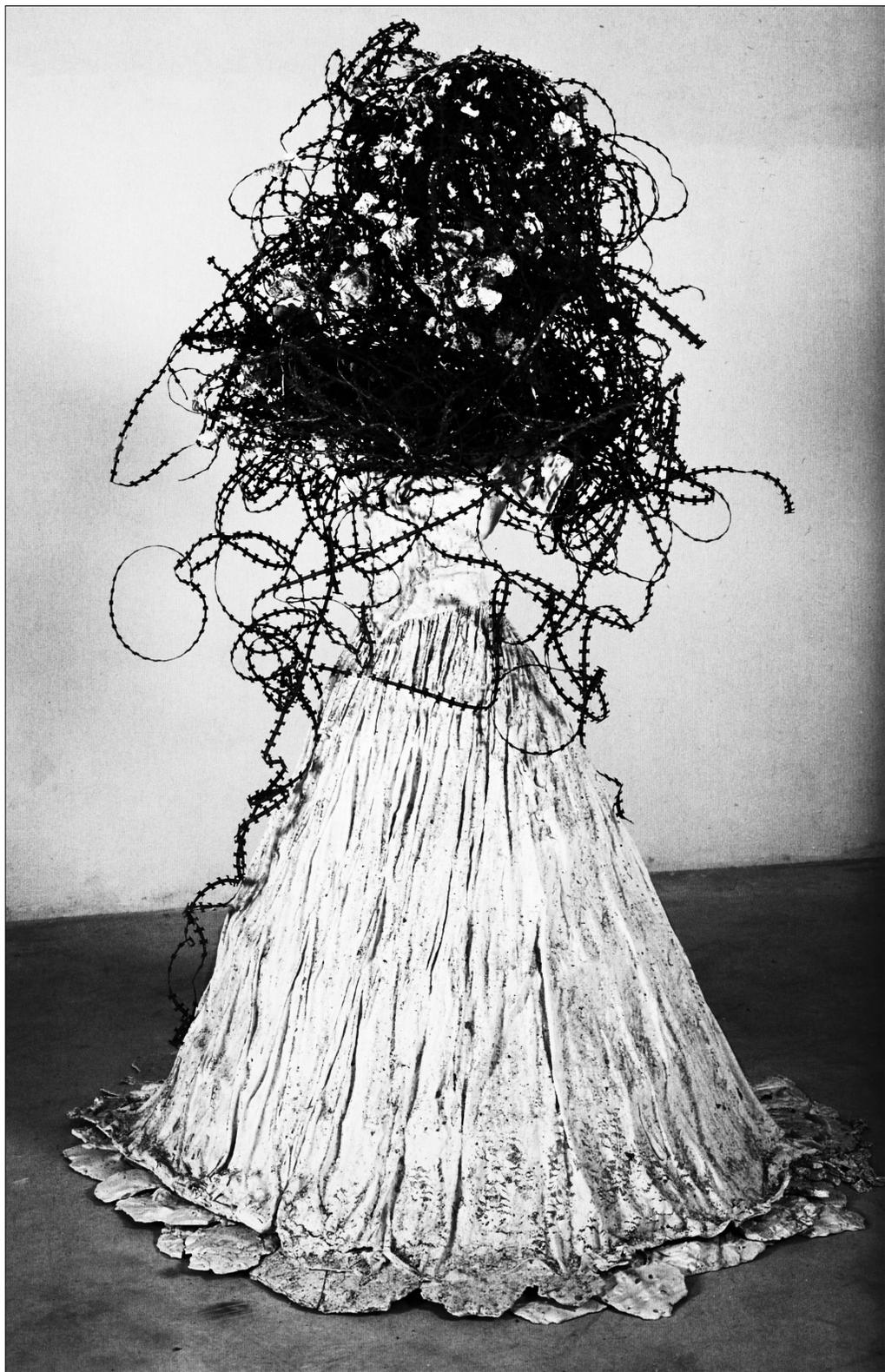
ском государстве независимые бизнес-ассоциации и профсоюзы прекращают действовать и на смену им приходят принудительным образом созданные «корпорации» или «синдикаты», представляющие наемных работников и предпринимателей. Синдикаты жестко

При сетевом подходе государство и его институты являются хотя и важным, но лишь одним из акторов производства политических решений

связаны с институтами государства, ответственными за состояние экономики и социальные отношения, что, собственно, и позволяет осуществлять интеграцию субъектов социально-экономических отношений тоталитарных и авторитарных режимов.

Представление о центральной роли государства, из которого исходит корпоратизм, в условиях глобализации отношений и децентрализации властных функций государства в определенной степени выглядит консервативной попыткой легитимации такого понимания государства, которое вступает в противоречие с реалиями сегодняшнего дня. Так, по мнению сторонников концепции политических сетей как особой формы управления, главная слабость этого подхода заключается в том, что политика и политический процесс формируются в рамках жесткого государственно-корпоративного консенсуса.

В рамках же сетевого подхода, активно разрабатываемого в последние десятилетия, весьма существенная роль отводится НКО. Выросшая плюрализация общественных структур, сложность взаимоотношений между различными группами населения, высокий уровень общественных потребностей и ожида-



Ансельм Кифер. Античные женщины. — Пэт, не больно. 1999

ний, большой масштаб неопределенности и риска, возросшее влияние международного фактора на внутреннюю политику государства, информатизация общества, падение доверия населения к центральным органам управления — это и многое другое привело к пересмотру традиционных управленческих подходов. Политический концепт сетевого подхода реконструирует отношения между государственным управлением и современным обществом. Вместо попытки редукции сложности общественных связей для обеспечения эффективного управления сеть включает рост сложности в качестве необходимой предпосылки выработки политики и осуществления управления. Понятие «сеть», кажется, становится «новой парадигмой архитектуры сложности»[8].

Концепция сетевого подхода реализуется на среднем уровне, то есть не отношений между собственно обществом и государством, а между управленческими структурами, общественными и бизнес-ассоциациями.

Концепция политических сетей в публичном управлении охватывает широкий спектр политических проблем. Многие исследователи подчеркивают ее несомненную связь с политической наукой, а внутри нее с теорией демократического принятия политических решений и выработки политической стратегии. Концепция политических сетей меняет ракурс рассмотрения государства как агента политики: 1) в противоположность идее доминирующей роли государства в выработке политики, при сетевом подходе государство и его институты являются хотя и важным, но лишь одним из акторов производства политических решений; 2) в противоположность идее относительной независимости государства в политике, в концепции политических

сетей государственные структуры рассматриваются в качестве «сцепленных» с другими агентами политики и вынуждены вступать в обмен своими ресурсами с ними; 3) в противовес идее государственного управления как иерархически организованной системы, сетевой подход предлагает новый тип управления — «руководство» (governance), общая характеристика которого нашла выражение в формулах «управление без правительства» (governing without government)[9] «или руководство без правительства» (governance without government)[10].

Изменение традиционной конфигурации управленческого процесса обуславливает отход от «рациональной модели управления», под которой понимается трансформация традиционными бюрократическими иерархическими структурами интересов и политических ценностей населения в четко прописанные правила и закрепленные законодательно нормы, поддерживаемые принадлежащим этим структурам правом на применение санкций против нарушителей этих норм[11]. Такая рациональная модель, строящаяся по принципу «команда/контроль» долгое время доминировала в традиционных национальных государствах: решения по вынесенным на повестку дня проблемам принимаются политиками, контролирующими условно аполитизированный профессиональный бюрократический аппарат, реализующий эти решения. Эта модель характеризовалась одним центром концентрации власти, хоть и испытывающим постоянные воздействия со стороны невластных структур.

По мере усложнения обществ, появления новых проблем, не поддающихся решению с помощью применяемых государством традиционных административных методов, роста уровня ожи-

даний в отношении удовлетворения общественных потребностей, развития новых информационных технологий и др. изменилась и эта рациональная модель управления. Процесс принятия решений не ограничен рамками формальных государственных структур, и государство потеряло свой статус единственного агента управления, «допустив» других акторов не только к процессу выработки политики, но и ее реализации [12]. Все большую роль в процессе решения общественных проблем начинают играть государственно-частные партнерства (public-private partnerships). Двумя новыми категориями, отражающими зафиксированные новые политико-управленческие практики, являются руководство (governance) и политическая сеть (policy network). Первый термин чрезвычайно трудно перевести с английского в силу его комплексности и объективной сложности процесса, который он обозначает, но в русскоязычной литературе все больше закрепляется его перевод как «руководство» наряду с понятием «управление» [13].

Важным посылом при анализе процессов управления является многообразие акторов, участвующих в выработке и реализации политики в демократиях. Исследователи сегодня анализируют функционирование гражданского общества и его институтов не как противовеса государству с точки зрения отстаивания интересов граждан и их участия в выработке политики, а как равноправных партнеров в реализации политико-управленческих решений в различных областях.

Множество концепций и дефиниций нового типа управления — руководства — объединяет несколько общих постулатов.

Во-первых, процесс нового управления протекает в сетях и представляет

собой результат взаимодействия между акторами, располагающими различными ресурсами [14]. Характерной особенностью этого процесса является его переговорный характер, а также осознание акторами общего интереса, состоящего в стремлении разрешить рассматриваемую проблему.

Во-вторых, акцент делается на неиерархической структуре отношений между акторами управления, которые не подвергаются жесткой регламентации и детализации. «Управление относится к самоорганизации, межорганизационным сетям, которые характеризуются взаимозависимостью, обменом ресурсами, правилами игры и значительной автономией от государства» [15]. Вводится новое понятие, характеризующее отношения между акторами, — «сеть», функционирующая на горизонтальном уровне.

В-третьих, новый тип управления понимается в терминах неoinституционализма как процесс создания институтов, представляющих собой формальные и неформальные нормы и образцы поведения, структурирующие действия и поведение акторов. Управление воспринимается как процесс создания и изменения институтов и правил игры [16].

Реформы публичного сектора, инициированные в странах Европы и США, сводившиеся к мерам, предлагавшимся в теории нового публичного менеджмента (приватизация, привнесение принципов бизнес-управления в менеджмент государственных бюрократических структур, передача некогда сугубо правительственных функций другим акторам и т.д.). Все эти изменения оказались индикаторами трансформации процесса управления, или, как отмечают некоторые исследователи, «выхолаживания» государства [17]. Анализ функционирования сферы госу-

дарственных услуг в странах Европы показал, что «услуги в рамках государства всеобщего благоденствия обеспечиваются государством, производятся акторами рынка и предоставляются с помощью добровольных гражданских ассоциаций» [18]. Этот процесс, строящийся на взаимодействии трех видов акторов, инициируется, обсуждается и получает дальнейшее развитие в политических сетях.

Как методологический подход к исследованию процесса «производства» политики, концепция сетевого управления, в силу ее универсальности, позволяет избежать крайностей системного и структурного подходов, оставляющих без внимания мотивы и поведение акторов. «Сетевой анализ не является теорией в строгом смысле этого термина, а скорее представляет собой инструмент для описания и измерения конфигураций отношений между акторами и их структурных характеристик» [19].

В работах, исследующих инструментальные свойства сетевого управления, политическая сеть определяется как «кластер или комплекс организаций, связанных друг с другом ресурсной зависимостью и отличающихся от других кластеров структурой этой ресурсной зависимости» [20], как кластер акторов, каждый из которых имеет собственные интересы в определенном секторе политики и обладает способностью выдвигать выгодное сторонам решение. М. Маркуссен и Й. Торфинг предлагают дефиницию политических сетей как «горизонтальную совокупность взаимозависимых, но операционально автономных акторов, которые взаимодействуют посредством переговоров; проявляющуюся в регулятивной, норматив-

ной, когнитивной и символической структуре; являющуюся саморегулирующейся в определенной степени и вносящую вклад в производство общего блага в определенной области» [21]. В данном контексте фиксируется совокупность отличительных признаков любой сети.

В концепции политических сетей государство перестает быть единственным актором разработки и реализации политики, а объективно и неизбежно привлекает к этому процессу негосударственных акторов

Горизонтальность как способ взаимодействия проявляет себя в переговорном процессе. Процесс переговоров включает элементы торга наряду с элементами обсуждения и дискуссии. Рациональность для любого актора в процессе переговоров состоит в поиске наиболее приемлемых стратегий через кооперацию и обмен с другими участниками при сохранении автономности и стремлении к максимизации выгоды. Акторы в сети, как отмечает известный разработчик концепции Р. Роудс, принимают участие в интеракциях, которые напоминают игры, рассматриваемые в теории рационального выбора [22]. Однако взаимодействие акторов не подвержено тривиальному торгу и поиску индивидуального выигрыша, так как в большей степени речь идет о преследовании общих интересов и выборе взаимно устраивающих стратегий [23]. Странники концепта политических сетей как особого вида управления выступают с тезисом, подчеркивающим, что взаимодействие в сетях строится исключительно на доверии. Подобные сетям горизонтальные структуры могут существовать только на основе доверия ввиду отсутствия

других инструментов, поддерживающих кооперативное поведение, например систем формальных санкций, действующих в отношении иерархических структур [24].

Все взаимодействия между акторами, и переговорный процесс в частности, происходят в определенной институциональной структуре, включающей в себя четыре основные категории компонентов: регулятивные (правила, роли и процедуры), нормативные (нормы, ценности и стандарты), когнитивные (коды, концепции и знания) и символические (идентичности, идеологии, общие убеждения). Все эти институциональные элементы структурируют и задают направление переговорному процессу, складываясь в различные уникальные комбинации в разных сетях. Собственно, структура политической сети и представляет совокупность правил, норм, кодов и символов, разделяемых всеми участниками сети [25]. Анализ институциональной структуры предполагает выявление структурных компонентов и поиск доминирующего.

Влияние на процесс сетевого взаимодействия всегда оказывает совокупность циркулирующих в сети неформальных норм, являющихся результатом различных процессов, что часто демонстрируют, например, корпоративные сети.

Постоянными «участниками» процесса взаимодействия являются органы публичной власти — центральные и местные, поскольку сети складываются в тех или иных областях политики: социальной, экологической, сельскохозяйственной и др. Публичные органы могут быть представлены как ведомства исполнительной власти, так и структурами законодательной, в зависимости от истории формирования сети и особенностей ее функционирования.

Концепция сетевого управления представляет собой эффективный инструмент для анализа взаимодействия государства и общественных структур, если общественные ассоциации и организации являются акторами, включенными в процесс взаимодействия в сети. Несомненно, они могут оставаться за пределами сетей в силу сложившихся в том или ином политическом контексте обстоятельств, укоренившихся практик и способов принятия решений. Однако отличие концепции политических сетей как инструмента анализа от концепции, фиксирующей новый тип управления, как раз и состоит в том, что «политическая сеть» как новая форма управления имплицитно предполагает включение негосударственных акторов (НКО, общественные организации, гражданские объединения и др.) в процесс управления, тогда как сетевой анализ применим и к рассмотрению практик управления, складывающихся и без участия негосударственных ассоциаций [26].

Применение сетевого анализа позволяет зафиксировать логику политико-управленческого процесса, факторы, влияющие на траекторию его развития, зафиксировать его внутреннее содержание, выявить формы и стратегии участия основных акторов в процессе выработки и претворении в жизнь решений в том или ином секторе политики.

Концепция политических сетей аккумулирует многие из выводов о траекториях изменения природы управления, главный из которых гласит, что государство перестает быть единственным актором разработки и реализации политики, а объективно и неизбежно привлекает к этому процессу негосударственных акторов. НКО с позиции «нового управления» становятся участниками политико-управленческого процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Белокурова Е.В. Третий сектор и региональные власти. // Политическая социология и современная российская политика. — СПб., 2000. — С. 273.
- 2 См. подробнее: *Dahl R.*, Polyarchy, Participation and Opposition. — New Heaven and London, 1971. — 262 p.; *Шмиттер Ф.*, Неокорпоратизм // *Политические исследования*. 1997. № 2. — С. 14–22; *Княкин А.А.* Заинтересованные группы как скрытая составляющая политического процесса. // Актуальные проблемы политики и политологии в России. Сборник статей / Под общ. ред. В.С. Комаровского. — М., 2003. — С. 42–47.
- 3 *Borzel T.* What's So Special About Policy Networks? — An Exploration of the Concept and Its Usefulness in Studying European Governance [Electronic resource]. — Электрон. ст. — Берлин, 1997// <http://eiop.or.at/eiop/texte/1997-016a.htm>,
- 4 *Шмиттер Ф.* Неокорпоратизм. // *Политические исследования*. 1997. № 2. — С. 15.
- 5 См. подробнее: *Шмиттер Ф.* Неокорпоративизм // *Политические исследования*. 1997. № 2; *Lehmbruch J., Schmitter Ph.* (eds.) Patterns of Corporatist Policy-Making. — London, 1982; *Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенов И.С.* Группы интересов и Российское государство. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- 6 *Зудин А.* Неокорпоративизм в России? (Государство и бизнес при Владимире Путине). // *Pro et Contra*. Т. 6, № 4. Осень 2001. — С. 193.
- 7 См. подр.: *Lehmbruch J., Schmitter Ph.* (eds.) Patterns of Corporatist Policy-Making, p. 67.
- 8 *Kenis P., Schneider V.* Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox. // Policy Network: Empirical Evidence and Theoretical Considerations / Ed/ by B. Marin, R. Mayntz. — Frankfurt a/M: Campus Verlag, 1991. — P. 25.
- 9 *Rhodes R.* Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability. — Buckingham, Philadelphia: Open University Press, 1997.
- 10 *Rosenau J., Czempiel E.-O.* (eds.) Governance without Government: Order and Change in World Politics. — Cambridge: Cambridge University Press. 1992; *Peters G.* Governance Without Government? Rethinking Public Administration. // *Journal of Public Administration: Research and Theory*. 1998. Vol. 8. № 2.
- 11 См.: *Bogason P.* Networks in Policy Analysis: Towards a New Pragmatism [Electronic resource]. — Электрон. ст. — Роскильд, 2004// http://www.ruc.dk/upload/application/pdf/857281a0/Working_Paper_2004_8.pdf; *Etzioni-Halevy E.* Network Governance as a Challenge to Democratic Elite Theory [Electronic resource]. Копенгаген, 2003// http://www.ruc.dk/upload/application/pdf/f51d6748/Eva_Etzioni-Halevy.pdf; *Markussen M., Torfing J.* Grasping Policy Networks [Electronic resource]. Роскильд, 2003// http://www.ruc.dk/upload/application/pdf/6a6925ad/Working_Paper_2003_5.pdf
- 12 *Pierre J., Peters G.* Debating Governance. Authority, Steering and Democracy. — Oxford, 2000. — P. 113.
- 13 Государственное управление и политика / Под. ред. Л.В. Сморгунова. — М., 2006. — С. 248.
- 14 *Rhodes R.A.W.* The New Governance. Governing without Government. // *Political Studies*. 1997. — XLIV. — P. 652–667.
- 15 *Rhodes R.* Understanding Governance. Policy Networks... p. 132.
- 16 *Hix S.* The Study of the European Union: the New Governance Agenda and its Revival. // *Journal of European Public Policy*. 1998. Vol. 5. № 1. — P. 38–65.
- 17 *Kjaer A.M.* Governance: an Overview of its Usages [Electronic resource] / A.M. Kjaer. — Хельсингер, 2003// http://www.ruc.dk/upload/application/pdf/f51d6748/Mette_Kjaer.pdf
- 18 *Brandson T., Pestoff V.* Co-productions, the Third Sector and the Delivery of Public Services // *Public Management Review*. 2006. Vol. 8. № 4. — P. 493–501.
- 19 *Kenis P., Schneider V.* Policy Networks and Policy Analysis... P. 25–59.
- 20 *Benson, K. J. A.* Framework for Policy Analysis // Interorganizational Co-ordination: Theory, Research and Implementation / (ed. by Rogers D. and Whitten D.). — Ames, 1982. — P. 137–176.
- 21 *Markussen M., Torfing J.* Grasping Policy Networks [Electronic resource]. http://www.ruc.dk/upload/application/pdf/6a6925ad/Working_Paper_2003_5.pdf
- 22 *Rhodes R.* Policy Network. A British Perspective. // *Journal of Theoretical Politics*. 1990. Vol. 2. № 3. — P. 53–72.
- 23 *Scharpf, F.* Games Real Actors Could Play. Positive and Negative Coordination in Embedded Negotiations. // *Journal of Theoretical Politics*. 1994. Vol. 6. N1. — P. 27–53; *Bogason P.* Networks in Policy Analysis [Electronic resource]. // http://www.ruc.dk/upload/application/pdf/857281a0/Working_Paper_2004_8.pdf
- 24 *Klijn, E., Koppenjan F.* Public Management and Policy Networks — Foundations of a Network Approach to Governance. // *Public Management*. 2000. Vol. 2. № 2. — P. 135–158.
- 25 *Markussen M., Torfing J.* Grasping Policy Networks [Electronic resource] http://www.ruc.dk/upload/application/pdf/6a6925ad/Working_Paper_2003_5.pdf
- 26 *Borzel T.* Organizing Babylon — on the Different Conceptions of Policy Networks. // *Public Administration*. 1998. Vol. 76. № 2. — P. 253–273.

Незадолго до католического Рождества — в середине декабря 2010 года — в Варшаве прошла трехдневная Международная конференция «Польша, Россия, восточное партнерство — перспективы сотрудничества», организованная польским Министерством иностранных дел совместно с Московской школой политических исследований. В ходе обсуждения целого спектра нередко острых проблем участники конференции вновь и вновь возвращались к теме культуры отношения к истории в наших странах.

Об отличиях и совпадениях в России и Польше восприятия прошлого и настоящего с участником конференции, первым вице-президентом «Центра политических технологий» Алексеем Макаркиным беседует Наталья Балакирева, эксперт Фонда гуманитарных и экономических исследований «Созидание», выпускница Школы (г. Орел).

Россия – Польша: осмысление прошлого и диалог

Польша — для России

Наталья Балакирева:

— Алексей Владимирович, в чем состоит специфика восприятия в России российско-польских взаимоотношений? Чем она обусловлена?

Алексей Макаркин:

— Так сложилось, что Россия важнее для Польши, чем Польша для России. Для нашей страны Польша — это лишь одно из государств со своими интересами, своей историей, находящееся к западу от России. Для Польши же, наоборот, Россия — страна чрезвычайно значимая, поскольку она неоднократно участвовала в разделах Польши в XVIII веке, подавила два польских восстания в XIX веке. Далее между Польшей и Россией была драматическая война, случившаяся в 1920 году. Победе поляков над армией Тухачевского, кстати, было дано определение — «чудо на Висле».

Затем, в 1939 году, произошел еще один раздел Польши между сталинским СССР и канцлерской Германией. Последовала Вторая мировая война, победа в которой стала для русских людей праздником со слезами на глазах. Однако у поляков слез было еще больше, поскольку после войны их страна фактически утратила суверенитет.

Были и другие события, к примеру постоянные опасения поляков, что в их страну войдут советские войска. Эта угроза была в 1956 году абсолютно реальной. Однако вторжения не произошло, потому, что Польшу все же удалось удержать в соцлагере.

Н.Б.:

— Но ведь история российско-польских разногласий имеет гораздо более глубокие корни.

А.М.:

— Безусловно, еще в царской России полонофобия была феноменом общественной жизни. Объяснялось это тем, что Польша была внутри империи, но постоянно бунтовала, то есть была неблагонадежной частью российского государства. В «Истории одного города» Салтыков-Щедрин через образы панов Кшепшицпольского и Пшекшицпольского сатирически передал отношение значительной части российского общества к польскому, которое воспринималось как чуждое, постоянно интригующее. В этом ряду можно вспомнить и пушкинские строки о «кичливом ляхе и верном россе». Эти эпитеты четко отражают эмоциональное отношение русского поэта к «своим» и «чужим». Оно характеризует общественное восприятие в Российской империи, с точки зрения которого поляки являлись опасным вирусом. В тот период, в частности, существовало представление о том, что у «ляхов» есть безупречное оружие, безотказное в воздействии на русских чиновников, — это их жены, полячки, которые были воспитаны в католическом духе. Именно они, по мнению значительной части общества, побуждали своих мужей быть полонофилами. Кстати, в основном поэтому после восстания 1863 года на браки русских чиновников с полячками стали смотреть косо. Причем ограничения возникли не просто на общественном, но и на государственном уровне. Такой человек не мог сделать карьеру, поскольку считалось, что он находится под влиянием своей польской жены. Таким образом, непростые отношения с Польшей складывались на протяжении веков и не могли не влиять на общественное сознание.

Н.Б.:

— Как бы вы охарактеризовали советское время с точки зрения отношения к Польше?

А.М.:

— В советское время было два этапа отношений. Первый этап — это межвоенный период. Он был связан с кошмаром поражения советских войск под Варшавой в 1920 году, и поляки советским обществом воспринимались как враги. Кстати, такое восприятие в тот период могло отличаться от официальной пропаганды, которая была достаточно приспособляемой к тем или иным поворотам политического характера. Например, когда в 1935 году умер маршал Юзеф Пилсудский, СССР официально выразил Польше свои соболезнования. Были опубликованы очень уважительные статьи о нем, поскольку тогда СССР хотел «дружить» с Польшей против Германии.

В то же время, повторю, советское общество воспринимало Польшу скорее как ближайшего противника. Так, в народе пели «Конармейскую песню», где были такие слова: «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны конармейские наши клинки». И там же: «На Дону и в Замостье тлеют белые кости, над костями шумят ветерки». Замостье — это город в Люблинском воеводстве, опорный пункт польского восстания 1830—1831 годов.

Но после Второй мировой войны ситуация изменилась. В СССР Польшу стали рассматривать как одного из союзников по Варшавскому договору. Причем существовало два уровня этого восприятия — массовое и интеллигентское. Интеллигентское восприятие (не только диссидентское, но и шире — либеральное) было отлично от официальной точки зрения. Польша воспринималась как страна, несправедливо нами многократно обиженная, как страна современной западной культуры, наряду с Прибалтикой, входившей в состав СССР. Это было наше окно на Запад. Люди, которые не могли выехать в капстрану, могли посетить хотя бы Польшу. Другими словами, Польша воспринималась в контексте фильмов Анджея Вайды как гордое несломленное государство, сохранившее свою идентичность.

Но массовая аудитория эти фильмы не смотрела, они были для нее малопонятны. Она интересовалась кинотворчеством другого рода, таким как «Четыре танкиста и собака», «Ставка больше, чем жизнь» — с польским суперразведчиком — наподобие нашего Штирлица и т.д. Общественное мнение воспринимало Польшу достаточно доброжелательно, но преимущественно в рамках официальной концепции: поляки — это наши славянские братья, имеющие опыт борьбы с немецкими крестоносцами, с которыми воевал не только Александр Невский на Чудском озере, но и поляки при Грюнвальде. Правда, у нас обходили тему о том, что тогда польским королем был Владислав II Ягелло, который за тридцать лет до этого был союзником Мамая накануне Куликовской битвы. Как бы то ни было, и официальный, и общественный уровни были достаточно благожелательными. Поэтому говорить о массовой российской полонофобии в послевоенное время не приходится.

Россия в восприятии поляков

Н.Б.:

— Как воспринимали нашу страну и ее граждан в Польше?

А.М.:

— Что касается Польши, то тут все иначе. Польша видела в России постоянную угрозу. Ведь исконно поляки представляли свою страну «Западом на Востоке», как государство с западной культурой, цивилизацией, менталитетом, но находящуюся в очень сложном соприкосновении с Востоком. Поляки полагали, что продвигают на Восток западные ценности. Не случайно лозунгом польских повстанцев в 1863 году был: «За нашу и вашу свободу!», обращенный к русскому народу. Другое дело, что с русской стороны его тогда восприняла лишь небольшая группа революционеров, а либералы в большинстве своем отшатнулись. Сейчас польская традиция западного мессианства обогатилась тем, что поляки продвигают идеалы демократии. Это, безусловно, повышает их самосознание и легитимирует их желание усилить свои пози-

ции в Восточной Европе. Любопытно, что поляки считают себя уже не Восточной, а Центральной Европой. С их точки зрения, Восточная Европа сдвигается на восток. То есть это уже не Польша, Венгрия или Чехия, а Украина, Белоруссия, Молдавия. Поэтому главной задачей становится вовлечение этих стран в европейские процессы, и Польша играет здесь достаточно большую роль. Неслучайно наряду с Швецией она стала одним из инициаторов программы Евросоюза «Восточное партнерство».

Н.Б.:

— Известно, что запуск в 2009 году программы «Восточное партнерство» был воспринят руководством России крайне негативно. Изменилось ли что-то в последнее время?

Польская традиция западного мессианства обогатилась тем, что поляки продвигают идеалы демократии. Это, безусловно, повышает их самосознание и легитимизирует их желание усилить свои позиции в Восточной Европе

А.М.:

— Проблему нынешних политических отношений Польши и России следует рассматривать в более длительной перспективе. Ведь их направленность на некоторое сближение стала заметна давно — еще в 1990-х. В России такие позиции Польши вначале воспринимались достаточно спокойно. В 1990-е годы Россия была занята своими делами, связанными с распадом СССР. Она представляла себе, что СНГ будет иметь легитимный и устойчивый статус. Думаю, что, вообще, Россия отпустила страны Варшавского договора, внутренне полагая, что они вернуться. «Может, поляки не вернуться, а вот болгары уж точно вернуться, не говоря уже об украинцах. Ну а прибалты (у них вообще нет никаких природных ресурсов) должны будут просто приползти. А мы еще посмотрим, принять их или нет и на каких условиях», — примерно так рассуждала значительная часть российской элиты и общества.

Потом, когда выяснилось, что распад советской системы — это стратегическая проблема, в России стали более внимательно изучать процессы, которые происходят в странах постсоветского пространства. До этого существовало представление о том, что Россия должна просто поддерживать существующие хозяйственные связи, что на практике превращалось в дотирование экономик Украины, Белоруссии, Молдавии. Но после того как, с одной стороны, наступило осознание проблемы, а с другой — стали явными проевропейские, прозападные, проамериканские настроения значительной части элит этих стран, конкуренция на постсоветском пространстве значительно усилилась. Вплоть до того, что и в поляках стали видеть либо передовой отряд Запада, либо даже конкурента с самостоятельными интересами.

Впрочем, эта конкуренция уже не была слишком заметна для общественного мнения. Ведь она не происходила внутри империи, а интерес к внешней политике тогда уменьшился. Тем не менее на уровне



Ансельм Кифер. Античные женщины. Екатерина. 1999

элит, референтных групп, СМИ тема польского влияния и польской опасности на постсоветском пространстве усилилась, особенно в связи с планами по развертыванию системы ПРО в Польше и Чехии, а также в связи с намерениями интеграции Украины и Грузии в Европейский союз. Теперь большинство из них отложено на неопределенный период, поэтому у наших стран появилась возможность для выстраивания отношений на основе диалога.

Важную роль в возможности этого диалога сыграл и другой момент. После разразившегося мирового финансово-экономического кризиса ощущение самодостаточности России как великой энергетической державы оказалось сильно подорванным. Появилось понимание того, что мы должны сблизиться с теми странами, которые обладают инновационным потенциалом — а это Запад. В то же время сдает позиции стереотип «осажденной крепости». Элиты заговорили о необходимости смены экономической модели. На этом фоне Польша стала восприниматься в России как страна, с которой необходимо дружить в рамках общего улучшения отношений с Западом.

Н.Б.:

— В последнее время российским руководством был предпринят целый ряд шагов в этом направлении. А легко ли они даются?

А.М.:

— Это непросто, потому что процесс налаживания отношений с Польшей тесно связан с переосмыслением истории нашей страны, и в частности с некоторыми событиями Второй мировой войны, которая для нас Великая Отечественная. Она делит для нас мир того времени на «мы и они» — на «наших и чужих» — без оттенков и полутонов. В этой войне мы воспринимаем себя и как страну-жертву, и как страну-победителя. Это для нас очень важно, поскольку объединяет Россию. В ситуации, когда такие праздники, как 7 ноября или 1 мая для россиян уже давно перестали быть ключевыми, а 4 ноября воспринимается достаточно формально, 9 мая все еще остается великой датой. Отсюда и крайне негативное отношение к любым попыткам посягнуть на этот период нашей истории, показать, что мы были где-то не совсем правы, а где-то вообще совершали преступления. Катынская тема сложна именно в этом контексте. Со своей стороны, мы всячески пытаемся защититься от обвинений тем, что мы потеряли сотни тысяч людей при освобождении Польши. При этом поляки говорят: «Да, вы нас освободили, но вы не дали нам свободы, потому что сами были несвободными».

Сейчас российская власть пытается наладить отношения с польской стороной. В этой связи можно вспомнить эпизод в польско-германских отношениях, когда в 1966 году польский епископат обратился к немецкому народу с призывом к примирению со словами: «Прощаем, и просим о прощении!». (Нужно учесть, что немцы считались врагами Польши еще до Грюнвальда, а Вторая мировая война окончательно развела немцев и поляков по разные стороны баррикад.) Шаг поль-

ского епископата в социалистической Польше был воспринят противоречиво. Но спустя несколько лет, когда канцлер Германии Вилли Брандт принес покаяние полякам за нацистские преступления, в Польше это было воспринято с пониманием и уважением.

Сейчас у российского руководства есть желание закрыть катынскую тему: соответствующие слова не раз произносились российскими лидерами, извинения содержатся в официальном заявлении Государственной думы, есть желание передать полякам все материалы по Катыни. При этом, конечно, существуют опасения, что Польша предъявит нам через Европейский суд по правам человека материальные требования от родственников погибших. Вне всякого сомнения, как достаточно смелый шаг можно оценить и поездку Владимира Путина в Катынь — она предшествовала катастрофе самолета президента Польши Леха Качиньского. Характерными стали и реакция россиян на эту катастрофу, и демонстрация фильма Анджея Вайды «Катынь» на центральном телеканале. Думаю, это важные явления, которые показали, что мы стали понимать боль другой стороны, ее страдания. Сейчас много говорят, что президент Польши Станислав Коморовский заявил о том, что скорой перезагрузки в наших отношениях он не ожидает, однако, я полагаю, что она уже происходит, хотя процесс это непростой. Поляки приняли извинения, что послужило началом этого процесса. Думаю, что постепенно, в том числе через гражданский диалог, мы все-таки сможем достичь взаимопонимания.

Н.Б.:

— То есть в Польше сближение проходит сложнее, чем в России?

А.М.:

— Более того, нужно отдавать себе отчет в том, что в Польше все равно останется часть общества, которая не примет наших извинений, как и в России часть общества возмущена извинениями перед поляками. Нам нужно учитывать существование таких политических сил, как партия «Право и справедливость» в Польше (в Германии, кстати, «Союз изгнанных» тоже был против покаяния Брандта), которые мыслят исключительно в категориях противостояния.

О перспективе

Н.Б.:

— Что следовало бы предпринимать для улучшения ситуации?

А.М.:

— Думаю, что нужно больше обращать внимание на позитивную повестку дня. Здесь важно следующее. Первое — мужество признать ошибки и преступления, что непросто. Ведь у нас в России есть такое представление: если ты извиняешься перед кем-то, то ты, в лучшем

случае, слабак, а в худшем — предатель. В этой связи приведу пример из истории Чехии. В XIX веке там была популярна Краледворская рукопись — фальшивка, удревнявшая чешскую историю, делающая ее более героической, в том числе по сравнению с немецкой. Несмотря на то, что она была построена на лжи, чешское общество хотело в нее верить. Однако появился человек — профессор Томаш Масарик, впоследствии первый президент Чехословакии, стал основателем послевоенной Чехословакии, — который публично заявил о том, что это фальшивка. Разразился грандиозный скандал. Его обвинили в том, что он не патриот, что он служит немцам. Сейчас он почитается как один

Польша стала восприниматься в России как страна, с которой необходимо дружить в рамках общего улучшения отношений с Западом

из самых выдающихся исторических деятелей Чехии. Думаю, что именно это мужество сказать правду свидетельствует об истинном патриотизме, которому не нужны ложь или полуправда.

Второе — надо искать те моменты, которые нас объединяют. А нас объединяет очень многое. И тот же Грюнвальд, который является общим для русских, белорусов, литовцев и поляков. И те же романы Сенкевича, которыми и далее будут зачитываться школьники. Это фильмы Вайды, уже упомянутые мною, которые стали эпохой не только для поляков, но и для целого поколения русской интеллигенции.

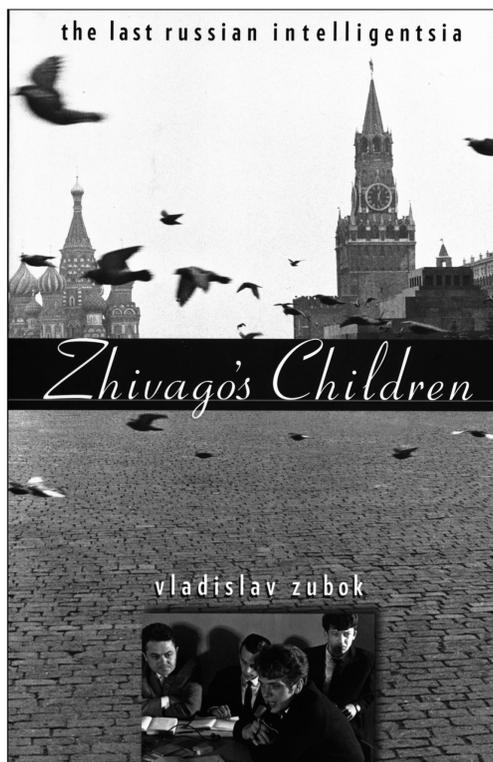
Есть еще много общего в других аспектах нашей истории. Например, мало кому известно, что польские инженеры сыграли большую роль в строительстве Транссибирской магистрали — одного из крупнейших инфраструктурных проектов за всю историю России. Для всех нас священной является оборона Брестской крепости, хотя только в конце 1980-х мы узнали о том, что и поляки обороняли ее против авангарда танковой группы Гудериана еще в сентябре 1939 года. Кроме того, многие поляки служили в русской армии, среди них были военачальники, храбрые офицеры.

Одни из этих эпизодов драматические, другие — менее трагические, третьи — оптимистические. Все вместе они служат основанием для переосмысления прошлого и диалога, для понимания того, что в нашей истории были тяжелые времена, кошмарные преступления, но было и много общего. Было взаимопонимание людей, сотрудничество. Даже в сталинских лагерях русские и польские заключенные находили общий язык, несмотря на филологические, профессиональные и прочие различия. Да и сейчас — в нормальной жизни — простые люди тоже умеют ладить. Поэтому очень важно, чтобы в вопросах и подходах к сложным историческим темам сегодня торжествовала мудрость, кото рая свойственна нашим народам, чтобы черно-серый пиар был преодолен, так же как и исторические стереотипы с обеих сторон. Это важно и для России, и для Польши.

Уходящее племя

Эта книга посвящена той странной породе людей, которую принято называть «русской интеллигенцией». Символично, что, несмотря на российское происхождение автора, опубликована она на Западе: в России, где демократическая революция 1990-х годов за два десятилетия выродилась в режим авторитарной и несменяемой власти, вопрос об интеллигенции и общественной роли, ею исполняемой, в целом можно считать решенным. Причем не в пользу послевоенного поколения «детей Живаго», которым так восторгается Владислав Зубок. Блистательная плеяда делателей искусства, науки, общественной жизни, обобщаемая термином «шестидесятники» и сходящая сегодня с исторических подмостков, как ни горько это признавать, не справилась ни с одной из задач, которые нужно было бы разрешить России в минувшие полвека. Конечно, в совокупности эти люди сделали не так уж и мало, и вспоминать их — в основном по персоналиям, — будут еще долго. Но в целом самое здравомыслящее и высокоморальное советское поколение так и не смогло обеспечить прорыв нашего общества из советской по духу эпохи в какое-то новое, свежее, творческое время.

Разумеется, я далек от того, чтобы винить в этом автора: он честно сделал свою работу. Книга станет неоценимым подспорьем для всех, кто интересуется духовной жизнью в СССР после смерти Сталина. В монографии использованы материалы из десятка наиболее значимых и богатых российских архивов, документы, свидетельства, интервью рассыпаны по страницам в необычайном изобилии. Количество персоналий,



Zubok V. *Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia.* — Cambridge (Mass.) and London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2009. — 453 p.

привлекаемых автором, также безмерно: это бесконечная галерея портретов советских интеллигентов, как ушедших, так и живущих поныне. Книга была весьма тепло встречена критиками, хотя среди них попадались и те, кого авторская концепция не удовлетворила. Так, Шейла Фицпатрик, автор знаменитого исследования «Повседневный сталинизм»*, профессор истории Чикагского университета, в своей рецензии на нее высказалась так: «В изложении автора это печальная история, почти трагедия. А я, читая, не могла отделаться от ощу-

* См.: Фицпатрик Ш. *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008.*

щения, что «дети Живаго» не только наслаждались приятной жизнью, отличавшейся от удела большей части советского населения, но и старались получить от нее все больше удовольствия. ... Одна из характеристик «детей Живаго», которую Владислав Зубок обходит стороной, состоит в том, что они не только не переживали по поводу собственного привилегированного положения в обществе, но умели преподносить его в терминах добродетели и морального лидерства»*.

Именно здесь, как мне кажется, и надо искать объяснение того, почему реформаторские проекты советских интеллигентов на протяжении второй половины XX века неизменно проваливались. По ходу повествования Владислав Зубок не раз упоминает о том, что даже самые передовые «шестидесятники» были в основном приверженцами советского патриотизма и коммунистической идеи. Им нравилось жить в Советском Союзе, они считали его лучшей страной на земле, а любые перспективы совершенствования советской жизни связывали с социализмом. В этом плане, кстати, они довольно решительно отличались как от самого Бориса Пастернака, так и от его героя, доктора Юрия Живаго, в реальности и в романе остававшихся носителями высокой культуры русской интеллигенции XIX столетия. По ироничному замечанию Фицпатрик, более справедливо было бы назвать рецензируемую книгу «Дети Ленина» или, на худой конец, «Дети Луначарского».

Владислав Зубок как бы не замечает этого принципиального противоречия. Между тем воспеваемые им советские интеллигенты, родившиеся после революции, решительно отличались от тех творческих людей, чья культурная работа началась еще до 1917 года — от Анны Ахматовой, Надежды Мандельштам или

Дмитрия Лихачева. «Шестидесятникам», разумеется, тоже были присущи оптимизм, идеализм, правдивость, но вот обеспечить культурную преемственность между старой и новой интеллигенцией они так и не смогли. Произошел роковой разрыв той магической связи, которая только и обеспечивает воспроизводство культуры. Советская власть действительно сумела сформировать «нового человека» — человека без прошлого, заряженного на постоянное генерирование подобных себе индивидов. По этой причине даже в самые активные периоды своей социальной деятельности, будь то в 1960-е или в 1980-е годы, отечественные интеллектуалы демонстрировали свое полное политическое бессилие: они ничего не могли изменить, и не потому, что были «интеллигентами», а из-за того, что оставались «советскими», по сути, людьми. Наиболее ярким примером этой неудачи может послужить совершившаяся за два десятилетия деградация нашей демократической государственности начала 1990-х годов.

Эта книга ставит перед читателем еще один важнейший вопрос. А что, собственно, дальше? Советская интеллигенция, при всех ее недостатках и слабостях, скоро уйдет. Как будет передаваться отечественная культура, а также распространяться мировая культура? Или же мы вступаем в уникальный период своей национальной истории — лишенный интеллигенции, интеллигентности и, в конечном счете, интеллекта? Слишком многое указывает на то, что в России на самом деле завершается процесс вымирания духовной элиты. А это означает, что впереди у нас великие неприятности. И уходящих «детей Живаго и Луначарского», по-видимому, еще не раз доведется помянуть добрым словом.

Андрей Захаров

* *Fitzpatrick S. Cultivating Their Dachas // London Review of Books. September 10, 2009. Vol. 31. № 17. P. 12–14.*

Региональное книжное обозрение

О.В. Иншаков, Д.П. Фролов. Лингвистика институциональной экономики. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. — 280 с.

История появления книги «Лингвистика институциональной экономики», судя по тексту, такова. Два экономиста-теоретика, не дождавшись терминологической точности, понятности и инициативы от филологов, зашли на их территорию и одержали убедительную победу на поле иной науки.

Ясно, что в языках разных народов, пишут авторы, одни слова отмирают, как коммуникативно невостребованные или неудобные, другие — возникают в процессе научного и бытового «выращивания» или заимствования из внешней среды.

Так, собственно, и произошло в русском языке со словом «институт», которому фактически посвящена рецензируемая книга. Оно заимствовано из французского языка и вошло, согласно Словарю Даля, в российскую культуру в начале XIX века, когда первоначально означало учебное, воспитательное или ученое заведение или учреждение. Сегодня это понятие по-разному определяется в экономике, социологии, политологии, юриспруденции и других общественных науках. И речь при этом идет в том числе об институциональной экономике, когда все многообразие явлений социально-экономической реальности, по словам авторов, может быть интерпретировано на языке институциональной теории, которой «предстоит реализовать исторический шанс утверждения в качестве лидирующего научного направления, в наибольшей степени влияющего на экономическую теорию, практику и политику» (с. 5). Однако рассчитывать на успех в этом сложном деле, подчеркивают О.В. Иншаков и Д.П. Фролов, трудно, так как нет ясности по поводу базовых понятий институционализма — институции и института, вследствие их искусственного отождествления при переводе иностранных источников на русский язык. Что и стало мотивом обращения авторов к проблемам *институциональной лингвистики*, то есть взаимодействия институциональной теории с общим языкознанием, которая, с их точки зрения, является

Олег Васильевич Иншаков — д.э.н., профессор, ректор Волгоградского государственного университета. Даниил Петрович Фролов — д.э.н., заведующий кафедрой маркетинга Волгоградского государственного университета.

Перу авторов принадлежит масштабное исследование «Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.)», вышедшее в двух томах в 2002 г.

наиболее перспективной областью междисциплинарных исследований в современном институционализме.

При этом стоит напомнить, что слово «институция» латинского происхождения, от глагола *in-sto, institi* — стоять, быть на верном пути, настойчиво проводить, производить, настаивать. И отсюда же *institutio* — устройство, образ действия; наставление, указание, то есть некий заведенный порядок, закрепленный со временем в форме закона или учреждения (института).

Различение этих терминов, изучение содержания видов институции как социальной формы признания и закрепления обособившихся способов человеческой деятельности с присущими им атрибутами (правилами, нормами, статусами и т.д.) позволило авторам, во-первых, определить наиболее общее средство фиксации значения институции в русском языке (имя существительное, оканчивающееся на *-ство*), и, во-вторых, сгруппировать их в категориальные пары (например, предпринимательство — предприятие, банкирство — банк и т. п.). На этой основе ими составлены первые словники институций на материалах древнего и современного русского языка; словарь понятий «институция» и «институт» в основных европейских языках; словарь соответствия институциональных номинаций в современных славянских языках; краткий русско-английский словарь; краткий словарь «трансплантированных» институциональных номинаций в современном русском языке и др., с которыми читатель может познакомиться в Приложениях к книге.

Таким образом, показывая, как иностранное слово, попав в российскую языковую среду, приобретает свойственное русскому языку звучание, авторы создали своего рода шпаргалку для переводчиков экономических трудов и одновременно вывели коэффициент укорененности институций, предложив методологию исследования приживаемости импортированных институций и институтов в российском культурном, экономическом и политическом пространствах. Например, для исследования трансплантированных институций это будет отношение количества упоминаний русифицированного названия данной институции (с формантом *-ство*) к количеству упоминаний ее исходной англоязычной номинации (с суффиксом *-ing*).

Институционализация описывается авторами как процесс введения в устойчивую социальную форму возникающих функций хозяйственных субъектов с их последующей спецификацией, формализацией и структурным закреплением.

Рецензируемая книга обладает рядом неоспоримых пользовательских качеств. Во-первых, она небольшая (мне удалось прочитать ее за несколько часов в поезде «Волгоград-Москва») и легко воспринимается, снабжена прекрасным аппаратом ссылок и приложений и стимулирует размышления о природе языка как феномена культуры и средства коммуникации.

Дмитрий Грушевский
(Волгоград)



*Владимир Рыжков,
политик, публицист*

Контрапункт

ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ

Валерий Фрид. 58 1/2, Затерянный в Сибири, или *Записки лагерного придурка*. — М., 2011. — 576 с., илл.

При поддержке «Новой газеты», А. Лебедева, М. Романовской и М. Сенькевич переизданы мемуары выдающегося советского и российского драматурга и киносценариста Валерия Фрида.

Валерий Фрид (1922–1998), вместе со своим школьным — и на всю жизнь другом и соавтором Юлием Дунским (знаменитая пара авторов Фрид и Дунский) написали десятки сценариев, по которым были сняты такие популярные фильмы, как «Служили два товарища», «Гори, гори, моя звезда», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», «Шерлок Холмс и доктор Ватсон», «Экипаж» и многие другие.

Юлий Дунский умер в 1982 году, не дожив до времен перестройки и гласности. А Валерий Фрид не только написал сценарий на лагерную тему и снял по нему, вместе с режиссером Александром Миттой, фильм «Затерянный в Сибири», но и оставил нам великолепные в литературном и фактическом отношении воспоминания.

После окончания школы в Москве, Фрид и Дунский поступили на учебу во ВГИК (в 1940 году). В 1944 году Фрид ушел добровольцем на фронт. Но до фронта не доехал — его сняли прямо с поезда энкавэдэшники во время остановки в Подольске и в черной эмке привезли в тюрьму на Малой Лубянке. Тогда же был арестован и Дунский. Как выяснилось, на долгие годы — до дня освобождения в январе 1954 года в далекой шахтерской Инте.

Всего чекисты взяли по обвинению «в принадлежности к антисоветской молодежной группе и в террористических намерениях» 13 молодых людей — группу друзей, собиравшихся на вечеринки у одной из подруг в квартире на Арбате. Среди участников

«группы» была подруга Фрида Нина Ермакова (будущая супруга академика В. Гинзбурга), дочь ранее репрессированного А. Бубнова Лена, близкие друзья Фрида М. Коган, М. Левин и другие. Группе было предъявлено абсурдное обвинение в подготовке покушения на Сталина в момент его проезда по Арбату в Кремль.

В московских тюрьмах (Лубянка, Бутырка) к Фриду и его однодельникам были применены все виды физического и психического давления, включая пытки, с целью склонить к признательным показаниям. Фрид даже составил «инструкцию» — как добиться нужных следствию признаний обвиняемого:

Пункт 1. Для начала посадить в одиночку..

Пункт 2. Унижать, издеваться над ним и его близкими. «Фрид, трам-тарарам, мы тебя будем судить за половые извращения». — «Почему?» — «Ты, вместо того чтобы е... свою Нинку, занимался с ней антисоветской агитацией».

Пункт 3. Грозить карцером, лишением передач, избиением, демонстрируя для наглядности резиновую дубинку.

Пункт 4. Подсадить к нему в камеру хотя бы одного, кто на своей шкуре испытал, что резиновая дубинка — это не пустая угроза. (С Юликом Дунским сидел Александровский, наш посол в довоенной Праге. Его били так, что треснуло небо...)

Пункт 5. Через камерную «наседку» внушать сознание полной бесполезности сопротивления... и т.д.

Эти неписанные правила «слома» арестованных, судя по многочисленным свидетельствам, и поныне широко применяются в российских следственных тюрьмах и изоляторах.

В результате такого «расследования» Особое совещание при НКВД СССР приговорило Фрида и Дунского к 10 годам ИТЛ и двум годам ссылки (ст. 58 УК РСФСР, пп. 10, 11). После чего последовали этапы в Каргопольлаг (ст. Кодино Архангельской области), Вологодская пересыльная тюрьма, Инта и Минлаг.

В воспоминаниях Фрида важна светлая, полная юмора и достоинства интонация: он подробно и честно пишет обо всем, чему был свидетелем, в том числе о человеческой низости и подлости, о смерти и страданиях множества людей, о пытках и унижениях, об опустившихся умирающих от голода «доходягах», поедающих человеческие экскременты, но в то же время — о силе воли и самоуважении, о человеческой солидарности, которые единственно помогли сотням тысяч жертв государственного террора выжить и остаться людьми. «Мне куда приятнее вспоминать те победы — пусть маленькие, незначительные — над собой и над обстоятельствами, которые в конце концов помогли вернуть самоуважение, начисто растоптанное в следовательских кабинетах». А ведь были попытка самоубийства, карцер, пытка лишением сна в течение пяти суток.



Фрид подробно и ярко, с большим числом подробностей, юмором описывает тюремную и лагерную жизнь, цитирует много стихов и песен тех лет, специфический лагерный жаргон. В книге есть шедевр лагерной прозы — мини-повесть Дунского и Фрида «Лучший из них», написанная еще в заключении и посвященная старому авторитетному «вору в законе» по прозвищу Чума. Среди тех, с кем свела Фрида лагерная судьба, были поэт Я. Смеляков, П. Якир, А. Каплер и многие другие. Воспоминания Фрида — уникальный источник достоверных сведений о быте, организации, иерархии, нравах архипелага ГУЛАГ. Среди историй, рассказанных автором, десятки готовых сюжетов для киносценариев и романов.

После освобождения из лагеря в начале 1954 года Фрид и Дунский были оставлены на вечное поселение в Инте — у той же шахты, на которой работали зэками. В 1956 году последовала реабилитация, возвращение в Москву к нормальной жизни.

Фрид описывает северную шахтерскую Инту середины 50-х — с наспех построенными полуземлянками и бараками с засыпными шлаком стенами, — населенную молодыми 35–40-летними людьми, сплошь бывшими з/к с 58-й статьей, с оказавшимися враз безработными ленивыми и бестолковыми «вертухаями», Инту, переживающую медленную разморозку страны при Хрущеве. «ГУЛАГ без боя не сдавал позиции, но прежнего страха перед ним уже не было». «Времена менялись, но не так быстро, как хотелось бы». Бывшие офицеры — чекисты, охранники — мечтали о возвращении старых времен, пускали меж собой слухи: «Скоро опять будут в Инте лагеря... Маленькие, но с большим штатом».

В 1990-х годах, когда Валерий Фрид писал свои мемуары, казалось, что медленная разморозка страны, начавшаяся в хрущевские времена и с перерывами продолжавшаяся несколько десятилетий, привела к полному изменению отечественного климата.

РАБОТА НАД ПРОШЛЫМ

Европейская интеграция: учебник. — М.: «Деловая литература», 2011. — 720 с.

Пока з/к на многочисленных островах архипелага ГУЛАГ с замиранием сердца следили за бюллетенями о состоянии здоровья «товарища Сталина» в начале марта 1953 года, разрушенная войной Западная Европа искала ответы на трудные вопросы об истоках собственной трагедии, о причинах двух мировых войн, опустошивших некогда процветавший континент. И если Советский Союз медленно отползал от сталинистской пропасти, не давая себе труда и смелости назвать вещи своими именами, проговорить все и до конца, назвать преступления преступлениями, а преступников — преступниками, привлечь их к ответственности, разрушить сами идеологические и

институциональные основы системы государственного насилия над обществом и гражданином, западные европейцы, пусть и не сразу, проделали эту необходимую работу.

Денацификация Германии и дефашизация Италии, запрет нацистских и фашистских партий, формирование многопартийных демократий с акцентом на защиту прав человека, создание и быстрый подъем социально ориентированных рыночных экономик на западе Европы сформировали к 60-м годам знаменитую «европейскую модель», столь привлекательную сегодня для всего мира. В том числе и для России.

Интерес к европейской интеграции, ее политическим, духовным и экономическим основам, ее истории у нас быстро растет, в том числе по мере расширения самого ЕС и приближения его к границам Российской Федерации. На этом фоне остро ощущается дефицит обобщающих современных работ по европейской интеграции. В значительной мере голод на такие работы способна утолить только что вышедшая коллективная монография «Европейская интеграция: учебник» под редакцией опытного специалиста по европейской интеграции, профессора Ольги Буториной. Появление книги стало результатом плодотворного сотрудничества МГИМО МИД РФ и Института Европы РАН.

Задача книги — «дать комплексное представление о процессах европейской интеграции в их исторической взаимосвязи и современном разнообразии», и эта задача успешно решена. Исследование доведено авторами до самого последнего времени — например, подробно проанализирован действующий в полном объеме с 2009 года Лиссабонский договор о ЕС, как и перипетии с потерпевшей неудачу европейской конституцией.

Среди авторов — такие известные российские специалисты по современной Европе, как академики В. Журкин и Н. Шмелев, профессора и доктора наук Ю. Борко, О. Буторина, М. Стрженева, Л. Воронков, а также А. Загорский, Н. Кавешников, О. Потемкина и многие другие. В книге подробно рассмотрены ключевые темы европейской интеграции, такие как теории интеграции, история европейской интеграции, институты и право ЕС, система принятия решений, финансовые институты и учреждения, направления деятельности и основные политики ЕС, ЕС в системе международных отношений, интеграционные процессы в «Большой Европе» (включая анализ СНГ, Вышеградской группы, Черноморское экономическое сотрудничество и др.). Отдельная большая глава посвящена развитию сотрудничества ЕС и России.

Две мировые войны и связанные с ними ужасы надолго (или, как надеются сами европейцы, навсегда) дискредитировали три ключевые идеи, доминировавшие в мире и Европе до Второй мировой войны: национализм, государственный суверенитет и сильное государство.



Выяснилось, что именно сочетание национализма, веры в нерушимость государственного суверенитета и преклонение перед «сильным государством» дважды в течение жизни одного поколения ввергло Европу в мировые войны.

Осознание этого и отторжение трех базовых идеологем предвоенного периода привели Европу (сначала Западную, а много позже — Центральную и Восточную) к новым основам жизни государства и общества — либеральным ценностям, демократии, ограничению функций государства, верховенству прав личности над правами государства, а также делегированию части государственного суверенитета наднациональным структурам в ходе развития процессов европейской интеграции.

Уже в своей знаменитой речи в Цюрихском университете 19 сентября 1946 года Уинстон Черчилль призвал европейцев покончить «с национальными распрями», создать Единую Европу («что-то вроде Соединенных Штатов Европы»), достичь исторического примирения немцев и французов. В 1949 году, когда по СССР прокатилась новая волна политических арестов и развернулась травля «космополитов», в Страсбурге был создан Совет Европы, главной задачей которого стала «защита прав человека, укрепление парламентской демократии и обеспечение верховенства закона». А 9 мая 1950 года министр иностранных дел Франции Робер Шуман произнес в Париже историческую речь о создании Объединения угля и стали между Францией и ФРГ, давшую старт процессам европейской интеграции. (Договор о Европейском объединении угля и стали был подписан в апреле того же года, в него вошли 6 стран Западной Европы.) Впереди было создание Общего рынка.

Полное и глубокое осознание европейцами фундаментальных причин кровопролитных войн и внутреннего насилия в десятках европейских государств позволили им построить Европу на принципиально новых, мирных и свободных, основах.

Стоит внимательно прочитать книгу Фрида о сталинских лагерях и новую книгу специалистов по европейской интеграции, чтобы осознать важность проделанной европейцами работы.

Изучение политической истории нашей страны, вне идеологических штампов и оценок, еще только начинается. Долгие годы наша наука была вынуждена руководствоваться жесткими рамками официального, разрешенного отношения к историческим персонажам — положительного или отрицательного. При этом совершенно не играла роли реальная деятельность политика-управленца, политика-реформатора, все определялось его «классовой близостью» или «социальным родством». Пережив в 90-е бурный подъем интереса к историческим персонажам, наша история так же, подчас весьма существенно, отдалялась в своих оценках от объективности и беспристрастности. Здесь мы наблюдали крен в другую сторону: все государственники и консерваторы — плохие, все реформаторы — хорошие. И здесь опять же не играли роли ни реальный вклад политика в развитие страны, ни последствия подчас весьма неудачных реформ, а оценки формировались по принципу идейной близости, только уже к другому классу политиков. Сегодня, когда страсти поулеглись и наша политика повзрослела, самое время взвешенных исторических оценок, в том числе и в области изучения политических биографий и трудов политиков прошлого.

Мастерство политического портрета

Академик Евгений Викторович Тарле (1874–1955) по праву считается признанным мастером политической биографии и политических портретов выдающихся государственных деятелей, дипломатов и военачальников.

Интерес к роли личности в политике и истории возник у Е.В. Тарле в период учебы в Киевском университете под влиянием работ известного английского писателя, историка и философа Томаса Карлейля, который главный методологический принцип историка сформулировал в виде афоризма: «История мира есть лишь биография великих людей». [1, с. 849]

Первым большим трудом Тарле в ряду работ, посвященных выдающимся политическим фигурам, стоит историко-биографический очерк «Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики» (1927). Затем вышла блестящая монография «Наполеон» (1936), имевшая огромный успех и переведенная на французский, немецкий, английский, итальянский и другие иностранные языки. Следующим крупным трудом историка стала, также переведенная на несколько языков, монография «Талейран» (1939), написанная на основе своего же более раннего предисловия к мемуарам знаменитого дипломата и государственного деятеля Франции. Статья «Михаил



*Игорь Сапко,
глава г. Пермь*

Илларионович Кутузов — полководец и дипломат» (1952) была написана значительно позже, но пересекается и дополняет событиями 1812 года монографии, посвященные Наполеону и Талейрану. Кроме этих работ необходимо отметить еще несколько, примыкающих к жанру политического портрета: «Неудавшийся компромисс» (1908) — политическая биография французского политического деятеля второй половины XIX века Эмиля Оливье; и несколько статей, посвященных выдающимся личностям России, — «Статьи Добролюбова об итальянских делах» (1913), «Германская ориентация и П.Н. Дурново в 1914 году» (1922), «Пушкин и европейская политика», «Н.Г. Чернышевский и международная политика» (1935), «Александр Суворов» (1942). Следует особо отметить, что Е.В. Тарле остался верен жизнеописательной методологии даже в работах советского периода: в больших исследованиях обязательно давал биографии знаменитых государственных деятелей, так как полагал, что без этого невозможно точно понять логику и смысл изучаемого события или периода времени. В выдающейся политической работе «Европа в эпоху империализма» (1927) дано несколько блестящих характеристик европейских политиков: например, императора Вильгельма II и французского премьера Жоржа Клемансо. В двухтомном труде «Крымская война» (1941–1944) представлены портреты императора Николая I (особенно впечатляют страницы, посвященные обстоятельствам кончины императора) и адмирала П.С. Нахимова. Выразительные облики императоров Петра I и Карла XII даны в вышедшей уже после смерти Тарле работе «Северная война и шведское нашествие на Россию» (1958) (о Карле XII Е.В. Тарле писал и в частных письмах, делая точные и глубокие замечания). В работах «Чесменский бой

и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769–1774» (1945), «Адмирал Ушаков на Средиземном море. 1798–1800» (1945–1946), «Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море. 1805–1807» (1954) есть яркие портреты А.Г. Орлова, Ф.Ф. Ушакова и Д.Н. Сенявина. Еще раз подчеркнем, что, давая характеристики и описывая действия П.С. Нахимова, А.Г. Орлова, Ф.Ф. Ушакова и Д.Н. Сенявина, академик Тарле выделял их талант и способности как умелых политиков, выдающихся государственных деятелей, а не только блестящих флотоводцев.

Во всех этих работах исследователь рассматривает взаимосвязь различных факторов, оказывающих влияние на принятие тех или иных политических решений, а также на результаты их реализации тем или иным государственным деятелем. Это не только собственно политический контекст (в том числе геополитический и геоэкономический), но также и социальный, затем военный и дипломатический, экономический (в первую очередь — фактор финансов и развития промышленности), и последний, но не менее важный — психологические особенности личности.

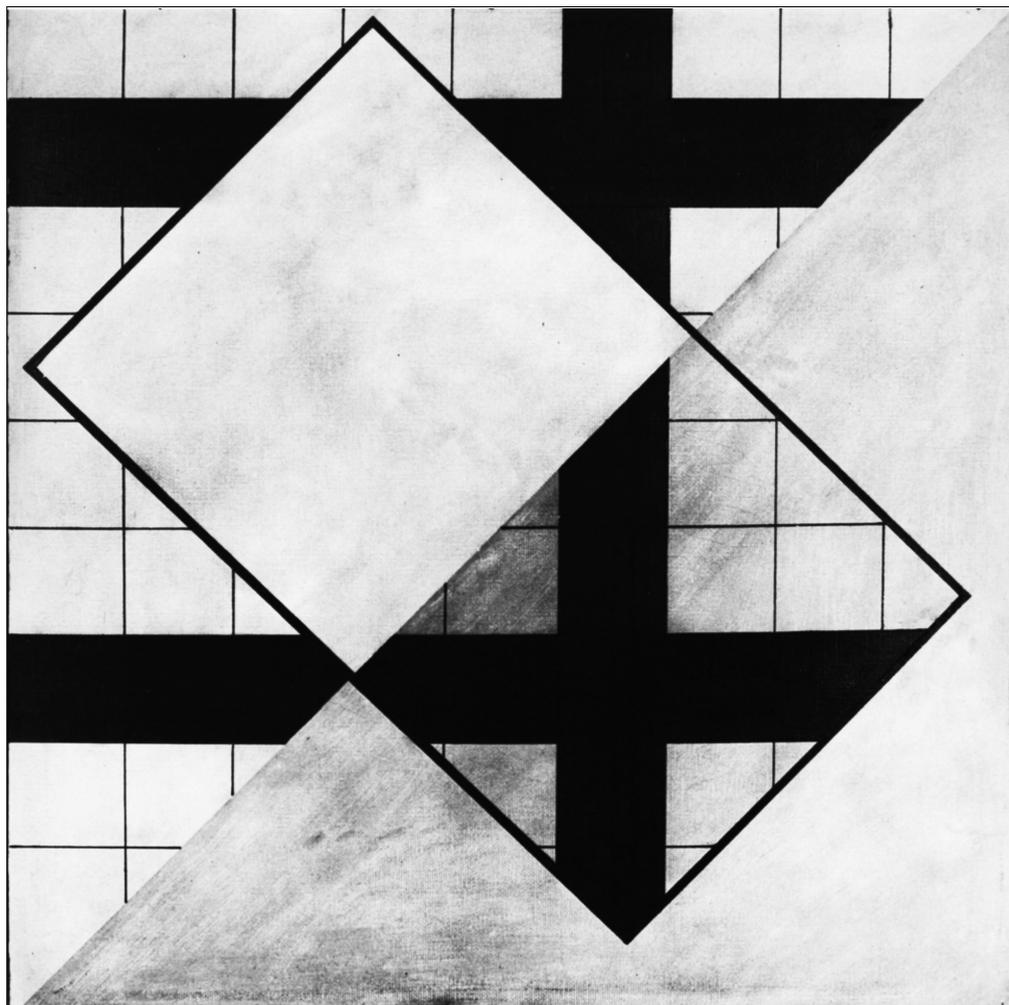
Историю, и особенно политическую историю, делают выдающиеся личности. Поэтому, как было отмечено, Е.В. Тарле свои исследования выстраивает на фундаментальном методологическом принципе: наиболее точное и правильное понимание политической истории дает изучение биографий, качеств и роли в ключевых событиях истории выдающихся личностей («героев» в терминологии Т. Карлейля). Он считал, что без понимания и изучения феномена войны, военных действий понять политику прошлого невозможно. Поэтому в его творчестве столь велик интерес к истории войн, знаменитых битв, в которых наиболее ярко

раскрывались личностные качества полководцев и военачальников. Так же как и к дипломатии (особенно к истории и теории дипломатии, деяний выдающихся дипломатов России и Европы) интерес Тарле к феномену войны был постоянен. Но еще раз подчеркнем — эти материалы интересовали исследователя не сами по себе, а только когда они были встроены в общеполитический контекст, который позволял видеть их не изолированно, а в системе политических процессов. Здесь Е.В. Тарле не расходится с критикуемым им выдающимся военным теоретиком Карлом фон Клаузевицем, а, наоборот, реализует в своих исследованиях его знаменитый постулат о природе войны: «Итак, мы видим, что война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами». [4, с. 55–56] Сам же он так определял зависимость политики и войны: «Еще в середине XIX века Энгельс говорил, что настала пора, когда политические борцы должны изучать военное искусство: без этого им не обойтись в борьбе за лучшее будущее человечества». [5, с. 701] Особенности методологии политического исследования требуют встроить военную теорию и историю в контекст более широкого и более важного круга вопросов и проблем.

И третье важное уточнение: изучение роли личности выдающегося государственного деятеля невозможно без исследования личностных качеств, особенно в психологическом ракурсе. Рассматривая и анализируя роль личности в политике через призму политической истории, Е.В. Тарле неизбежно приходит к пониманию важности исследования психологии личности. Индивидуальные качества политика проявляются в его волевых качествах, в проницатель-

ности, в политической интуиции и способности предвидеть, прогнозировать события. Поэтому Е.В. Тарле никогда не отказывал себе в удовольствии обозначить несколькими штрихами психологические особенности личности государственного деятеля, политический портрет которого он создавал. Это в первую очередь относится к его небольшим по объему работам. В статье о М.И. Кутузове он пишет: «Суворов, откровенно говоривший, что он дипломатией заниматься не любит, сейчас же предоставил Кутузову все эти щекотливые политические дела, которые тот выполнил в совершенстве. Тут впервые Кутузов обнаружил такое умение обходиться с людьми, разгадывать их намерения, бороться против интриг противника, не доводя спора до кровавой развязки, и, главное, достигать полного успеха, оставаясь с противником лично в самых “дружелюбных” отношениях, что Суворов был от него в восторге». [7, с. 770]

В своих монографиях Е.В. Тарле давал более развернутые и глубокие психологические характеристики персонажей повествования для более полного понимания мотивации и средств достижения целей тем или иным политиком. Особая плодотворность подобного подхода обнаруживается в изучении им взаимоотношений таких выдающихся политических деятелей, как Александр I и М.И. Кутузов, Наполеон и Талейран, Николай II и С.Ю. Витте. Анализируя труды академика Е.В. Тарле, мы можем сделать вполне убедительный вывод: иногда даже обычная психологическая совместимость при совместной деятельности может оказаться важным политическим фактором, который повлияет на окончательный результат. Император Александр III желал и умел находить общий язык с С.Ю. Витте, так же как и сам он вполне успешно согласо-



Фридрих Форденберге-Гильдеварт. Композиция. 1924–1925

ывал и реализовывал различные политические проекты в царствование Александра III. Но все решительно изменилось с восшествием на престол Николая II, который, возможно, и желал, но не умел находить взаимопонимание с С.Ю. Витте. Выдающиеся таланты Витте востребовались только в кризисных ситуациях, спорадически и поэтому вели к кратковременному исправлению положения и могли лишь отодвинуть надвигавшийся тяжелый кризис российской государственности. В очерке, посвященном выдающемуся государственному деятелю России

Сергею Юльевичу Витте, академик Тарле, характеризуя взгляды графа, пишет: его «миросозерцание можно определить как довольно примитивную веру в “роль личности” в истории». [8, с. 732] И далее: «На историю влияет великий государственный деятель: в частности, на историю России должен влиять Сергей Юльевич Витте, которому в этом деле должен не мешать государь император, не говоря уж о ком бы то ни было другом. Этот тезис весьма мало похож на законченную историко-философскую систему, но граф Витте за составлением систем

никогда и не гонялся. А указанного тезиса ему вполне хватало для всегдашней внутренней устойчивости, для полного и непоколебимого признания внутренней своей правоты во всех своих делах и помышлениях». [8, с. 733] С.Ю. Витте разбирался в интригах, умел оценивать политическую конъюнктуру и собственные возможности (а также возможности и ресурсы России как государства) и поэтому он четко понимал основную угрозу Российской империи: «С точки зрения Витте, России требовалось только одно — не ввязываться ни в какую войну. Нет ни одной потребности русского государства, которую нельзя было бы вполне удовлетворить, не прибегая к войне. Но России не только незачем воевать — ей и невозможно воевать. Именно тут и проявилась интуиция, так могущественно развитая в Витте, он мог там и сям обронить хвастливое, шовинистическое словцо, но всем нутром своим он понимал страшную опасность новых войн для всего бытия основанной Петром I петербургской империи». [8, с. 736]

Важнейшим условием успешного решения политических целей государства является наличие на ключевом государственном посту личности, которая не просто соответствует этому положению уровнем образования, подготовки и опытом работы, но в силу личных качеств — врожденных и приобретенных — может справиться с вызовами, с которыми страна сталкивается на данном историческом этапе. Отсутствие такой личности в критические моменты истории может оказаться для государства роковым и привести к катастрофе. Поэтому исследование фактора личности не случайно занимало в творчестве Е. Тарле столь значительное место. Следует обратить внимание на еще одно важнейшее свойство (помимо

интуиции), характеризующее выдающегося политического деятеля: понимание условий и границ эффективности всех компонентов политики в различные периоды жизни государства, в частности силового компонента (военного, полицейского) и переговорного (дипломатии, выборов), что также находило отражение в творчестве исследователя.

В частности, в своей блестящей монографии «Талейран» Тарле очень точно и убедительно расставляет акценты: Талейран умел решать сложнейшие внутри- и внешнеполитические задачи, но при условии понимания и поддержки со стороны высшего лица государства — императора (сначала консула) Наполеона I или императора Людовика XVIII или Луи Филиппа. Но если такого понимания не было, даже Талейран был бессилён. Благодаря своей политической интуиции Талейран заранее прогнозировал развитие событий и чаще всего сам покидал тонущий государственный корабль и перебирался на другой, или сам формировал новое государственное устройство с учетом кардинально изменившихся политических условий. Самый показательный, интересный и потрясающий пример — момент, когда Талейран постепенно отказывается от поддержки Наполеона I и отходит (на определенное время) от государственных (но не от политических) дел. Это тем более удивительно, что император Наполеон I находился в зените славы и могущества. Но Талейран был (так же как и Витте) выдающимся политиком и понимал (сначала интуитивно и потому опережая всех), что император стал все чаще совершать стратегические ошибки, которые медленно, но неизбежно вели не просто к проигрышу, а к разгрому. Наполеон I, будучи гениальным полководцем, постепенно превратил силу (и угрозу при-

менения силы) в *единственный* инструмент политики, особенно в ущерб дипломатии. Это неизбежно сужало пространство для политического маневра и в конце концов привело Наполеона к потере власти и разрушению его великой империи. Пока Наполеон был блестящим, великим государственным деятелем, понимавшим всю сложность сферы *политики*, его взаимоотношения с Талейраном были конструктивными, но когда император стал *только* блестящим, великим полководцем, Талейран покинул его, ибо для него стала очевидна неизбежность разгрома и поражения.

Есть другой пример — из российской политической истории аналогичного периода, который подробно анализировал Тарле: взаимоотношения императора Александра I и полководца, дипломата Михаила Илларионовича Кутузова. Эти отношения были непростыми, но к чести Александра I следует отметить, что он почти никогда полностью не отстранял Кутузова от сферы государственного управления (за исключением короткого трехлетнего периода). Но и почти никогда не благоволил М.И. Кутузову. Фельдмаршал в наибольшей степени, чем кто-либо из государственных деятелей России XIX–XX веков может быть назван выдающимся политиком, мастером политической стратегии. Он прекрасно владел всеми политическими инструментами, умея сочетать и эффективно реализовывать как военные, так и дипломатические планы.

Очень важно отметить, что отсутствие выдающихся личностей в сфере властных отношений и, что еще более важно, в сфере государственного управления является симптомом тяжелого системного политического кризиса. Особенно это опасно для государств, чей способ организации политических отношений построен на принципах абсолютизма:

абсолютная монархия, диктатура, тоталитаризм. Опасность заключается, во-первых, в непонимании логики происходящих политических событий, во-вторых, в неверной оценке собственных ресурсов, политической устойчивости режима и, следовательно, в неверной постановке целей, приводящей к рискам и опасному надрыву. Академик Тарле это важное положение блестяще сформулировал так: «В своей книге “Падение абсолютизма в Западной Европе” я указывал на любопытное (повторяющееся в истории) психологическое состояние правительственной организации, которое наступает часто в той фазе, когда абсолютизм твердо уверен в своей прочности, когда он избавлен от забот о самосохранении. Абсолютизм тогда не остается, обыкновенно, в покое: он начинает ставить пред собой такие внутренние и внешние задачи, которые, по существу дела, вовсе его не касаются и ему не нужны, сплошь и рядом такие безусловные социологические задачи и цели, стремление к которым не диктуется никакими повелительными нуждами, и которые приводят абсолютистскую машину к частичному, а иногда и к общему банкротству. Это — факт бесспорный и, главное, повторяющийся. Этот факт не может изменить навсегда или даже на очень долго общее течение истории данной страны, но он нередко весьма существенно влияет на физиономию политических событий, часто укорачивает явственно те сроки бытия, которые для данного абсолютизма еще не исполнились бы, если бы не указанное психологическое явление. В этих ограниченных пределах указанный факт играет, несомненно, очень видную роль. Вся “славянская политика” русского правительства в XIX в. была в значительной мере порождением этой психологии». [10, с. 503] Как считает Е.В. Тарле, роль лично-

сти (носителя верховной власти) в силу различных причин не может всегда толковаться однозначно. Вот что он пишет в своей знаменитой работе «Падение абсолютизма в Западной Европе»: «Ни одна форма правления не дает такого *видимого* преобладания значению отдельных личностей, как абсолютизм, и поэтому во времена процветания “культу героев” в историографии обыкновенно указывалось на свойство лица, сидевшего в момент революции на престоле, как на главную

причину, которая и обусловила насильственный характер событий. Морализм, со своей стороны, и в науке, и в публицистике всегда старался указывать и подчеркивать ошибки и преступления верховной власти с целью предупредить, либо напугать властителей новейших “дурным примером” властителей старинных...». [11, с. 32]

В заключение следует подчеркнуть актуальность этого краткого обзора работ академика Е.В. Тарле для современной России. Аналогия прямая: и С.Ю. Витте и тем более П.А. Столыпин понимали, насколько важно было для России получить несколько десятков лет внешнего и внутреннего политического спокойствия для завершения процесса *модернизации* как ответа на вызов — системный политический кризис. Необходимо было провести столько политических, экономических (в первую очередь — финансовых) и социальных реформ, что этим государственным деятелям было понятно: ресурсов для ведения активной и *экспансионистской* внешнеполитической деятельности не остается. Нужно было все ресурсы государства сосредоточить на внутриполитических задачах. Осознание этого и есть, по Е.В. Тарле, искусство

политики. Нам представляется, что та же цель стоит перед политическим руководством России на современном этапе. Тем более что внимательный, вдумчивый политический анализ современной государственной политики России показывает, что внешнеполити-

Отсутствие выдающихся личностей в сфере властных отношений и, что еще более важно, в сфере государственного управления является симптомом тяжелого системного политического кризиса

ческие проблемы чаще всего являются прямым или косвенным следствием проблем внутриполитических, и, наоборот, внутриполитические проблемы могут быть следствием внешнеполитических. То есть *политика* — область системная, многокомпонентная, что постоянно подчеркивал в своих трудах Е.В. Тарле. Вместе с тем он отмечал, что политические решения часто принимаются вопреки здравому смыслу, когда верх одерживают политические соблазны: вмешательство в конфликты, войны, постановка политических целей, не обусловленных ни государственными интересами, ни имеющимися ресурсами.

В целом очевидно, что обращение к творческому наследию академика, его политическим работам актуально по нескольким причинам.

Во-первых, изучение роли личности в политической истории позволяет сделать важный вывод: появление выдающегося государственного деятеля, обладающего необходимыми способностями, на *ключевом* государственном посту в период кризисов, переживаемых государством, — войн, революций, смут, или выдвижение такой личности в ответ на вызов (а кризис —

это всегда вызов государству) зачастую является решающим политическим фактором в преодолении этого кризиса.

Во-вторых, актуальным было, есть и будет то обстоятельство, что любой государственный деятель, даже занимающий высший пост (должность, престол), ни при каких условиях не может успешно действовать в сфере политики в одиночку, и поэтому от взаимоотношений всех субъектов, занимающих *ключевые* государственные посты, зависит эффективность реализации принимаемых и осуществляемых политических решений, а также правильная (точная) степень оценки существующих и прогнозируемых рисков. Психологическая составляющая этих взаимоотношений исследовалась и учитывалась академиком, но он никогда не придавал ей решающего или очень важного значения — Тарле не психологизировал политику.

В-третьих, глубокое изучение политической истории, реализованное в работах Е.В. Тарле, позволяет сделать еще одно важное заключение: политика — это искусство властной коммуникации, которое состоит в *сочетании* переговоров, согласований (дипломатии) и силы или угрозы силы (войны), и высшее искусство политики состоит в оптимальном балансе различных политических компонентов и своевременности применения каждого из них. Понять, когда исчерпана эффективность одного средства и может быть введено другое, и есть высшее искусство, которым должен обладать успешный и уж тем более выдающийся политик.

В-четвертых, анализ сложных проблем, таких как роль личности в разрешении политических кризисов; актуальные вопросы войны и мира; роль дипломатии (умения вести переговоры вообще); обоснованность и необходи-

мость применения силы или угрозы силой; а также умение правильно (точно) оценить степень опасности и риски — все это актуально для современной России.

В-пятых, важнейшим свойством, отличающим выдающегося политика, государственного деятеля от посредственного, является интуиция, точнее — политическая интуиция. (Е.В. Тарле иногда употребляет синоним — политический инстинкт.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Карлейль Т. Герои*, почитание героев и героическое в истории / Томас Карлейль. — М.: Эксмо, 2008. — 864 с.
- Тарле Е.В.* Очерк развития философии истории // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. — М.: Издательство «Наука», 1981. — 392 с.
- Селянинов О.П.* Тетради по дипломатической службе государств (История и современность). — М.: Изд-во Анкил, 1998. — 145 с.
- Клаузевиц К.* О войне: Пер. с нем. — М.: Издательская корпорация «Логос»; Международная академическая издательская компания «Наука», Б.г. — 448 с.
- Тарле Е.В.* О приемах буржуазной дипломатии // История дипломатии. Т. 3. М.-Л., 1945. 883 с.
- Шапиро А.Л.* Мои встречи с Е.В. Тарле // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. — М.: Издательство «Наука», 1981. — 392 с.
- Тарле Е.В.*, академик. Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат // Сочинения в двенадцати томах. Т. VII. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. — 867 с.
- Тарле Е.В.* Политика: история территориальных захватов. XV—XX века: Сочинения. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 800 с.
- Тарле Е.В.* академик. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // Сочинения в двенадцати томах. Т. V. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. — 596 с.
- Тарле Е.В.* академик. Германская ориентация и П.Н. Дурново в 1914 г. // Сочинения в двенадцати томах. Т. XI. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. — 883 с.
- Тарле Е.В.* Падение абсолютизма в Западной Европе: исторические очерки. — М.: Эдиториал УРСС, 2010. — 144 с. (Академия фундаментальных исследований: история.)

CONTENTS

To Our Reader	5
Seminar	
Property and Freedom	
<i>Richard Pipes</i>	7
Discussion	12
Notes from the Seminar	
<i>Serguei Gogin</i>	21
Theme of the Issue	
Contemporary Russian Modernization: Civil and Moral Challenges	
<i>Alexander Sogomonov</i>	25
Culture and Politics	
Cultural Assumptions for a Democratic System	
<i>Andrei Zubov</i>	35
Synthesizing Traditional Chinese Culture and Values with Liberal Democracy	
<i>Hairong Lai</i>	47
Viewpoint	
System of Higher Education: An Urgent Reform	
<i>Serguei Guriev</i>	61
The Silicon Valley: Do We Really Understand It?	
<i>Evguenia Shamis</i>	67
Civil Society	
Round Table: The Language of Civil Society (Nizhnii Novgorod) ... Cement of Our Time	74
<i>Maxim Trudolyubov</i>	85
Horizons of Understanding	
The Political Concept of Network Management. An Essay in Methodology.	
<i>Serguei Bol'shakov</i>	93
Interview	
Russia – Poland: Cogitation over the Past and Dialogue	
<i>Natalia Balakireva</i> <i>Alexei Makarkin</i>	102
Books	
The Departing Tribe	
<i>Andrei Zakharov</i>	110
Regional Book Review	
<i>Dmitrii Grushevskii</i>	112
Counterpoint	
<i>Vladimir Ryzhkov</i>	114
Nota bene	
Master of Political Portrait	
<i>Igor' Sapko</i>	119

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

МОДЕРНИЗАЦИЯ БЕЗ МОДЕРНИЗАТОРОВ

СЕМИНАР

(Зеленогорск, 10–13 февраля 2011 г.)

Наши авторы:

Людмила Алексеева

Дейл Бассет

Сергей Васильев

Вадим Волков

Александр Гессель

Андрей Захаров

Андрей Зубов

Андрей Колесников

Михаэль Мертес

Леонид Никитинский

Аркадий Островский

Ричард Пайпс

Евгения Шамис

Андреас Шокенхофф

Подписано в печать 21.04.2011.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 8.

Тираж 999 экз.

Заказ №

Московская школа

политических исследований

127006, Москва,

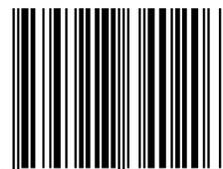
Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1

e-mail: mmps@mmps.su

<http://www.mmps.su>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

ISBN 978-5-91734-020-3



9 785917 340203